
127
124
120
ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

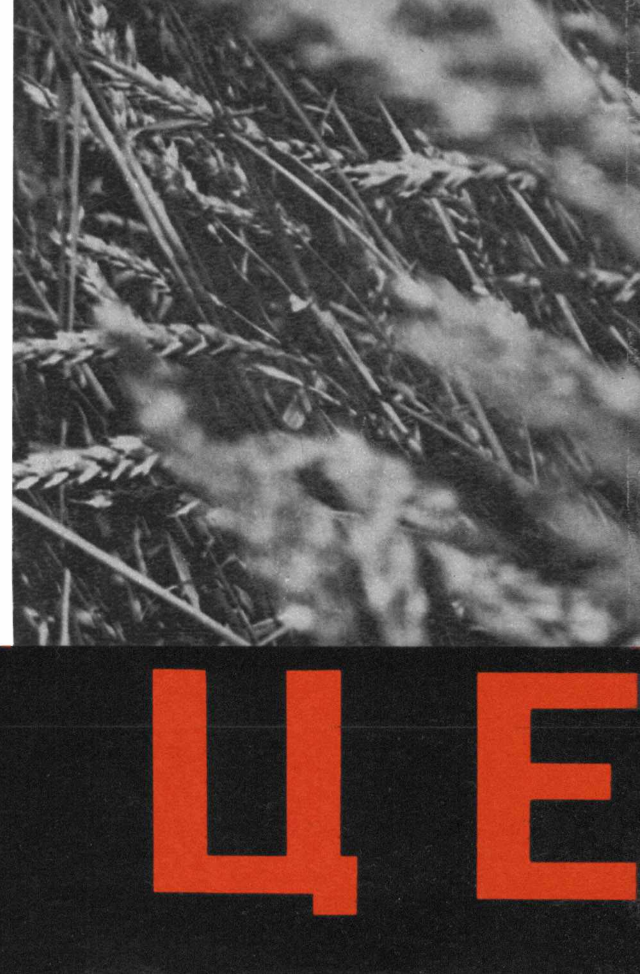
Комбайнер совхоза «50 лет комсомола», депутат Верховного Совета Казахской ССР Есильбай Кадралин.

Два брата, два шофера. Виктор и Алексей Деник — ударники жатвы.

Герой Социалистического Труда Сертай Бектурганов — механизатор совхоза «Раздольный».

ХЛЕБЦЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан 1 апреля 1923 года
№ 37 (2358)
9 СЕНТЯБРЯ 1972
ЛИНЫ
Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» А. ГОСТЕВА.

Нет, не пришла еще пора отдохнуть комбайнеру. Убрала свой хлеб Украина, а ее механизаторы уже трудятся на хлебном разливе казахстанских степей. Только в Кокчетавскую область прибыло 3 500 посланцев братской республики. Да и свои, соседи, на подмогу подоспели: 800 студентов из Джамбула, которые овладели механизаторскими специальностями. И не потому помощь идет, что кокчетавцы сами справиться не могут, а потому, что дело это государственное: главное сейчас — быстрее завершить уборку.

Трудный нынче выдался год. Позднее созревание хлебов несколько задержало жатву. К началу сентября зерновые скошены в области на 450 тысячах гектаров. А урожай отменный: более чем на двух с половиной миллионах кокчетавских гектаров хлеба стоят дружные, налитые, колос к колосу.

Хорошо помогают гости, и благодарны им кокчетавцы. А все же главная сила — сами хозяева. Комбайнеры области соревнуются за высокопроизводительное использование техники. Вот, например, механизатор совхоза «Раздольный» Герой Социалистического Труда Сертай Бектурганов. Бригада, в которой он работает, сейчас ведет уборку на площади 5 370 гектаров. Сертай обязался скосить 500 гектаров хлебов, подобрать валки на 600 гектарах и намолотить не менее 6 150 центнеров зерна! И таких, как Бектурганов, в области сотни. Однако нелегкие заботы жатвы не мешают людям ясно представлять завтрашние перспективы. Тот же Сертай Бектурганов решил до конца года довести выработку на трактор до полутора тысяч гектаров мягкой пахоты, сэкономить горючего на 800 рублей и запасных частей — на 100 рублей.

Техника в надежных руках. Жатва идет споро. Днем и ночью гудит моторами целинная степь. Мчатся по дорогам машины, груженные зерном. И льется золотая река в закрома Родины.

Кзылтуский хлебоприемный пункт. Мария Каримова: «Качество отличное!»

БОЛЬШАЯ И НЕОДОЛИМАЯ СИЛА

СОЮЗУ ССР 50 ЛЕТ СОЮЗУ ССР

А. АКСЕНОВ, секретарь ЦК КП Белоруссии

Союз Советских Социалистических Республик... Для нас это понятие свято, величественно и поистине необъятно по своим возможностям и сказочной реальности свершений, по неудержимой и продуманной, точно рассчитанной устремленности в будущее. И в то же время это привычная уже каждодневность фактов, из которых как раз и складывается то, что составляет сущность нашей действительности, что определяет ее главный смысл. Я задумываюсь над некоторыми из этих фактов...

На Центральной площади Минска перед Музеем истории Великой Отечественной войны стоят автобусы из Смоленска, Литвы, с Украины... На Минском тракторном заводе выпускают тракторы, в создании которых принимает участие более 250 предприятий страны, а его конструкторы помогают усовершенствовать модель машины, которую выпускает Кишинев... Афиша приглашает жителей белорусской столицы на концерт московских и узбекских артистов... Новополоцкие химики, недавно учившиеся у своих собратьев по профессии в Саратове и Уфе, едут в Азербайджан, чтобы помочь там пустить химическое предприятие... Представители 34 национальностей Союза возводят в Солигорске калийные комбинаты. В институты Академии наук БССР приезжают знаменитые ученые Москвы и других городов страны, чтобы помочь и поделиться опытом в решении самых современных научных проблем... Сельская школа-интернат в деревне Опса на Витебщине зовет к себе в гости школьников из четырех братских республик, чтобы вместе пройти по партизанским тропам, поклониться светлой памяти героев, помечтать у костров, помериться силами в самодеятельности, спорте...

Разные факты. Но в них великолепно воплощено воспитанное партией и присущее советским людям подлинное братство наших народов, живущих одной семьей, помогающих друг другу, на долю которых выпало большое счастье вместе строить новый мир и новую жизнь, делить трудности походов, радости открытий и побед. И именно это мне хочется подчеркнуть, размышляя о пятидесятилетнем пути СССР.

Пятьдесят лет — достаточный срок, чтобы проверить крепость основ многонационального Советского государства, правильность его политики, жизненность принципов, на основе которых партия сплачивает народ, воодушевляет его на великие свершения, ратные подвиги, на творческий труд, которым только и создаются блага для общества, куется мощь Страны Советов. Сегодня весь мир видит, что Советское государство

Директор совхоза «Чеховский» И. А. Павленко и парторг совхоза В. В. Фогель вручают вымпелы славы механизаторам М. А. Андриенко и Ю. Д. Исаеву, намолотившим за день по 40 тонн зерна.

Заботы о будущем урожае.

В закрома Родины.

успешно выдержало эту проверку, окрепло, набралось новых сил, уверенно и гордо вступает во вторую половину своего социалистического века. Выдержало все испытания, устояло, победило, потому что ведет нас ленинская партия коммунистов, потому что строй у нас советский, потому что дружба народов нерасторжима.

Трудящиеся Советской Белоруссии всегда были и будут верны этой дружбе. В ней они видят источник силы и крепости всей страны, залог своего счастья, своего будущего. Верность этой дружбе они подтверждают героическим трудом, преданностью ленинским принципам интернационализма.

Вместе с Россией, Украиной и Закавказьем Белоруссия в 1922 году стала одним из основателей Союза Советских Социалистических Республик. И это еще более укрепляет наш интернационализм, призывает к новым успехам во славу дальнейшего процветания братского союза советских народов. Трудящиеся республики всегда шли за партией, вместе со всем советским народом были в передовых рядах строителей нового общества. Строительство БелГРЭС, первой крупной электростанции в республике; коллективизация сельского хозяйства; сооружение промышленных предприятий в Минске, Витебске, Гомеле, Могилеве, Орше; подготовка кадров для народного хозяйства и забота о неприкосновенности границ; самоотверженный труд на стройках Урала и Сибири, в шахтах Украины; героическая борьба с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны; ударные вахты послевоенных пятилеток — все это вклад белорусского народа в общее дело социалистического строительства и укрепление союза равноправных республик.

Белорусский народ никогда не забудет, что своей свободой, победой над фашистскими захватчиками он обязан могучей Советской Армии, объединившей в своих рядах сыновей всех наций и народностей нашей великой страны. Не забудет он и того, что в трудное послевоенное время посланцы многих союзных республик помогли нам поднять из руин и пепелищ Минск, Гомель, Витебск, Могилев и другие разоренные города и села, построить новые гиганты индустрии — Минский и Белорусский автозаводы, Минский тракторный, калийные комбинаты в Солигорске, Березовскую и Лукомльскую ГРЭС, предприятия химии и нефтехимии в Гомеле, Гродно, Полоцке, Могилеве, наладить добычу нефти под Речицей, открыть новые направления в науке и технике, шагнуть далеко вперед в развитии народного образования, здравоохранения, культуры. Вот почему партийные организации республики постоянно, изо дня в день ведут большую и кропотливую работу по интернациональному воспитанию трудящихся. Успех его — практика убеждает в этом — зависит прежде всего от умелого использования самых разнообразных форм и методов воздействия на умы и сердца людей.

Мы считаем удачным, например, опыт Брестской партийной организации, которая стремится всю свою деятельность строить так, чтобы вопросы интернационального воспитания всегда находились в поле ее зрения. В Бресте вошли в традицию и деловые и праздничные встречи с трудящимися соседней Волынской области Украинской ССР, с соседями из Польской Народной Республики — трудящимися Люблинского воеводства. А недавно в Бресте были гости из Орловской области РСФСР. Встречи на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах, взаимный обмен опытом, соревнование — все это цементирует дружбу. Экспонаты Музея обороны Брестской крепости, новый мемориальный комплекс — все это никого не оставляет равнодушным, и каждый, побывавший здесь, как бы краем сердца прикасается к великим ратным подвигам своего народа, к подвигам бессмертного гарнизона, где патриотизм, мужество, воля советских людей разных национальностей свершили поистине чудо.

...Новополоцк — молодой социалистический город. Это в значительной мере определило специфику его развития. Крупные предприятия нефтехимии привлекли сюда рабочих и специалистов из многих республик страны. Сам по себе этот факт в наше время обычный. Его можно просто зафиксировать, а можно, как это делают партийные и комсомольские организации юного города, умело использовать для воспитания людей, для наглядного показа — вот что такое наша единая семья, где брат помогает брату. Ненавязчиво, но убедительно и живо звучит эта тема в лекциях, беседах, печати, репертуаре самодеятельных коллективов, в оформлении цехов, заводских территорий, площадей и улиц.

Сама атмосфера этого городка удивительно интернациональна. Здесь каждый день люди чувствуют рядом плечо друга из Москвы и Казани, Риги и Куйбышева, Киева и Баку, Еревана и Даугавпилса. Я не знаю праздника, на который не приезжали бы в Новополоцк друзья из Ленинграда и других городов страны. Дружат семьями, домами, цехами. И эта дружба помогает работать, учиться, растить детей, интересно жить.

Вдумчиво и активно занимается

интернациональным воспитанием молодежи комсомольская организация республики. Есть в Верхнедвинском районе небольшая деревня Прошки. Знаменита она тем, что в пору гитлеровской оккупации там действовало интернациональное комсомольское подполье. Прошло более четверти века, но к могилам прошкинских подпольщиков по-прежнему собираются юноши и девушки из Белоруссии, Латвии и Псковской области. Вспоминают павших героев, клянутся в верности Родине, партии. Осенью в Прошках откроется памятник героям-подпольщикам. И встанут они, будто часовые сурового времени, и будут звать молодежь на новые подвиги во славу Отчизны.

Вошло в традицию ежегодно проводить в республике семинары молодой творческой интеллигенции. Литераторы и художники, музыканты и актеры собираются и обсуждают свои новые произведения, проблемы идейности современного искусства и литературы, мастерства художника, встречаются с ветеранами войны, бывшими партизанами, знатными рабочими и колхозниками, партийными и общественными деятелями. В этих семинарах непременно участвует творческая молодежь из Российской Федерации и республик Прибалтики. Все это помогает взаимному духовному обогащению.

* * *

Под руководством Коммунистической партии советский народ идет навстречу славному празднику — 50-летию образования СССР. Вся жизнь партии, советских людей озарена сегодня немеркнущим светом ленинских идей, решений XXIV съезда КПСС. Борьба за выполнение этих решений, за претворение в жизнь выработанной съездом грандиозной программы экономического и социально-политического развития страны стала кровным делом каждого советского человека. С гордостью мы говорим, что эта программа стала знаменем жизни коммунистов, всех трудящихся Советской Белоруссии. Для всех нас главное сегодня — осуществить решения съезда партии, осуществить грандиозные планы девятой пятилетки. С чувством большой ответственности перед страной, перед братским союзом республик народ Белоруссии самоотверженно трудится над претворением этих планов в жизнь. Они будут выполнены и перевыполнены! И, как все братские республики, Белоруссия внесет свой посильный вклад в укрепление и дальнейшее развитие экономической мощи многонационального Советского государства.

На XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев говорил: «Партия и впредь будет воспитывать всех трудящихся в духе социалистического интернационализма, непримиримости к проявлениям национализма и шовинизма, национальной ограниченности и кичливости в какой бы то ни было форме, в духе глубокого уважения ко всем нациям и народностям». Мудрая, дальновидная политика! Она обеспечила нам решающие победы на фронте социалистического строительства. Она гарантия наших дальнейших побед в борьбе за коммунизм!

Евгений МАТВЕЕВ,
народный артист РСФСР

РАЗВИ

В прекрасных русских приволжских краях, под Горьким, я снимаюсь в новом фильме... Каким он будет?.. Понятно, что это сейчас — забота сердца!.. Главная, единственная забота и для режиссера Е. Карелова, и для меня, и для всех моих друзей-соратников — для всего коллектива участников съемки.

Название у фильма многообещающее: «Высокое звание». И вот чудо: все наши мысли, все сомнения и радости, с созданием фильма связанные, оказались так или иначе свое отражение нашедшими, по-своему вместившимися в постановлении Центрального Комитета КПСС о мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии.

Здесь по нашему адресу — работников кино — все высказано с исчерпывающей полнотой и взыскательной бережностью.

Партия говорит и о том, что приносило творческое удовлетворение нам самим — людям, делающим фильмы, доставляло радость и зрителям, ради которых мы трудимся. Но еще более настойчиво, энергично, требовательно говорится о том, что имеющиеся у нас огромные возможности дальнейшего развития кинематографа мы используем далеко не в полном их объеме, с недостаточной активностью... Наши фильмы — по силе художественного воплощения — в большинстве своем еще не таковы, какими они могли бы и должны были бы стать, если бы мысль и воображение создателей этих фильмов более углубленно сосредоточивались на основной задаче: образно показать жизнь советского народа в ее великих социальных преобразованиях, в ее неостановимом революционном р а з в и т и и...

Может быть, кому-то покажется даже странным, мол, как же возможно такое: в то время, когда советские фильмы одерживают победу почти на всех крупнейших зарубежных фестивалях последних лет да и у себя в стране народ с огромным интересом встретил несколько отличных картин,— в это именно время принимает вдруг партия коммунистов столь важное, принципиальное решение, где прямо сказано, что далеко еще не все обстоит на нашем кинематографическом фронте благополучно, как можно было бы думать, если смотреть на одни только успехи. К счастью, партия всегда зовет нас глядеть не назад, а вперед — не на то, что уже сделано, а на то, что надо делать, видя явления жизни и всей окружающей действительности прежде всего в их развитии.

Самое слово — р а з в и т и е — определяет, на мой взгляд, сокровенную суть решения о кино.

Кино — самое важное из искусств, по мысли Владимира Ильича Ленина. И для этого много причин. Но, я думаю, кино потому еще является самым важным искусством, что именно кинематографу — как никакому другому искусству — по силам разговаривать сразу с огромными народными массами на своем великолепном, выразительном, образном языке... Кино умеет вмещать в себя, творчески использовать все средства идейно-художественного воздействия на людей. Тут и движущееся, говорящее изображение человека и окружающая его обстановка, тут музыка, свет, танец... Лирика и эпос, драма и трагедия — все подвластно кинематографу, все может лечь в основу вдохновенного кинорассказа о главном — о советском человеке, великом герое нашей современности. О его повседневном созидательном труде. О великом душевном бескорыстии, с которым люди советской земли перестраивают вокруг себя по законам социализма и коммунизма и свои города и деревни и все внутри себя... Строят по-новому даже и свое отношение к жизни, сохраняя в нем только все истинно лучшее, народное: тяготение к братству, дружбе, взаимопомощи... И, неустанно укрепляя, насаждая новое, смело ломают то косное, что еще мешает развитию человека и народа.

Если эти слова скептику покажутся несколько возвышенными, то, честное слово, я хотел бы с ним еще раз пройти по маршруту, который я проделал за последние два года: шахты Караганды, колхозы Дона и Кубани, заводы Сибири и Урала, стройки Саяно-Шушенской и Нурекской ГЭС...

Как же важно, что процесс развития огромной страны — во всех областях ее жизнедеятельности — идет не стихийно, а по единому плану, мудро рассчитанному на годы вперед Двадцать четвертым съездом партии!.. Народ, весь в целом, в его многосторонних, сложных связях — трудовых, психологических, национальных — и каждый отдельный человек, общее счастье и процветание — вот программа, которая на съезде дана была ведь и нам, кинематографистам... И разве возможны тут близорукость, отсутствие столь же широкого взгляда, устремленного вперед, в будущее, а в то же время охватывающего зорко и пристально человеческую жизнь в ее живых, конкретных приметах — рядом с собой, сегодня, сейчас...

Мой новый герой — вчера простой русский парень, сегодня полководец Шаповалов — вот так «охватывает» своей жизнью прошедшее и будущее: тут идет исследование патриотического характера... Ведь то, что мы все делаем своим трудом нынче, неразрывно связано с завтрашним днем! Все рождает этот день, освещая его предчувствием день нынешний... И тут тема советского человека, советского характера, вернее говоря, наше отставание в творчески полноценном, крупном и интересном решении этой темы, представляется мне особенно огорчительным...

Не могу без душевного смятения думать о фильмах, где нынешние люди, истинные творцы всех главных ценностей,— и не только материальных, но прежде всего духовных, нравственных,— представали в каком-то обедненном виде, будто увидел в старом семейном

ТИЕ...

альбоме давно выцветшую фотографию, когда-то сделанную на базаре фотографом-любителем,— и больно сознавать, что талантливые актеры с невероятным усилием тщетно пытались за счет личного обаяния спасти унылые, слабые, удивительно однообразные сценарии. Обидно еще больше и за рабочих людей, зрителей, которые либо с полным равнодушием, либо даже с понятной горечью встречают эту, прямо скажем, серую и блеклую иной раз кинопродукцию.

Постановление ЦК КПСС о мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии всесторонне анализирует причины многих досадных неудач. В постановлении прямо указано на отсутствие больших, глубоких общественных интересов у персонажей в иных наших фильмах; происходит подмена публицистики, высокого идеала — органически, с первых дней рождения присущих именно нашему революционному искусству кино — бытовщиной... Порою теряется классовый подход к явлениям жизни, а значит, мельчает, тускнеет и облик героя, который призван влиять на зрителя цельностью характера, красотой своего человеческого облика...

Что и говорить, конечно, создание таких могучих образов, доносящих качества души сегодняшнего человека,— весьма нелегкая задача!.. Но разве тут помогут нам «легкие» решения!.. Разве все мы существуем в бездумное, «легкое», не ставящее сложнейших проблем время!..

Недавно на киностудии «Мосфильм» закончены съемки фильма «Сибирячка» (режиссер А. Салтыков). Фильма я еще не видел, не знаю, какой получился мой герой Добротин (начальник крупнейшей стройки). Но я знаю, каким мы **хотели** представить его зрителю: человеком неистовым в работе, до самозабвения влюбленным в строительство. Нам хотелось заразить зрителя прекрасным в Добротине и предостеречь от его слабостей.

Напряженно, как никогда, свершаются вокруг нас, художников кино, грандиозные по своему размаху дела советского народа. Дела, важные для всего социалистического братского лагеря, для народов всего мира, для всей Земли... Всеобщее, поистине интернациональное значение жизни и труда советского человека полно неисчерпаемого поэтического смысла; это ставит перед нами еще более значительные творческие задачи.

И тут снова и снова возвращаешься к мысли о развитии... Творчество — это враг застоя, ежедневный шаг художника вперед, упорное отыскивание нового, свежего, еще «не бывшего», не пущенного в расхожее употребление... Мы, люди, избравшие кинематограф своей трудовой специальностью, профессией, хотим, чтобы наши конкретные свершения — самые ближайшие наши новые фильмы — стали реальным и добрым, хорошим ответом на решение партии о кинематографе.

БЕЗ СЮРПРИЗОВ

Сергей ЛОСЕВ

В 1964 году на съезде республиканской партии в «Коровьем дворце» Сан-Франциско молодчики Голдуотера отключили микрофоны во время выступления Нельсона Рокфеллера, а потом улюлюканьем и оскорблениями заглушили речь претендента на пост президента, представителя «либерально-умеренного крыла» партии. Ничего подобного на нынешнем августовском съезде республиканцев в Майами-Бич произойти не могло: все, начиная от проекта предвыборной платформы и кончая аранжировкой аплодисментов, было подготовлено и определено заблаговременно. Заранее было известно, что единственным кандидатом на пост президента остается Р. Никсон, а на пост вице-президента — С. Агню.

Делегаты съезда, казалось, пребывали в абсолютной уверенности, что, выдвигая Ричарда Никсона на второй срок, они утверждают кандидатуру того, кому обеспечена победа на ноябрьских выборах, за кем сохранится пост президента Соединенных Штатов Америки и в июле 1976 года, когда страна будет отмечать 200-ю годовщину своей независимости.

Не желая рисковать, партийные боссы сделали все, чтобы оградить съезд от «случайностей и сюрпризов». Как отмечала газета «Вашингтон пост», «республиканская партия закрыла двери перед любым возможным соперником Р. Никсона в выдвижении кандидатуры на пост президента, а также одобрила постановление, запрещающее вносить на съезде любую «раскольническую» резолюцию по Вьетнаму».

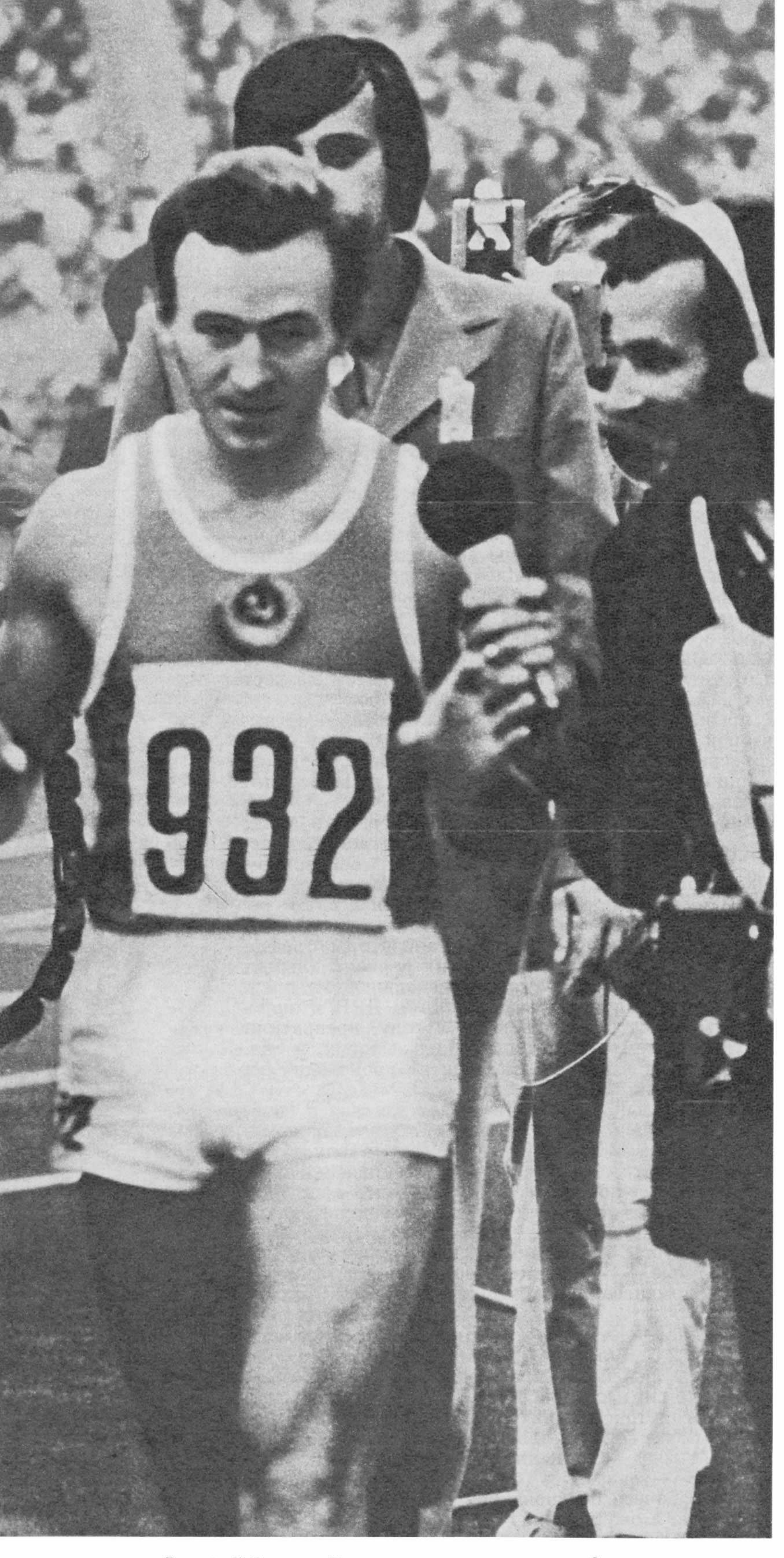
Поставив заграждение на пороге «Конвеншн-холла», организаторы съезда, однако, вынуждены были отдать себе отчет в том, что вопреки первоначальным расчетам правительства вьетнамскую проблему не удалось исключить из предвыборной борьбы: преступная эскалация воздушной войны против ДРВ и зияющие провалы «вьетнамизации» вновь, как это было и в 1968 году, превратили агрессию в Индокитае в важнейшую проблему на президентских выборах, и она, несомненно, останется таковой в ноябре, если к тому времени не произойдет решающего сдвига на Парижском совещании по Вьетнаму.

Судя по выступлениям на съезде, Белый дом рассчитывает извлечь в ноябре выгоду из того обстоятельства, что США сейчас оправляются от экономического спада, начавшегося летом 1969 года. В минувшем финансовом году объем промышленного производства возрос и слегка превысил средний уровень, зарегистрированный три года назад. Экономический совет при президенте в опубликованном на днях докладе представляет это как успех введенной год назад так называемой новой экономической политики, которая включает замораживание заработной платы и цен, налоговые льготы корпорациям и введение 10% дополнительной пошлины на импортируемые в США иностранные товары.

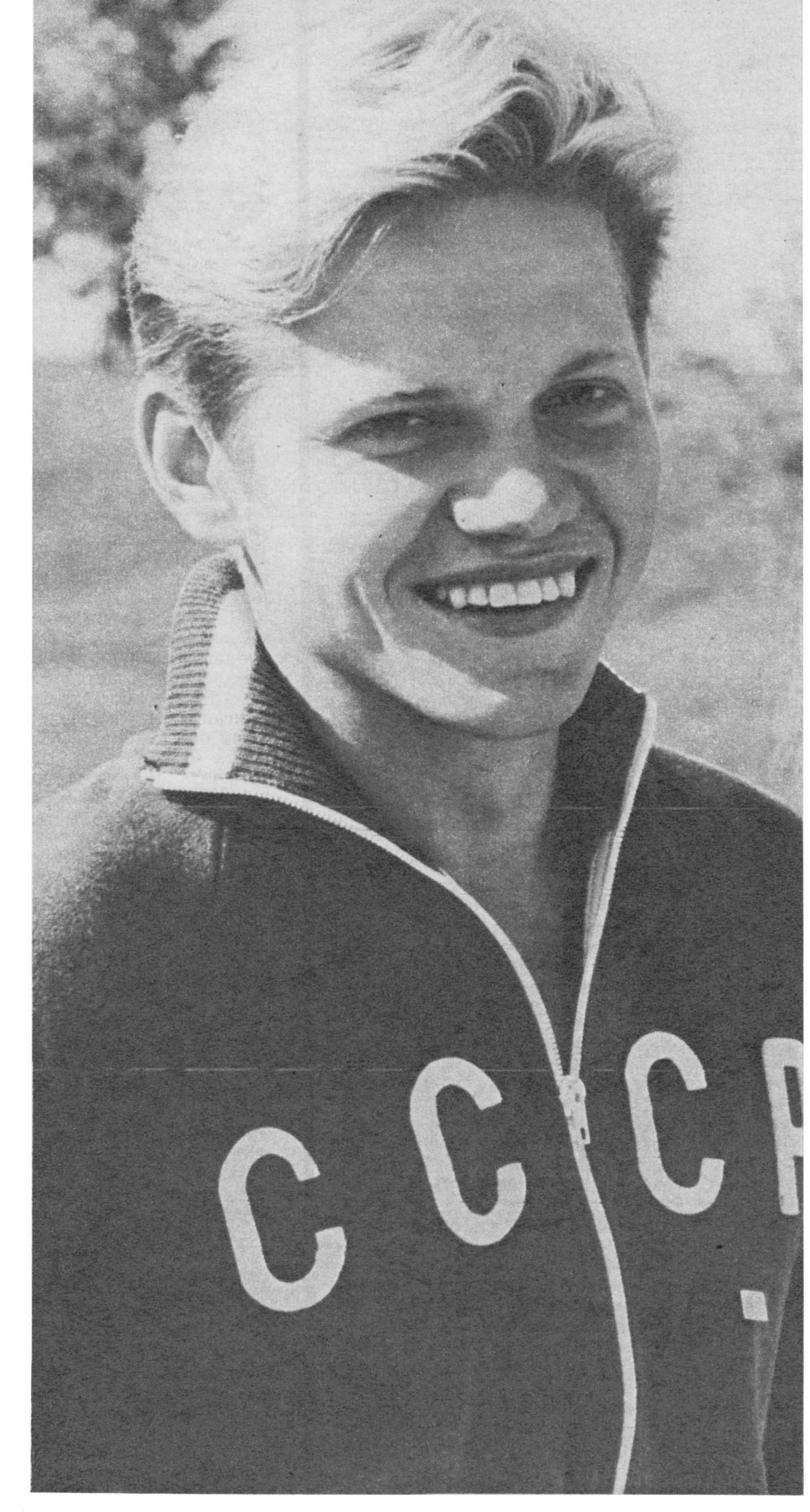
Председатель объединенной экономической комиссии конгресса Уильям Проксмайер, однако, напоминает, что рост цен, в особенности на продовольственные товары, не прекращается. Сейчас в стране, подчеркивает он, «все еще почти 5 миллионов безработных плюс 2,5 миллиона частично занятых, не считая 800 с лишним тысяч отчаявшихся людей, прекративших поиски работы». Профсоюзы настаивают на отмене контроля над заработной платой, резонно указывая на то, что в то время, как заработок рабочих и служащих заморожен, прибыли корпораций в этом году достигли 52,3 миллиарда долларов по сравнению с 47,6 миллиарда долларов в 1971 году. «Снижение налогов на капиталовложения,— указывает «Вашингтон пост»,— оказалось буквально золотым дном для предпринимателей и укрепило у рабочего обоснованное ощущение, что правительство заботится о крупном бизнесе, а он, рабочий, платит по счету».

Поддержка большим бизнесом, как принято говорить в Америке,— это совсем не то же самое, что любовь народа. Но при существующих в США порядках именно симпатии корпораций могут оказать решающее влияние на исход президентских выборов, требующих многомиллионных расходов. На финишной прямой предвыборной кампании монополии, облагодетельствованные налоговыми льготами, щедро финансируют республиканскую партию. В то же время «жирные коты», традиционно пополнявшие партийную кассу демократов, сейчас отказываются субсидировать избирательную кампанию Макговерна.

И в речи Р. Никсона на съезде и в предвыборной платформе республиканской партии на первый план выдвинуты вопросы внешней политики. В результате переговоров президента Р. Никсона с руководителями Советского Союза в Москве, указывается в программе, заключены соглашения, которые «помогут сделать жизнь на земле более безопасной». Президент, давая на съезде высокую оценку московским документам, подчеркнул, что советско-американские переговоры представляют собой весьма значительный вклад в дело мира и что СССР и США сделали первый шаг в ограничении гонки ядерных вооружений, заключив Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Соглашения, подписанные в Москве, выгодны и полезны как советскому, так и американскому народам. Сейчас дело за тем, чтобы претворить их в жизнь. А для этого нужно прежде всего неукоснительно придерживаться принципов равной безопасности сторон, на которых построены соглашения об ограничении стратегических вооружений. Абсурдные призывы разговаривать с СССР «с позиции силы» — а они раздавались и на съезде,— попытки военно-промышленного комплекса исказить дух и букву этих соглашений противоречат интересам улучшения советско-американских отношений, для развития которых теперь заложена прочная основа.

Валерий Борзов. Первое интервью после победы.

Чемпион XX Олимпиады в прыжках с трамплина Владимир Васин.

Фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специального
корреспондента
«Огонька»

НА ОЛИМПИЙС

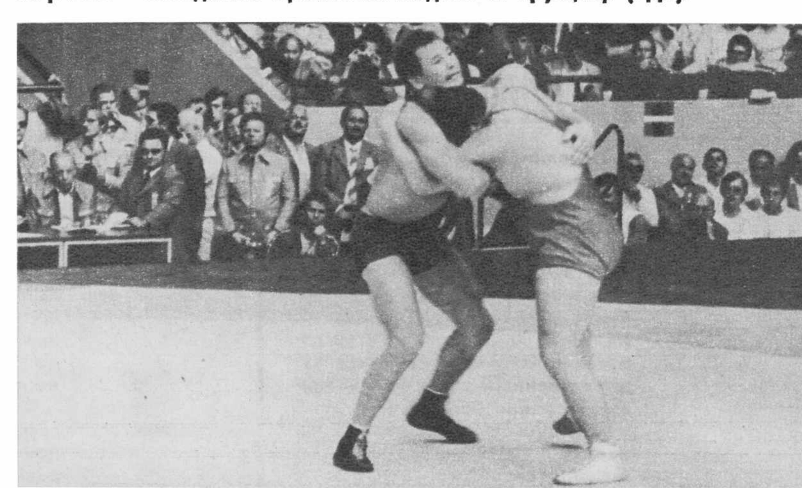
Фехтовальщик Виктор Сидяк принимает поздравление.

Юрий Малышев — победитель сильнейших гребцов на лодках-одиночках.

Штангист Ян Тальтс завоевал первенство в первом тяжелом весе. Слева — серебряный призер болгарин А. Крайчев, справа — обладатель бронзовой медали С. Грутцнер (ГДР).

Александр Медведь завершил свой путь к золотой медали во встрече с болгарским борцом Османом Дуралиевым.

Венгерский пятиборец Андраш Бальцо празднует свою победу.

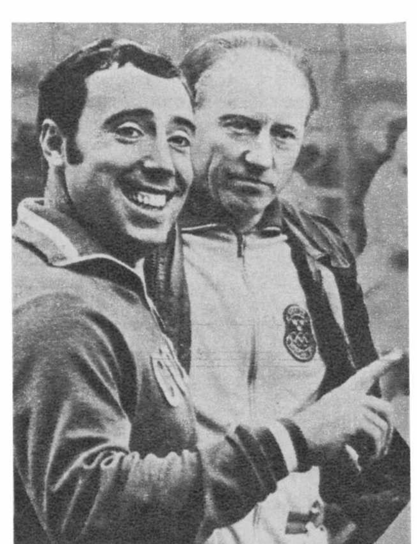
Виктор Санеев преодолел в тройном прыжке 17 метров 35 сантиметров. Золотая медаль!

КОЙ ВЫСОТЕ

РЕПОРТАЖ С XX ОЛИМПИЙСКИХ ИГР ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ 28—30.

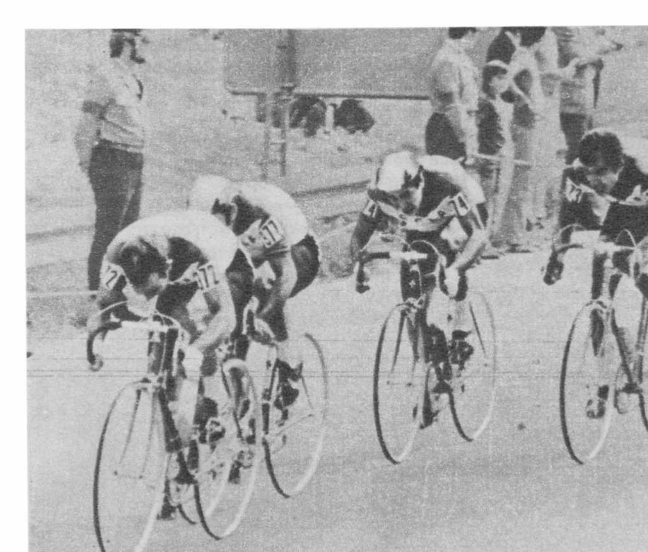
Телефото ТАСС.

Стрелок Яков Железняк завершил стрельбу по мишени «бегущий кабан» с новым мировым рекордом — 569 очков. Рядом с ним экс-рекордсмен швед Г. Гаард.

Велосипедисты Борис Шухов, Валерий Лихачев, Геннадий Комнатов и Валерий Ярды быстрее всех пронеслись по стокилометровой трассе.

ДОЛГИХ ЛЕТ ЖИЗНИ МАСТЕРУ!

Исполнилось семьдесят лет народному художнику РСФСР Ивану Филипповичу Титову. Правительство наградило живописца орденом Ленина. Это радует всех, кому дорого изобразительное искусство. Это особенно радует нас, огоньковцев, ибо Иван Филиппович Титов работал в журнале, руководя художественным отделом. Мы знаем его и как большого мастера и как душевного, хорошего человека.

Сын сельского учителя с Урала, Иван Филиппович по комсомольской путевке пошел служить на флот, упорно учился, в 1931 году окончил Ленинградскую академию художеств. Море — его любовь. Он является одним из ведущих советских маринистов, признанным певцом морской стихии. Его картины выставлялись на десятках выставок начиная с 1925 года, имея неизменный успех. Основную позицию своего творчества он сам выразил в формуле: «Когда я пишу море, я думаю о человеке». Поэтому его картины не только пейзажи, но прежде всего волнующий рассказ о моряках — победителях могучей стихии. Немало работ художника приобретено картинными галереями — их можно увидеть в Третьяковской галерее, в Феодосийской галерее имени И. К. Айвазовского, в военно-морском музее, в Кронштадте, в Уфе, в Орле и во многих других местах.

Во время Отечественной войны батальонный комиссар И. Титов был в осажденном Ленинграде, на линкоре «Октябрьская революция»: славная кисть мастера служила делу победы.

Много сил отдал Иван Филиппович Титов, старый коммунист, член партии с 1919 года, организационной работе в Союзе художников, пользуясь уважением и любовью своих товарищей.

Но он не только маринист: все прекрасное привлекает его. Пейзажи, натюрморты, жанровые сюжеты, вышедшие из-под его кисти, ложатся на полотно мастеровито, радуя зрителя своей выразительностью.

Долгих лет жизни славному мастеру! Больших ему успехов!

ГЕРОИ ФИЛЬМА - ТРУД И МЫСЛЬ

На наших вкладках — кадры из новой широкоформатной, цветной, созданной «Мосфильмом» картины «Укрощение огня» (сценарий и постановка Д. Храбровицкого). Недавно этот фильм с большим успехом прошел на XVIII Международном кинофестивале в Карловых Варах (ЧССР).

И самая тема — выход советских людей в космос, история создания космического корабля, начиная от первых, неясных еще замыслов вплоть до практического их осуществления,— привлекает горячий зрительский интерес и, разумеется, талантливый коллектив исполнителей, занятые в фильме известнейшие советские актеры, чьи лица вы увидите на публикуемых кадрах.

С просьбой прокомментировать вкратце эти кадры корреспондент «Огонька» обратился к председателю Всесоюзного общества «Знание», Герою Социалистического Труда, академику Ивану Ивановичу Артоболевскому.

Предоставляем ему слово.

— Я думаю, весьма существенное знамение нашего времени заключается, между прочим, в том, что многие научные проблемы, имеющие порой непостижимую, казалось бы, сложность и в силу этого доступные только узкому кругу людей науки, тем не менее отнюдь не проходят мимо внимания подавляющего большинства советских людей, я даже могу сказать, всего народа.

И вот тут именно дает себя знать, с одной стороны, неудержимо растущее тяготение к новому — к знанию нового,— чрезвычайно ярко характеризующее современную жизнь, а с другой — видится мне тут и нечто более глубокое. Видится некий философский и психологический аспект явления, присущее советскому народу сегодня высокое ощущение себя творцом истории, подлинным хозяином окружающего мира, деятельным и неравнодушным участником всего того, что свершается на нашей земле, начиная от дел повседневных, от планов, что называется, «будничных» до глобальных, поистине поражающих человеческое воображение.

Фильм «Укрощение огня» при всей достоверности своей фактологической документальной основы дает богатую пищу не только для размышлений в таком вот философском плане. Он, наверное, поможет и дальнейшему движению науки вперед, поскольку очень доходчиво и популярно подводит итоги огромной работе — многолетним титаническим усилиям советской науки и всего Советского государства по созданию космической техники. Эта работа, будучи делом жизни сперва гениальных одиночек, а потом все больше становясь делом общенародным, шла на протяжении десятилетий и наконец превратилась из вчерашней фантастики, сказки, мечты в реальную нынешнюю действительность.

Ценность фильма, как мне представляется, более всего в том, что он широко приоткрывает завесу над всегда таинственным процессом познания, заинтересовывая и приглашая к участию в этом процессе советских людей и особенно молодежь. Фильм помогает также увидеть, каким упорством, какой неослабевающей волей надо обладать, стремясь к знанию.

Речь тут, собственно, может идти о вещах, гораздо более значительных, чем даже просто космическая техника. История создания ракеты, рассматриваемая в фильме как история «укрощения огня», дает повод для того, чтобы вспомнить и об извечной схватке человека с огнем и о таком же вековечном тяготении к глубинам Вселенной, к космосу... А кроме того, позволяет по-новому, как-то свежо и сильно ощутить радость и гордость народа за все то, чего добилась советская наука! Ощутить чувство признательности всего человечества к советским людям, первооткрывателям космической эры.

Впервые всматриваясь так близко в очертания монументальных конструкций готовой к полету ракеты, представшей на огромном, широкоформатном экране во всей своей мощи, отдавая должное великолепию многих, чисто документальных, впервые обозреваемых широкой публикой подробностей, которыми поражает фильм, я все-таки главным качеством новой картины считаю ее волнующее высоконравственное значение.

Думается, здесь важно подчеркнуть, что современная советская наука предстала как результат дружных усилий всей страны, как подвиг всего народа. Подвиг, осуществленный не только талантливейшими представителями науки; тут воля, ум, терпение и выдержка — все собралось воедино и стало делом народа, осуществленным во имя народа. Во имя самых заветных, из поколения в поколение передаваемых чаяний народа, усилий народа, шедшего упорно, где наугад, а где уже и с проблеском первых открытий, к первым же ощутимым результатам... А от них — к новым, дальнейшим свершениям, к постижению заветных секретов природы и окружающего мира.

Мы видим в фильме гениального Циолковского... И это не просто беглая портретная зарисовка. Можно сказать, что это душа космического поиска. Это могучий образ, заставляющий с благодарностью вспомнить, скажем, еще и о гении Ломоносова, о тех многих безвестных наших предках, которые умели воспринимать явления жизни в их глубинном, скрытом значении; умели глядеть в бескрайний простор Земли и беспредельность неба, не пугаясь их, а, напротив, зажигаясь, увлекаясь дерзкой надеждой: преодолеть, проникнуть, понять, узнать...

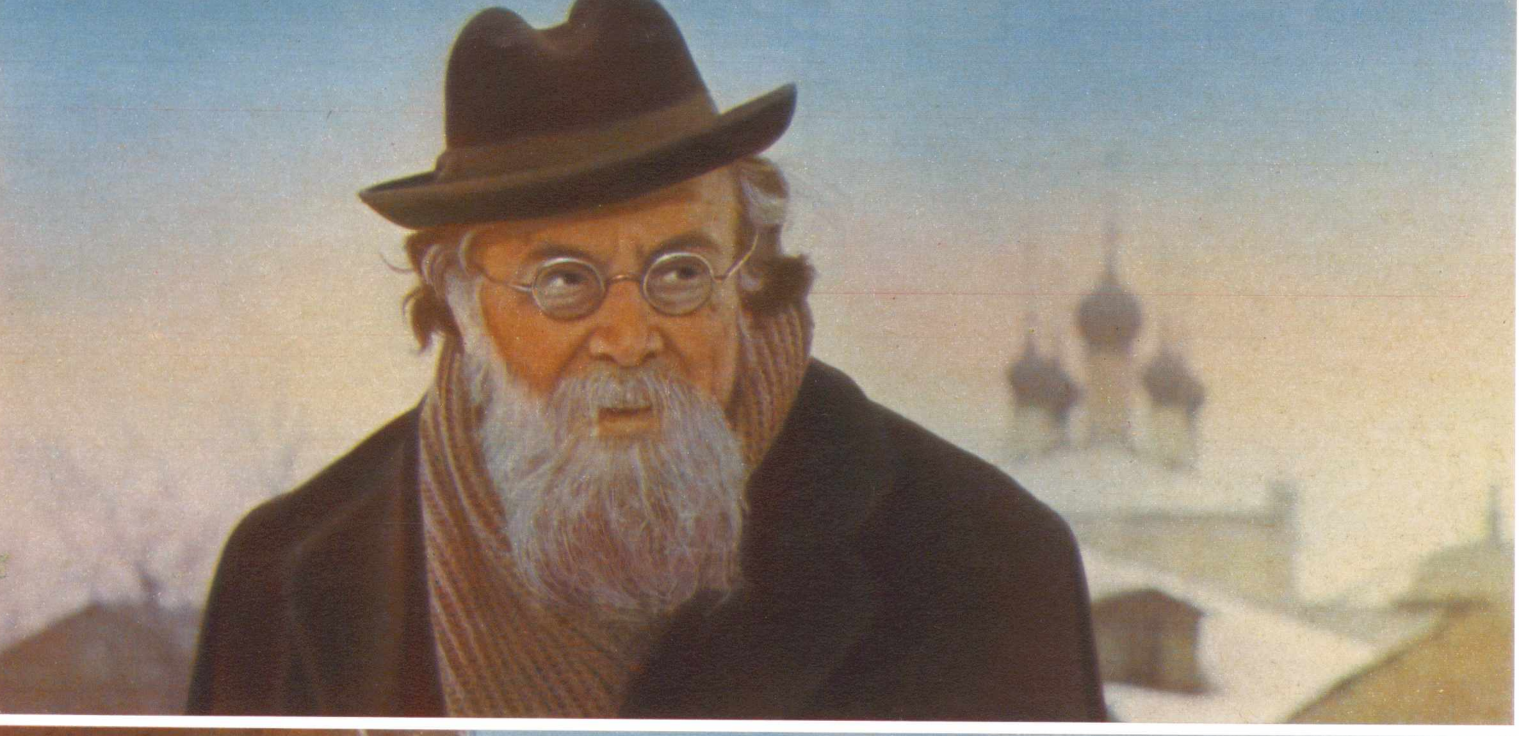
Но, конечно же, фильм силен не только напоминанием о традициях. Благородная страсть к познанию нового только в нашу, советскую эпоху становится источником действенного одоления всех препон, которые встают на пути научного познания. И образы главных героев фильма — многих, особенно же Башкирцева, за которым угадываешь прежде всего Королева, а кроме него, и многих других подвижников и рыцарей космоса,— позволяют почувствовать духовное величие людей советской науки. Позволяют ощутить силу и обаяние партийных, я сказал бы, ленинских черт характера, свойственных передовым советским ученым.

Проникая в тайны мироздания, деятели советской науки никогда не забывают о **жизни людей**, о **гуманном** значении своих открытий. Обязательная для нас сторона познания — это и есть мысль о благополучии человека, о защите его от зла, о счастье людей, а не о насилии над людьми... Вот еще и эта сторона фильма представляется мне весьма интересной и важной.

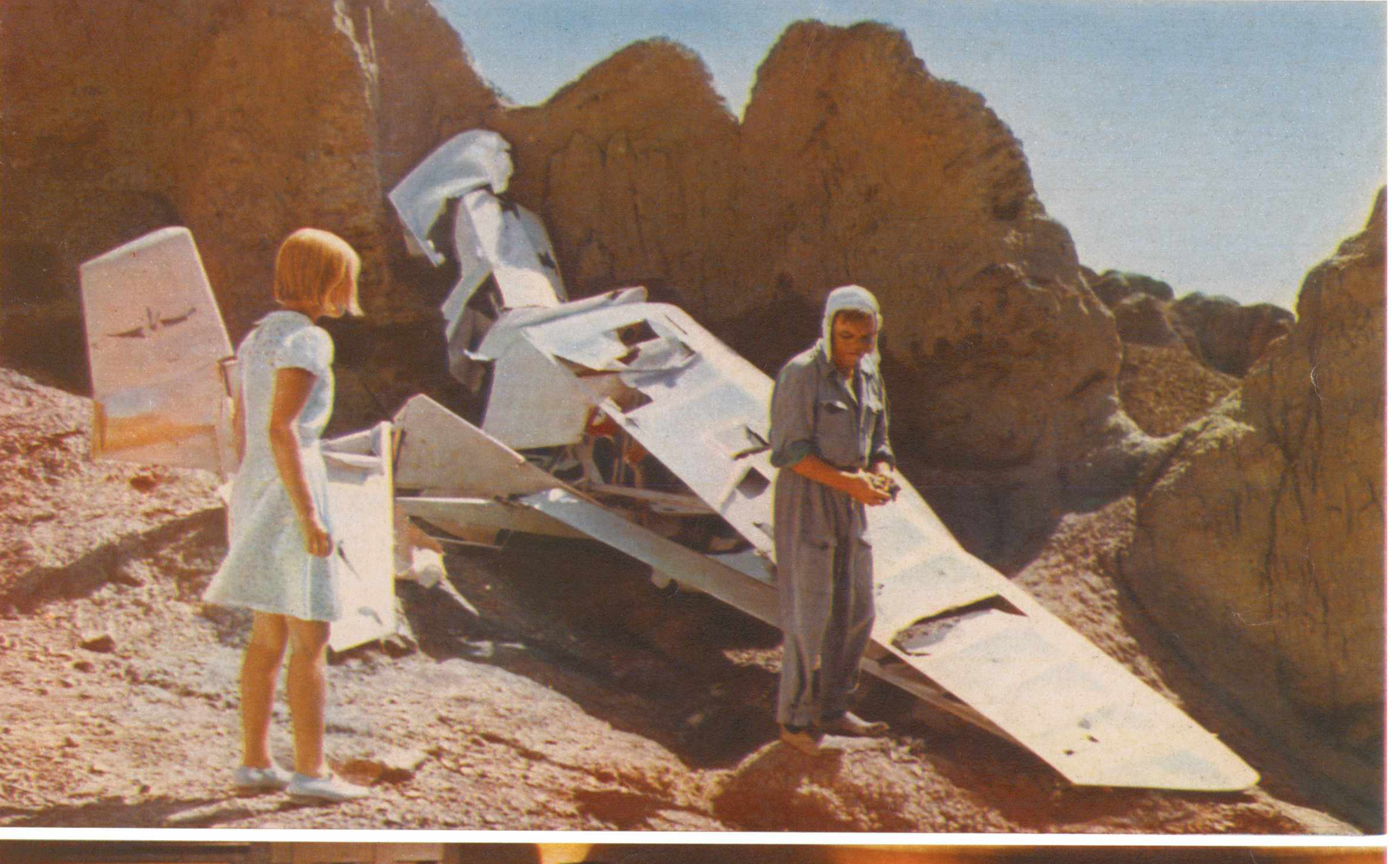
Правда, не все характеры прочерчены в этом смысле так впечатляюще, как, скажем, характер Циолковского... Да и не все биографии, не все события жизни и творчества героев фильма вообще обрисованы в полную силу. Однако создатели картины, бесспорно, стремились показать, что людям науки не чуждо ничто человеческое, что они не «сухари», что они и любят и страдают от полноты души. А ведь дело их жизни — наука — и впрямь требует от них жертв... Требует этих жертв всегда — и вчера и сегодня; наверное, будет требовать их и завтра. И об этом в фильме тоже говорится вполне доказательно и настойчиво.

Хорошо видно, что большие свершения никогда не приходят ни сами по себе, ни по «щучьему велению». От первых, неуклюжих будто бы и довольно-таки беспомощных планеров, от бедных по своим материальным возможностям опытов — к нынешнему освоению первых ступеней неба... Таков долгий, прерывистый путь, полный, я бы сказал, необычайного, исступленного труда.

Труд и мысль, рождающие знание,— вот истинные герои этого фильма. Поэтому, я думаю, можно извинить какие-то отдельные его промахи. Поскольку они не помешали нам увидеть главное. Увидеть служение науке, ставшее советским всенародным подвигом.

Великого Циолковского в «Укрощении огня» играет И. Смоктуновский.

Дерзкие мечты о покорении воздуха приводили и к таким результатам...

Друзья-соратники... Артисты А. Попов и К. Лавров.

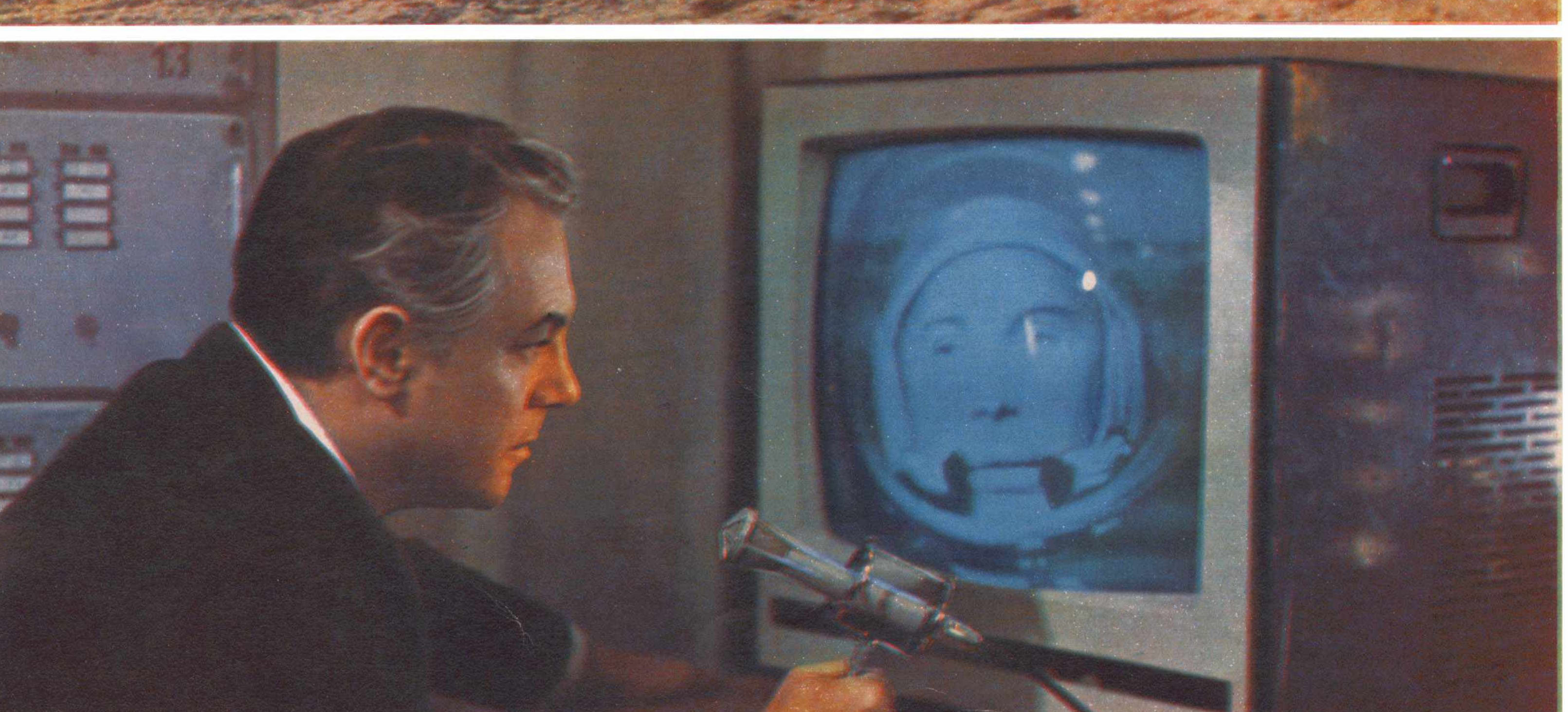
Фото Ю. ГОНЧАРОВА.

Ада Роговцева в роли жены Башкирцева.

Перед расставанием...

Главный конструктор за работой... На экране — космонавт Гагарин...

Алексей БРАГИН

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

ПОГРЕБОК

Арс пел в степи, пел старинные донские песни — и печальные и озорные. Я был его счастливым слушателем. Я и степь.

Мы покинули город, миновали Триумфальные ворота, дошли до трех курганов, где похоронены скифские богатыри; там отдыхали и вновь брели к хутору Персияновскому, пересекли его пыльную улицу, поднялись к виноградникам, раскинувшимся на склонах, и неожиданно очутились в балочке, заросшей ореховым кустарником. Тут на нас напали пчелы. Одна так впилась мне в шею, что я не выдержал и крикнул:

— Больно, Арс!

Крикнул и испугался. Испугался не пчел, а того, что нарушил запрет домашних. Это его заочно называли Арсом, он так подписывал иногда свои статьи о музыке и поэзии, а мне надлежало величать его, как всем,— Арсением Михайловичем.

Но Арсений Михайлович никакого внимания не обратил на эту мою оплошность:

— Не размахивай руками, иди спокойно, пчелы отстанут. Ты не цветок.

За виноградниками, за ореховыми кустами продолжалась степь. Такой я больше, пожалуй, никогда ее не видел. Каждый цветок, каждая травинка светились своими красками, источали свои запахи. Свежая, еще не ставшая мохнатой полынь, нежный чабрец, молодой ковыль. И цветы, цветы... Степь обступала нас и расстилалась от края и до края. Не приглаженная, не однообразная, а с рельефными тенями балок и холмов, с туманными очертаниями невысоких меловых взгорий на горизонте, с пронизанными солнцем облаками.

И ярче всего в степи горели маки. Не сговариваясь, мы стали рвать легкие и горячие, нежно окрашенные, а у тычинок словно подрисованные тушью цветы.

Я метался от одного цветка к другому, выбирая самые крупные. Но, увы, стоило сорвать цветок, и лепестки осыпались. Я посмотрел на Арса. Он сконфуженно сжимал в руках стебель с оголенными тычинками. Значит, наступило время позднего цветения.

— Придется возвращаться без букетов. Плохие мы с тобой кавалеры. Недаром тетя Катя говорит, что я не умею ухаживать. Давай отдохнем, послушаем степь. Ты умеешь слушать?

Мы легли на траву, и я стал слушать степь. Уловил писк какого-то зверька, шелест ящерицы в траве, дальний гудок паровоза. Птицы в этот час молчали.

— Ну? — Арс испытующе взглянул на меня.

Я ему добросовестно признался. Он грустно улыбнулся:

— Не-е-т... Ты почувствуй ритм, спор покоя и тревоги. Бывает, сердце бьется в такт ветру, тишине. Бывает, бьется в лад с другим сердцем:

...На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Чьи это стихи?

Арс не дождался ответа. Он говорил для себя и, должно быть, для тети Кати, ради которой и приехал в Новочеркасск. Он присылал ей письма с причудливо выведенным в два и даже в три цвета адресом. Она не всегда охотно распечатывала конверты, но потом прочитывала вслух тете Оле или маме отдельные интересные места о Блоке и Скрябине, о новых поэтах и о том, что Арсений Михайлович поехал в Дагестан, ходит из аула в аул, слушает музыку, записывает песни и даже принял там мусульманство. Он мечтал вывести музыку на площади.

Я слышал, будто Арс однажды собрал всех московских священников и настойчиво убеждал их, что в день Первого мая колокола всех сорока сороков столицы должны вызванивать революционный марш. Мои домашние посмеивались.

Чем только не увлекался он!

Он дружил с Есениным и Мариенгофом, был некоторое время теоретиком имажинистов и даже написал книжку «Воплощение», в которой объявил двух поэтов «пророками величайшей революции, творящими на грани двух миров, но устремленными в великое будущее». Понятно, обо всех многочисленных и очень талантливых порой выдумках Арсения Авраамова я составил себе представление потом, повзрослев. Но тогда, в пору моего детства, он казался мне милым чудаком, наводнившим нашу семью странными журналами «Записки мечтателей», «Гостиница для путешествующих в прекрасном», манифестами революционных поэтов и тонюсенькими книжками их стихов. Дома мне всего этого не позволяли читать. И еще он был для меня человеком, разговаривающим со мной, как со взрослым. В первый раз я его увидел в шлеме и военной гимнастерке.

— Кто это? — спросил я.— Буденновец?

— Нет,— ответили мне.— Композитор.

Дети рано узнают о многом, что их не касается. Так и я узнал: буденновец-композитор давно и безнадежно влюблен в мою тетю Катю, мамину сестру. Черноволосая, смуглая, с резким профилем, похожая на гречанку — какой только крови не было у донских казаков! — тетя Катя была быстрой и легкой в движениях. Очень музыкальная, она была хорошей пианисткой. Отзывчивая, насмешливая, она могла расплакаться за игрой; в самый торжественный для меня день, когда я впервые надел длинные брюки, она наградила меня прозвищем «репортер из захудалой газеты». Как я страдал тогда! Кем угодно я воображал себя — матросом, путешественником, начальником пожарной команды, артистом, даже поэтом, но только не репортером.

Арсению Михайловичу, наверное, тоже приходилось многое терпеть.

Может быть, это обстоятельство несколько и сблизило нас.

...А степь дышала, степь пахла мятно, полынно, чабрецово, степь заполняла меня своим простором, и я погружался куда-то, а мой друг продолжал глухо напевать песни и временами озадачивать меня вопросами:

— Знаешь, кто первый из русских поэтов написал стихи о Доне?

— А кто впервые прославил цимлянское?

— А кто любил донские песни?

И не отвечал и тихо мурлыкал себе под нос.

Мы возвратились в город под вечер на случайной попутной подводе.

Тетя Катя стояла у крыльца, под тутовым деревом, которое на Дону называют тютиной. Тетя была в яркой косынке — значит, не уложены волосы.

— Вы, Катюша, совсем как цыганка.

— Очевидно, это надо считать очередным комплиментом. А есть вы хотите? Для вас остались вареники.

Арс съежился:

— С вишнями? Это мои любимые.

— Ну, идите умываться. Хотя, постойте, один вопрос: надеюсь, вы не читали мальчику стихов Мариенгофа и...— она запнулась на несколько мгновений,—...и особенно Шершеневича.

— Нет, Екатерина Алексеевна, это прошлое. Если я и вспоминал сегодня кого-нибудь из поэтов, так только Пушкина.

— Что, очередное увлечение? Вы же носились с Есениным и Мариенгофом. Даже апостолами, помнится, их называли.

— Апостолами, положим, не называл. А Есенин, утверждаю и теперь,— величайший поэт. Но Пушкин — это не увлечение. Не обижайте меня. Это любовь, а может быть, нечто большее.

Тетя Катя посмотрела на него и усмешливо и странно.

— Милый Арс, не говорите высокопарно. Кроме того, я не убеждена, что вы отдаете ясный отчет в разнице между любовью и увлечением.

И вдруг я услышал слова, обращенные ко мне:

— А ты почему не идешь мыть руки? Вечно слушаешь разговоры старших.

И я поплелся в дом.

Уже перед сном я заглянул в комнату к Арсению Михайловичу, в комнату, которую скорее всего можно было назвать прихожей. Там стояла фисгармония, вывезенная, должно быть, из Польши. Небольшая, темного дерева, давно расстроенная. Тут же находился узкий кабинетный диванчик. Я до сих пор не могу понять, как умещался на нем Арс. Однако он не жаловался и даже признался, что спать в Баку ему было не в пример хуже.

Я удивился, увидев Арса за фисгармонией. Я пробовал играть на ней «Цыпленка». Но у меня ничего не получалось.

А он играл. Тихо, что-то незнакомое и печальное. Бормотал себе под нос, не обращая внимания на меня. Громче повторил нараспев:

...Отдайте, боги, мне рассудок омраченный...

Мне стало не по себе. Я приготовился выйти так же бесшумно, как вошел.

— А-а! Репортер захудалой газеты. Так мы с тобой и не нарвали в степи цветов. Но ничего, я еще что-нибудь придумаю. Хочешь, дам почитать на сон грядущий книгу?

И Арс протянул мне толстенную, буднично изданную книгу.

— Спокойной ночи, дружок! — Он довольно бесцеремонно выпроваживал меня.

Какое разочарование! Пушкин. Да, собрание сочинений А. С. Пушкина. Эка невидаль! Есенин, Хлебников, Маяковский — это волновало, это было по ту сторону моей домашней жизни. Необычайно, как рассказы о Москве! А Пушкин был будничной, хотя и малознакомой частицей быта. Громадный, как библия, том в тисненном золотом переплете, подаренный в Мариинской женской гимназии тете Кате или тете Оле, о чем свидетельствовала каллиграфическая надпись: «За отличные успехи и отменное прилежание», — он включался в круг моего обязательного и поэтому не слишком заманчивого чтения.

Правда, книга, врученная Арсом, ничем не походила на ту нарядную и громоздкую семейную реликвию. Его Пушкин был издан в первые годы революции, отпечатан на серой тонкой бумаге, как боевые брошюры тех лет, и редактировал его Валерий Брюсов. Я пристроился рядом с мамой — она проверяла ученические тетради — и стал машинально перелистывать книгу. Детские глаза быстрые. Очень скоро я обнаружил одно из главных отличий книги от старого, подарочного издания. Стыдливые многоточия были, за редкими исключениями, заполнены самыми откровенными словами. Кроме того, в Арсовской книге оказалось множество веселых и рискованных эпиграмм, которых позднее мне не доводилось встречать даже в академическом собрании сочинений.

Об этих восстановленных многоточиях я незамедлительно сообщил своим приятелям и позвал их почитать недозволенного Пушкина. Они сперва посмотрели на меня с недоумением и недоверием: нашел, мол, веселое занятие, классиков читать, — но потом согласились.

После школы мы сидели на приступках под тютиной у цветущего куста сирени, и ребята слушали меня с таким вниманием, какого никогда не удостаивалась наша учительница; прыскали, гоготали, переписывали в тетрадки самые удалые строчки.

— Я так и знал, до Пушкина вы еще не доросли. Козлята!

Арсений Михайлович вырос как из-под земли. Он смотрел на нас с грустной укоризной, но в глазах его мелькали зеленые смешинки. Одноклассников моих как ветром сдуло, а я остался один на один с Арсом.

— Вам юнкерскую азбуку учить, а не Пушкина.

Я был так смущен, что даже не спросил у Арсения Михайловича, хоть меня и подмывало, о юнкерской азбуке. А он мягко и властно взял у меня том, раскрыл его, но читал наизусть:

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
Тебе приятно слезы лить,
Напрасным пламенем томить воображенье
И в сердце тихое уныние таить.

Стихи шли мимо моего слуха, они звучали, казалось, как нельзя более некстати.

Но Арсений Михайлович уже увлекся, и до слушателя ему не было никакого дела.

— Какое волшебство ритма, как он усекает строки, как он чувствует звук: «лить... томить... тихое... таить...»! Ты только прислушайся. И это юноша Пушкин! Ему тогда не было и двадцати лет. — И, дочитав до конца стихи «Мечтателю», с упоением воскликнул: — Вот что мне надо! «Отдайте, боги, мне рассудок омраченный».

И пропел, как там, в прихожей, у фисгармонии.

Замолчал, задумался и совершенно неожиданно спросил:

— А тебе говорили, что Пушкин бывал в этом доме?

Да, я слышал об этом однажды, но как-то не придавал этому значения.

— Пойдем! — сказал Арс.

И мы дважды обошли дом.

Дом, как сказали бы теперь, был с цокольным этажом. У нас говорили проще: с пекарней в подвале и с погребом. Еще на моей памяти в пекарне хозяйничал турок Визерь. Он выпекал пышный хлеб, именовавшийся почему-то греческим. Да и на вывеске было написано: «Греческая пекарня». Потом Визерь уехал к себе в Турцию, а в пекарне работали красноармейцы, выпекавшие для Камышинского полка невысокие серые хлебы. Окна пекарни выходили на Платовский проспект, а со стороны двора был большой погреб, которым на моей памяти уже не пользовались.

Обойдя дом два раза, мы остановились у входа в погреб.

— Должно быть, погреб и пекарня были одним помещением,— сказал Арс и стал отодвигать ржавый засов. Засов поддавался с трудом, но все-таки открылся.

Но тяжелые дубовые двери, вероятно, раздались от сырости и распахнулись не сразу.

Вслед за Арсением Михайловичем я стал спускаться в погреб и вдруг отчетливо вспомнил, как однажды, еще маленьким, отсиживался здесь вместе со старшими. Тогда со стороны Аксайско-Донского займища по городу стреляли пушки; один из снарядов даже угодил в золоченый купол кафедрального собора. Собор находился в соседнем квартале. Серая прямоугольная заплата на его главе существовала еще много лет. А вот кто стрелял — красные или белые,— я не помню.

В памяти у меня остались глухие звуки разрывов, раскатистый стук штукатурки по мостовой, несносная тишина погреба и непривычное молчание взрослых, окружавших меня. С той поры я не любил погреба, не бывал в нем. Другое дело — голубятня с облупившейся бордовой краской, высоченная, в которой жили теперь не только хвостатые аристократы-турманы, но и обыкновенные сизые дикари.

И вот как бы впервые я спустился с Арсом в это сырое, паутинное молчание.

Еще одна дверь, еще один засов.

Арсений Михайлович зажег спичку.

— Двери, гляди, старинные. Им лет сто.

Мы то погружались в темноту, то узкое пламя спички освещало какие-то бочки, бочонки, плетеные корзины.

Арс стукнул по бочке, ему тотчас ответило короткое, сдавленное эхо.

— Я слышу старый винный запах с оттенком серы,— произнес Арсений Михайлович.

Я потянул ноздрями и ничего не почувствовал, кроме мышиного духа и сладковатой гнилостности, сохранившейся с той поры, когда в погребе держали овощи.

— Бочка эта видала виды,— тоном знатока рассуждал Арсений Михайлович,— посмотри на обручи. Не иначе как работа станичного бондаря, повидавшего в восемьсот тринадцатом и французские города и французские бочонки. И дверь! Не верхняя, а именно эта, вход в святая святых. Я тебе все расскажу, ты все поймешь.

Признаться, я понимал далеко не все. Мне мешали воспоминания и тяжелый запах.

Но Арсу — уж такой он был восторженный — никак не хотелось отсюда уходить. Должно быть, он чиркнул последнюю спичку, осматривая дверь.

— Мел! Честное слово, след мела! — наверное, так воскликнул Колумб, завидев землю. И, заметив мое недоумение, Арс добавил: — Я объясню. Только не торопись, не задавай вопросов... Как это здорово!

Наконец мы покинули погреб. Арс загадочно жмурился на солнце.

И исчез из дома. Я не встречал его несколько дней. Он возвращался поздно вечером, и временами из прихожей доносилось тихое звучание расстроенной фисгармонии.

Нет, я не любил и не умел подслушивать. Но вопреки этому был часто осведомлен о том, что мне совсем не полагалось знать.

— Нет, мама, я так дальше не могу,— говорила тетя Катя.— Я обыкновенная, а он необыкновенный. Ты мама, помнишь, рассказывала, как он переезжал на квартиру.

Они рассмеялись. Эту историйку из новочеркасской юности Арса обычно передавали с ироническими усмешками и новыми подробностями. Арсений не переезжал, а переходил. С дачной складной кроватью, узлом белья и связкой книг. Пройдет немного по аллее, установит кровать, узел под голову, растянется, как в гамаке, и покуривает под акациями. Отдохнет и снова в путь до очередного привала.

— Дело, конечно, не в этих причудах. Ты сама решай, Катюша. А мое отношение к нему тебе известно: трудный он человек. Нельзя жить в обществе и с ним не считаться. И потом жена, дети...

— Я боюсь, мамочка, он выдумал меня. И потом я просто не в силах. Понимаешь, не в силах...

Тетя Катя расплакалась. Я понял: участь Арса решена.

А он продолжал скрываться. Где же он все-таки пропадает? И вдруг он сам окликнул меня во дворе:

— Подойди-ка поближе, репортер. Я тебе сообщу чрезвычайную новость.— Лицо его вытянулось и приобрело выражение лукавое и значительное.— Четыре дня в библиотеке и музее не пропали даром. Я уверен теперь: этот погреб вполне исторический. Сядем в палисаднике.

Мне хотелось его пожалеть, прижаться к нему щекой, рассказать ему то, что знаю, но я понимал: этого делать нельзя. А он был даже веселее обычного.

— Ты, конечно, сгораешь от нетерпения. Так вот знай: я сделал открытие. Помогли книги и один памятливый старичок. Слушай внимательно. Вначале азбука, хрестоматия.

(Я не могу сейчас ручаться за точность передачи. Многое позабылось.)

Пушкин бывал в Новочеркасске несколько раз. Летом 1820 года с Раевским. И в 1829 году — по пути в Арзрум и из Арзрума. В августе он выехал из Тифлиса во Владикавказ. Там он встретился с декабристом Пущиным, младшим братом своего лицейского друга. Михаил Иванович Пущин ехал в Кисловодск лечить свои раны. К нему и присоединился поэт. Пушкин был весел, как никогда. Единственный раз в жизни он перешагнул границы Российской империи. И впервые побывал в боях. Как его ни уберегали, ни отговаривали, он участвовал в схватках. Он был среди казаков, приданных Нижегородскому драгунскому полку. Представляю, как удивлялись служивые, увидев на аванпосте всадника в мохнатой бурке и круглой шляпе! Да еще с пикой. Держал он ее неловко, но крепко.

А потом казаки привыкли и даже полюбили Пушкина. Он пошучивал с ними на биваках. Казаки пели ему донские песни. Он расспрашивал о житье-бытье, о донских обычаях.

Как много он повидал! Города, селения, горные леса. Старых друзей и новых, удивительных знакомых. Поэта Фазиль-хана:

Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах...

А в Кисловодске встретился с Дуровым, братом Надежды Дуровой, кавалерист-девицы. Дуров в своих странностях, как говорил сам Пушкин, не уступал сестре. Поэт хохотал от души, слушая его рассказы. Особенно об удивительных способах найти сто тысяч рублей. Они вместе выехали из Кисловодска, но пока добрались до Новочеркасска, Дуров обыграл Пушкина подчистую. Поэт очень любил выигрывать, но к проигрышам относился вполне беспечно. Вероятно, на ямской почтовой станции они еще раз «и приписывали, и отписывали мелом». А ведь это от Платовской улицы рукой подать. Неподалеку был и дом наказного атамана Кутейникова. Вот я себе и представляю: забыв мелок в кармане, Александр Сергеевич отправился в этот погребок, где в кругу возвратившихся из турецкого похода можно было выпить цимлянского:

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

Арс говорил вдохновенно, убежденно. Для него картина ясна была в деталях. Он видел, как Пушкин, загорелый, с открытой головой, подставив вьющиеся каштановые волосы мягкому сентябрьскому солнцу, шел через плац с молоденьким казачьим офицером, влюбленно посматривающим на своего знаменитого спутника. Александр Сергеевич не пожелал идти в ресторацию, единственную в Новочеркасске, отказался и от домашнего приглашения. Ему хотелось повидать донцов такими, какими он видел их совсем недавно на биваках. А уж потом, подкрепившись шипучим, отдать визит наказному атаману и, кстати, одолжить у него пачку ассигнаций, чтобы добраться до Санкт-Петербурга.

Арс словно зашел в погребок вместе с Пушкиным. Видел дрожащее пламя свечей, чарки кавказской чеканки веселых казаков, единственных среди всего русского воинства солдат, которые могли запросто сидеть в погребке на некрашеных скамьях рядом со своими хорунжими и есаулами.

Под сводами неприметного, не обозначенного никакой вывеской погребка нашелся служивый, узнавший Пушкина. Встретили тепло. Угощали окороком, мочеными и свежими яблоками, сыром.

— Ты только вообрази: насладившийся путешествием, встречами, нагруженный новыми стихами и записями, как отменно он должен был себя чувствовать в этом погребке! И теперь главное. Да, да, самое главное! Карточным мелком на той дубовой двери он написал стихи, которые привели в восторг казаков. Их долго не стирали. Но никто не записал их и не запомнил. Может быть, эти:

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.

...Нет, дорогой, скорее что-нибудь озорное, игристое. Вот только мы никогда не узнаем, какие же это были стихи, понимаешь — никогда!..

— Арсений! — раздался голос тети Кати.— Куда вы запропали? Я уже давно хочу с вами поговорить.

Тетя Катя появилась в палисаднике аккуратно причесанная, строгая, грустная.

...Наливались яркие бигароны, как называют у нас крупную белую черешню. Подходила пора созревания вишен. Арс так и не поел своих любимых вареников. Он уехал неприметно, не попрощавшись со мной, оставив мне брюсовского Пушкина, с которым я потом не расставался.

Через несколько лет, уже юношей, я приезжал в Москву и пришел к Арсению Михайловичу на Большую Якиманку, в особняк с колоннами, задвинутый в глубь двора.

Смуглая, полная женщина в фартуке открыла дверь, внимательно посмотрела:

— Арс, к тебе.

Я прошел сквозь табачный дым и пар — в комнате стиралось белье — в угол, где сидел Арсений Михайлович.

Он обнял меня, пощекотав незнакомой прежде бородой с уже заметной проседью. На столе у него лежала цветная диаграмма.

— Видишь, это так просто. Каждый звук имеет свою окраску, свой цвет.

Диаграмма переливалась непонятной радугой. Арсений Михайлович занимался тогда цветной музыкой.

— Как Новочеркасск, разлив был в этом году какой? Посмотреть вниз, с площади — море? — и, чуть понизив голос: — Ты давно был у тети Кати?

Жена Арсения Михайловича при этом имени вышла из комнаты.

— Вот, репортер, посмотри: у меня целая связка писем. Она мне возвращает их нераспечатанными. Ты знаешь, я в них пишу обо всем: о музыке, о поэзии, о любви. Я их еще раз перечитаю и издам. У книги будет название «Ты их все-таки прочтешь». Здорово? Теперь пойдем, я тебе покажу Москву. Ведь ты ее совсем не знаешь. Между прочим, ты помнишь стихи Пушкина «Мечтателю»:

...Отдайте, боги, мне рассудок омраченный...

Говорят, романс получился. Уже поют в концертах. Я его посвятил Катюше. А в погребок ты заглядывал? О нем непременно надо написать.

Алма-Ата.

Старшая сестра

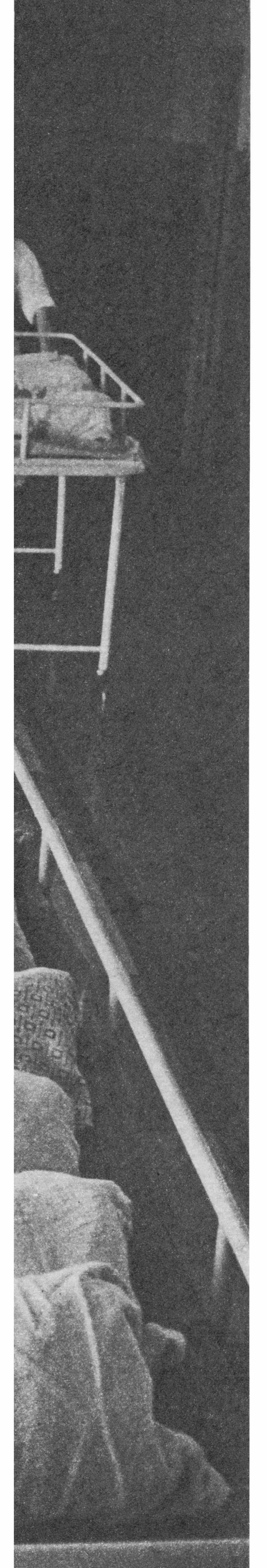
УТРО ДОЛГОГО, ДОЛГОГО ДНЯ

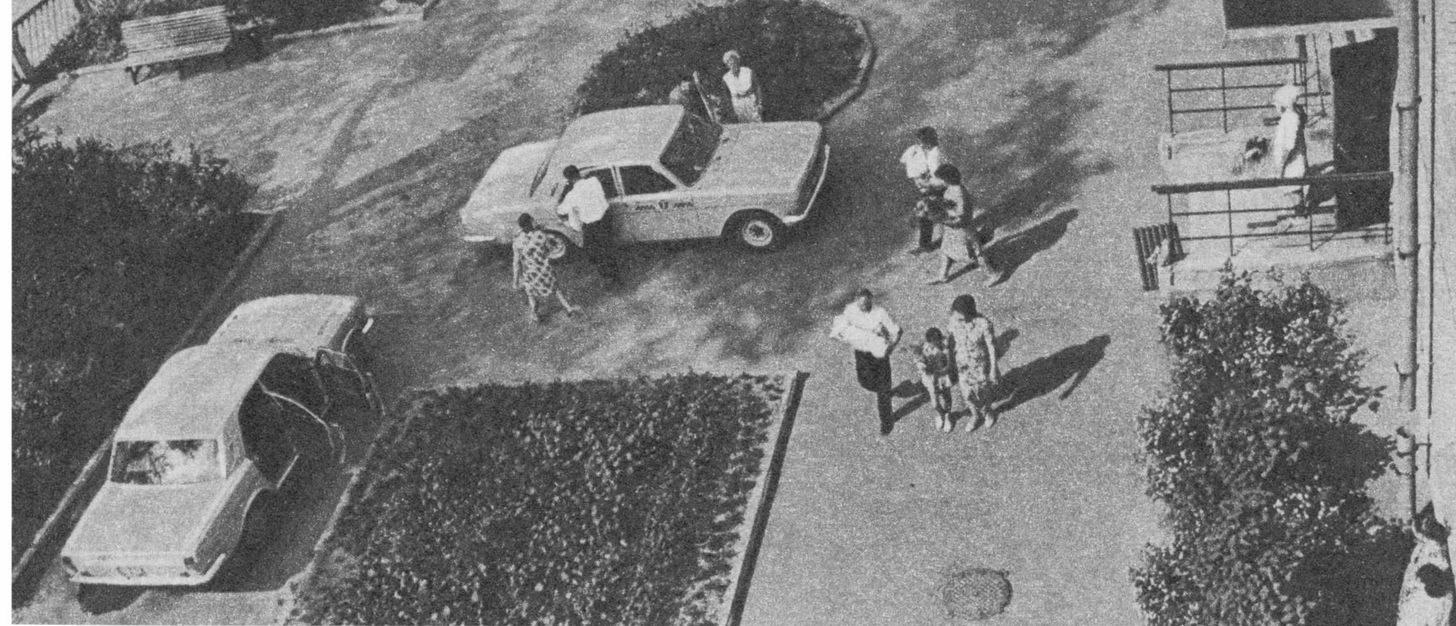
Фоторепортаж Бориса КУЗЬМИНА.

С первым ударом сердца, с первым глотком воздуха они получают все — родину, мать, отца, потому что у них уже есть жизнь, ее великое начало... И только имени у них еще нет. Но и без имени их прекрасно различают; не только по тем трогательным бирочкам - браслетам, что болтаются на ручонках,— по голосам, по форме головок, по привычке (уже привычка!) состроить гримасу. Различают матери!.. Ах, как им дорог этот комочек тепла и крика, неповторимый, как звезда в небе, как новое утро на земле, как песенный зачин, рожденный сердцем.

...Череповец — город древний, город молодой. Да, и молодой, так случилось не с одним городом в нашей стране, пережившим второе рождение. С тех пор, как здесь обосновались металлурги, в Череповец переселилось много молодежи. Ну, а любовь да совет — дело как раз молодое. Где молодые, там сами собою возникают радостные встречи, смех, счастье. Там зарождаются новые жизни, и это естественно, это прекрасно!

Череповецкий роддом; в нем в

По субботам — большой разъезд!

прошлом году родились 2 603 мальчика и девочки. Работает здесь очень опытный коллектив во главе с главным врачом, хирургом Александром Петровичем Крамаренко. Сколько же приняли ребятишек за тридцать лет работы акушерки Валентина Александровна Костерина и Надежда Егоровна Моисеева! Тридцать лет — сотни, тысячи новорожденных, да ведь никто же не считал... Вот Нина Ивановна Логинова много моложе, и работает она лет двенадцать, а приняла за это время в часы своего дежурства уже более трех тысяч младенцев...

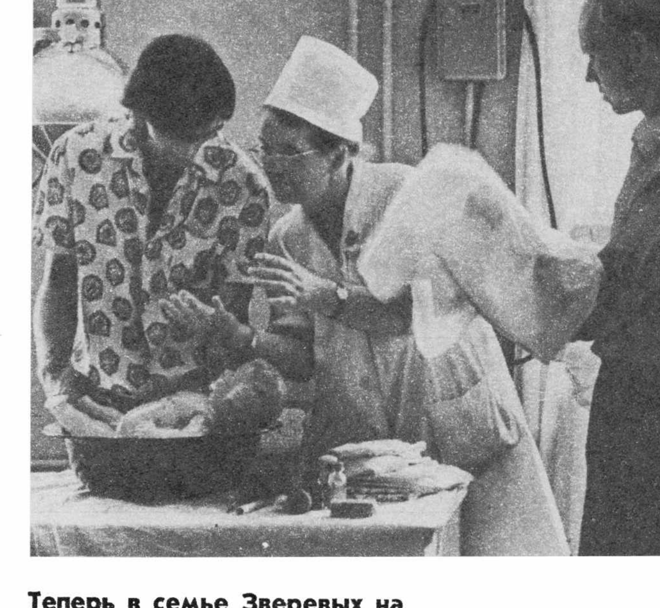
...А под высокими окнами с утра до вечера смеется, что-то кричит ободряющее, пританцовывает, машет цветами само Великое Ожидание — отцы (главным образом они), и новоиспеченные бабушки, и родственники, и старшие (скоро, скоро будут старшими!) братья и сестры.

— Мамочка, а какой он!.. Она!..

Хорошо, что жизнь начинается с минут радостного ожидания, с минут счастья, с ощущения породнившихся душ. С цветов, со слов поздравления:

—С новым утром, с новой жизнью!..

Н. БЫКОВ

Слесарь Петр Кравченко и электрик Борис Стригин учатся в школе молодых отцов. Занятия ведет врач В. А. Крылова.

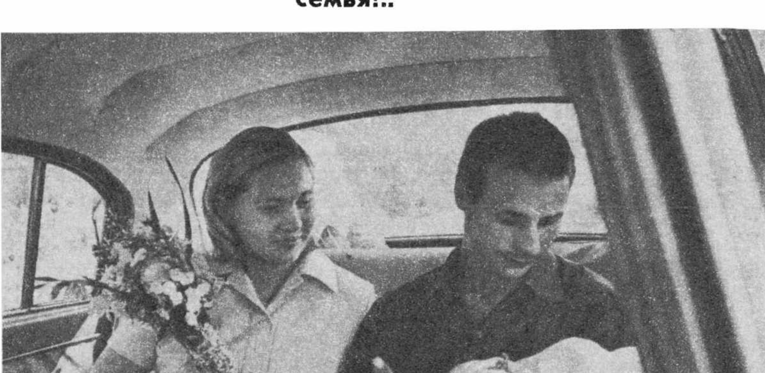
Теперь в семье Зверевых на одного человека больше.

На первое свидание с мамой...

Почти по Маяковскому: хоть маленькая, а все ж семья!..

Генерал Д. Драгунский с танкистами.

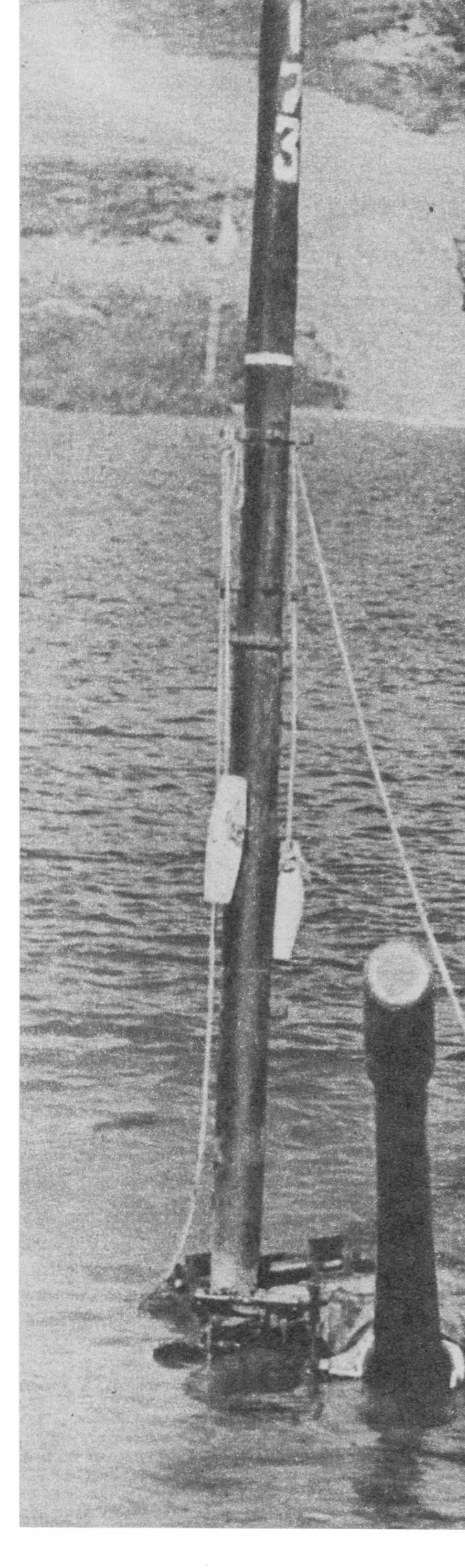
это в тяжелые дни июля сорок первого года на Смоленщине, в районе Духовщина — Батурино. Мы подбили три фашистских танка, но были потери и у нас. Вечером мы хоронили товарищей. С башни танка выступил двадцатилетний комсомолец лейтенант Петр Москалев, уроженец тех мест, где мы в эти дни воевали. Заканчивая свою взволнованную речь, он сказал: «Сегодня мы уничтожили немецкие танки на земле моей родной Смоленщины. Но я верю, что настанет день, когда подбитые нами фашистские танки будут пылать в самом Берлине». И такой день настал. Сбылись пророческие слова комсомольца Петра Москалева.

Я не погрешу перед истиной, если скажу, что для меня бой 23 июля 1941 года на Смоленщине является самым памятным. С него и началась трудная дорога к танковым сражениям на Курской дуге, к грандиозной Берлинской операции.

Вопрос. Несколько слов о тех, с кем вы сражались плечом к плечу.

ГОДЫ В БРОНЕ

Им нет преград.

Накануне всенародного праздника — Дня танкистов — наш корреспондент Г. И. Макаров посетил Высшие офицерские ордена Ленина Краснознаменные курсы «Выстрел» имени Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова. В этой прославленной «полевой академии» совершенствуют свои знания офицеры многих родов войск и среди них — большой отряд советских танкистов.

Начальника курсов дважды Героя Советского Союза генерал-полковника танковых войск Давида Абрамовича Драгунского корреспондент застал в учебном центре на полевых занятиях.

Генерал Д. А. Драгунский ответил на вопросы корреспондента.

Вопрос. Что вы можете сказать о роли и месте танковых войск в системе Вооруженных Сил?

Ответ. Танковые войска являются главной ударной силой сухопутных войск. Они обладают мощным огнем, высокой подвижностью и маневренностью, большой стойкостью против воздействия ядерного оружия и способны вести боевые действия днем и ночью, летом и зимой, в любых климатических условиях.

Танковые войска используются преимущественно на главных направлениях для выполнения наиболее важных задач, связанных с нанесением по противнику мощных ударов по флангам, с глубоким выходом в тылы, захватом важных рубежей.

Благодаря постоянной заботе нашей Коммунистической партии и правительства о Вооруженных Силах танковые войска оснащены самой современной боевой техникой.

Сейчас танки способны двигаться по суше, по воде, под водой, десантироваться по воздуху.

Танковые войска сыграли выдающуюся роль в разгроме врага в период Великой Отечественной войны. Не меньшее значение они могут иметь и в современной войне. Однако советская военная наука определяет, что успех в бою достигается объединенными усилиями всех родов войск и видов Вооруженных Сил.

Вопрос. Какой из танковых боев минувшей войны запомнился вам больше всего?

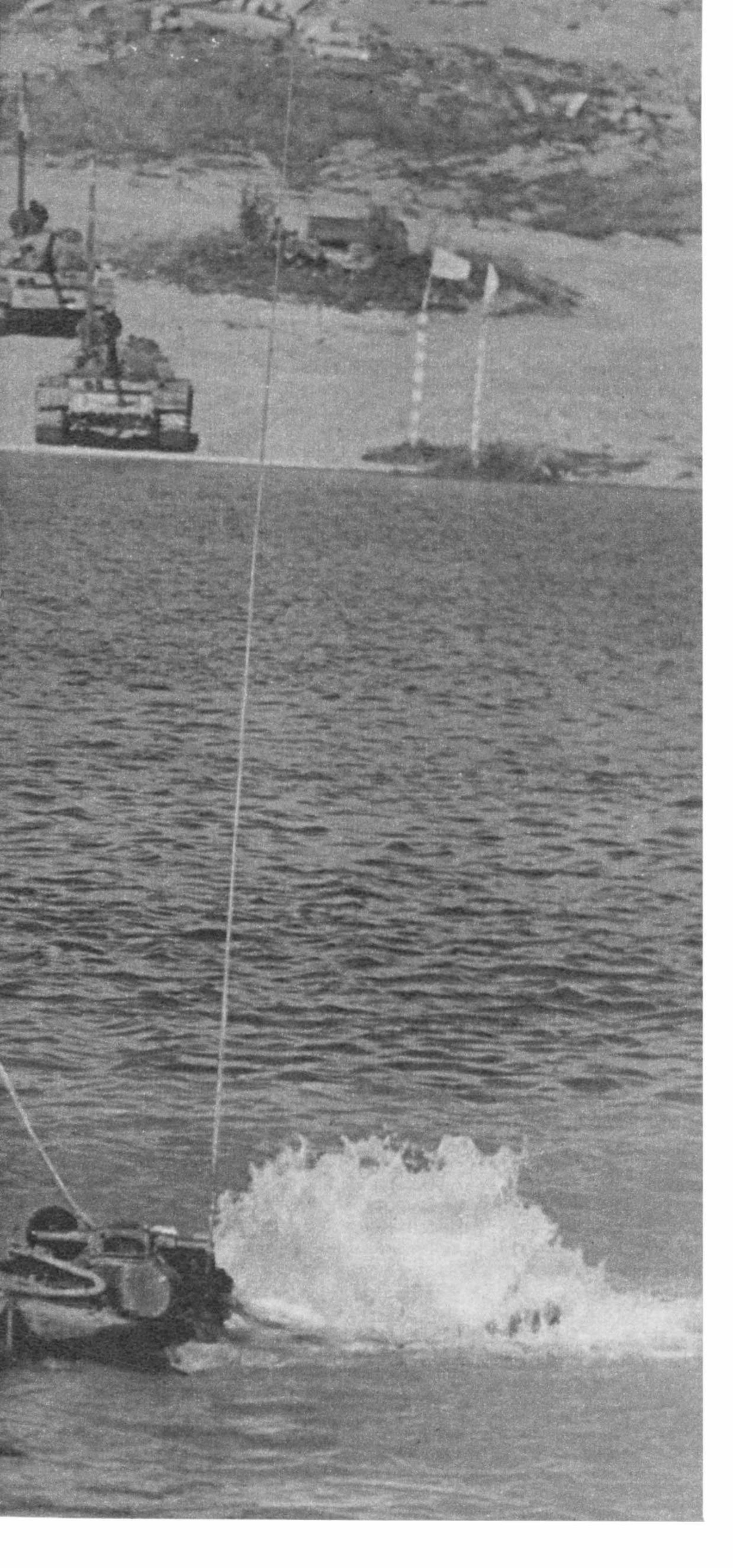
Ответ. В годы Великой Отечественной войны мне довелось участвовать во многих танковых боях, в крупных операциях и сражениях: под Москвой и на Курской дуге, на Днепре и на Висле, под Берлином и Прагой. Как известно, в Берлинской операции, которая венчала победу нашей армии и нашего народа над нацизмом, с нашей стороны участвовало свыше шести тысяч танков и самоходно - артиллерийских установок — в четыре раза больше, чем у гитлеровцев. 2 мая, закончив бои на улицах Берлина, я вспомнил первый танковый бой батальона, которым командовал. Было

Ответ. В годы войны мне посчастливилось сражаться под командованием таких известных советских военачальников, как П. С. Рыбалко, М. Е. Катуков, И. И. Якубовский, воевать плечом к плечу с прославленными командирами танковых бригад: А. Х. Бабаджаняном (ныне маршалом бронетанковых войск), В. С. Архиповым (ныне генерал-полковником танковых войск), З. К. Слюсаренко (ныне генерал-лейтенантом танковых войск).

Проходят годы, десятилетия. Но время бессильно стереть в памяти подвиги героев. Разве можно забыть полковника Александра Алексеевича Головачева! Я верю: придет время, и о нем будет написана книга, достойная его большой и прекрасной жизни. Не так давно мне довелось прочитать письмо А. Головачева к родным, написанное незадолго до его гибели. Вот несколько строк из этого письма: «...Я могу честно смотреть в глаза народу и сказать, что начал воевать в 6 часов утра 22 июня 1941 года. Я видел горечь первых поражений, а теперь испытываю радость наших побед. Я не допустил ни одного бесчестного поступка на войне. Был всегда там, где жарко. Семь раз тяжело ранен, а ран на моем теле всего одиннадцать. Если у меня не будет рук — буду грызть врага зубами и идти вперед. Не будет ног — стану ползти и душить его. Не будет глаз — заставлю вести себя. Пока враг не разбит — с фронта не уйду...»

В этих строках письма-исповеди весь он — коммунист Александр Головачев, сын старого большевика, отважный солдат, талантливый офицер, дважды Герой Советского Союза, погибший на дальних подступах к Берлину.

И еще об одном герое. Это сержант Николай Никитович Новиков. Никогда в своей жизни я не встречал более смелого и храброго человека. Танкист-разведчик, он всегда первым врывался на передний край противника в занятые врагом населенные пункты, ему были не страшны ни водные преграды, ни укрепления. Его героизм вдохновлял однополчан на ратные подвиги. Ныне Герой Советского Союза Н. Н. Новиков живет в городе Пинске, на

Старший инструктор — механик-водитель прапорщик Лев Орешин.

улице Володарского, в доме № 20. Тяжелые раны и контузии дали себя знать: он свыше 25 лет прикован к постели. Но герой не сдается. Николай Никитович ведет большую патриотическую работу. Его дом стал местом паломничества пионеров и молодежи Белоруссии.

Вопрос. Ваш идеал современного советского танкиста?

Ответ. Многие юноши мечтали стать танкистами, водить грозные боевые машины. Так было на заре зарождения бронетанковых войск, так было и в предвоенные годы.

«Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди мужеством полны...» — эти слова популярной песни тех лет навеяны романтикой военной службы, отзвуками дальневосточных боев с японскими захватчиками. Великая Отечественная война подняла еще выше почетное и героическое звание советского танкиста.

Советский народ на подвиги известных и безымянных героев-танкистов ответил великой, неистощимой любовью...

Ныне, в век бурного научно-технического прогресса, когда необычайно возросла общеобразовательная и техническая подготовка советской молодежи, поднялся ее культурный уровень, когда новейшие достижения науки и техники совершают революцию в военном деле, звание советского танкиста привлекает юношей не только своим романтико - героическим содержанием, но и растущим профессионализмом, необходимостью иметь глубокие теоретические познания, прочные технические навыки.

В моем понимании танкисты наших дней должны быть сильными, мужественными и храбрыми людьми, в совершенстве владеющими вверенной им современной боевой техникой; беспредельно преданными нашей матери Родине, готовыми выполнить любое задание народа и партии.

Вопрос. Расскажите, пожалуйста, о тенденциях в развитии танковых войск и танков.

Ответ. Все, что завоевано и создано народом, должно быть надежно защищено. Задачу укрепления Вооруженных Сил, всемерного повышения обороноспособности нашей Родины XXIV съезд КПСС определил как одну из самых главных задач партии и государства, советского народа.

Партия делает все необходимое, чтобы постоянно держать армию и флот на уровне, обеспечивающем решительный разгром любого агрессора, который осмелится нарушить мирный, созидательный труд советского народа, всей мировой системы социализма.

Неизмеримо возросла боевая мощь и наших танковых войск. В настоящее время основу их могущества составляют современные танки, созданные с учетом опыта войны и последних достижений науки и техники. Они значительно более совершенны, чем лучшие танки второй мировой войны. В них нашли отражение новейшие достижения электроники, радиотехники. Существенно улучшены все три основных показателя танков: огневая мощь, броневая защита, подвижность.

Ныне танки благодаря специаль-

ным прицелам и приборам ночного видения могут двигаться и вести огонь ночью не хуже, чем днем. Современный танк может, применив специальное оборудование, форсировать водный рубеж под водой. Кроме того, советские танки могут быть использованы в качестве морского десанта, им не страшны водные преграды. В учениях последних лет наши танки в составе воздушнодесантных войск с успехом преодолевали дальние расстояния на больших высотах и, спустившись на землю, в глубоком тылу «противника» успешно выполняли поставленные перед ними задачи.

Танковый огневой бой — это состязание огня и брони. Пушка танка благодаря стабилизаторам остается неподвижной при любых колебаниях корпуса. Танк получил возможность вести прицельный огонь, не останавливаясь, в ходе боя, что повысило его неуязвимость.

Появилась и главная особенность современного танка — его четвертая основная характеристика — устойчивость к поражающим факторам ядерного взрыва. Советские конструкторы добились того, что ныне боевая машина стала не только мощным ударным средством, но и подвижным укрытием от действия ударной волны, светового излучения и проникающей радиации ядерного взрыва.

Если говорить о дальнейшем развитии танковых войск в целом, то оно неотделимо от общего гармонического развития и совершенствования наших Вооруженных Сил.

Вопрос. Кем бы вы хотели быть, если бы не стали танкистом?

Ответ. Ваш вопрос поставил меня в весьма затруднительное положение. Честно говоря, я никогда не задумывался над этим: не мыслю себя вне танковых войск.

Я преклоняюсь перед героическими буднями наших летчиков. Как не восхищаться советскими моряками - подводниками, для которых фантастика Жюля Верна о 80 000 километров под водой стала реальностью! Ни океанские глубины, ни вечные льды Арктики им не помеха. Отдаю должное нашим замечательным ракетчикам, чей ум, сноровка и мастерство заслуживают величайшего уважения.

Горжусь нашей героической пехотой, труженицей полей, без которой мы не могли бы победить врага и без которой немыслим и современный бой.

Но я думаю, что вы поймете меня правильно, если я скажу, что мое сердце принадлежит танкистам.

35 лет жизни отданы танковым войскам, которым безгранично предан. Я люблю мою танковую профессию.

Годы в броне. Сколько раз ходил в атаку и водил в атаку других, был ранен, горел в танке! Сколько раз был на грани жизни и смерти! И все-таки, если бы с моих плеч сбросили несколько десятков лет и нужно было бы начинать жизнь сначала, на вопрос «Кем бы вы хотели быть?» я бы ответил: «Танкистом, и только танкистом».

ПАРНИ В ГОЛУБЫХ БЕРЕТАХ

Среди множества книг о подвиге советского солдата в Великую Отечественную войну лишь изредка встречаются книги о солдате сегодняшнего дня. Поэтому роман Александра Кулешова «Голубые молнии» вызывает особый интерес: писатель обратился к современной Советской Армии, к тем событиям в ее жизни, которые происходят в ее внутренней среде, к событиям, обычно находящим свое отражение лишь в небольших газетных очерках и зарисовках.

Посвящен роман воздушным десантникам — самым мобильным, превосходно обученным войскам. А. Кулешов много месяцев прожил среди своих будущих литературных героев, досконально изучил их быт, их устремления и потому сумел создать целый ряд интересных, запоминающихся образов и картин.

Наиболее удались писателю образы молодого десантника Анатолия Ручьева и генерала Ладейникова. Хотя они почти не сталкиваются друг с другом, именно через них писатель излагает свою точку зрения на проблему «отцов и детей».

А поначалу автор ставит самого себя в сложное положение: Анатолий Ручьев — отнюдь не идеальный новобранец. Более того, он принадлежит к числу тех трудных для начальства солдат, которые «портят» общую картину своими вопиющими недостатками. Так, Анатолий глубоко опечален поворотом судьбы, которая «незаслуженно его обидела»: вместо легкой и беззаботной студенческой жизни он, интеллектуальный, с большими культурными запросами юноша, должен нести «тяжкий крест» солдатской службы. Эти годы Анатолий заранее вычеркивает из своей жизни, поскольку полагает, что человеку с его данными армия ничего дать не может, человек его способностей и воспитания достоин другой, лучшей участи. И поэтому закономерны проступки Ручьева, из-за которых между ним и товарищами проходит трещина...

Большой удачей писателя является то, что он сумел тактично и умно показать, как сама жизнь постепенно меняет миросозерцание Анатолия Ручьева. На протяжении всего романа мы наблюдаем за его перевоплощением из унылого новобранца в исключительно дисциплинированного и храброго десантника, в мирное время совершающего подвиг, достойный солдата — воспитанника генерала Ладейникова.

За Ладейниковым читатель следит с глубокой симпатией. Молодым офицером-десантником Ладейников прошел через горнило войны, его тело иссечено шрамами, а грудь украшена боевыми орденами, за каждым из которых стоит подвиг. Ныне генерал и командир дивизии десантников, Ладейников с исключительным терпением и тактом воспитывает своих подчиненных. Волевой, любящий службу, командующий тысячами солдат, комдив в то же время человек, глубоко озабоченный душевным состоянием каждого солдата. Ладейников умен, широко образован, авторитет его незыблем, и верится, что если такие, как Ладейников, олицетворяют собой высший командный состав Советской Армии, то можно быть спокойным: оборона страны находится в надежных руках.

Привлекателен и другой герой романа — старший лейтенант Копылов, влюбленный в романтику своей десантной службы. Приятно, что автор, описывая среднее командное звено, уклонился от штампа. Копылов и его товарищи, офицеры Васнецов и Якубовский,— разные люди, со своими чисто человеческими достоинствами и недостатками.

В ткань романа вплетены и две, казалось бы, инородные нити: лирическая и детективная.

Первая из них, на мой взгляд, на общем фоне выглядит менее органично: любовь Анатолия Ручьева и санинструктора, мастера спорта Тани Кравченко. Она отнюдь не выглядит в романе лишней, раскрывает новые черты в характере главного героя, но не так захватывает читателя, как «военный материал».

Детективная же линия связана с похождениями матерого диверсанта Крутова, который встал на скользкую дорогу предательства и нашел на этой дороге свой закономерный конец. Мастерски «закрутив» сюжет, А. Кулешов сумел с большой психологической достоверностью мотивировать поступки Крутова — человека без родины, без каких бы то ни было принципов и моральных устоев.

Роман «Голубые молнии», посвященный мирным и порою героическим будням советских десантников, безусловно, привлечет внимание читателей.

В. САНИН

А. КУЛЕШОВ. Голубые молнии. Роман. Журнал «Знамя» №№ 1, 2, 3 за 1972 год.

ВЕКОВЫМ ПРЕДРАССУДКАМ—БОЙ!

Рыдая, прибежала в отделение милиции молодая мать с просьбой помочь найти ребенка, похищенного его отцом...

А ведь была большая, настоящая любовь, была веселая свадьба в праздничный день 7 ноября, когда собрались к столу парни и девушки с кирпичного завода и швейной фабрики — друзья жениха и невесты. Что же случилось, почему распалась семья, которой, казалось, суждены были долгие годы счастья?

Ответ на этот вопрос мы находим в горьких размышлениях Гашамиды, героини повести Бемурзы Тхайцухова. Она поняла, «что ветер времени, перемен еще не тронул многие углы в доме Курчевых, просто обошел их».

Отважный поступок совершил комсомолец сержант Аслан Курчев, помогая товарищам-танкистам во время учений. Вернувшись из армии, пошел работать на завод, окончил заочно строительный институт. Темой его дипломной работы стало внесенное им ценное рационализаторское предложение, за которое пришлось немало побороться. Многие трудности преодолел этот мужественный, умный и добрый человек и лишь перед одной спасовал: сильнее его любви и уважения к Гашамиде оказались усвоенные с детства предписания старого семейного уклада. Не полагается мужчине вмешиваться во взаимоотношения женщин в доме — так гласит обычай, и послушный ему Аслан не помог разрешить недоразумения, возникшие между Гашамидой и ее свекровью. А гордая Гашамида не могла подчиниться нелепым требованиям жесткой и властной Цицы. Вначале незначительные недоразумения между ними, разрастаясь все больше и больше, привели к глубокому разладу в семье.

Смелая и независимая, резко и справедливо критиковавшая на собрании нерадивых закройщиц и недобросовестного мастера, сумевшая отстоять свое человеческое достоинство и защитить себя от грубых посягательств непрошеного «жениха» — Науруза, Гашамида оказалась бессильной в борьбе против отживших обычаев, соблюдавшихся в доме мужа.

Горячим сочувствием к трудной судьбе Гашамиды дышат страницы повести абазинского писателя. С любовью рисует он обаятельный образ своей героини, взволнованно и ярко рассказывает о прекрасных людях, о радостной, светлой жизни родной Карачаево-Черкесии. И тем большую боль, тем больший гнев вызывают отравляющие еще порой эту жизнь вековые предрассудки, против которых направлена повесть Б. Тхайцухова «Гашамида».

Н. ДАВЫДОВА

Б. ТХАЙЦУХОВ. Гашамида. Повесть и рассказы. Авторизованный перевод с абазинского Ю. Новикова. Издательство «Советская Россия». 1972.

П. **Елизов** (Петропавловск-Камчатский). НА ПЕРЕВАЛЕ.

Выставка произведений молодых художников.

С. **Краснов** (Уфа). НОВЫЙ ГОРОД.

Н. Соломин (Москва). ПЕРВЫЙ ПАРАД.

Выставка произведений молодых художников.

П. Павлов (Чебоксары). ЛИКБЕЗ.

Выставка произведений молодых художников.

ФРЕСКИ ДЕТСТВА

Александр БОГУЧАРОВ

I. БОГУЧАРОВО
Богучарово. Палатки
Возле брошенной избы.
Лошади у городьбы.
Для геологов солдатки
Варят щи.
А я в кроватке.
Семимесячный. Беда.
Моя мама молода.
Матери моей несладко.
И плывет моя кроватка
В те, тридцатые года.

II. ХАКАСИЯ
Геология. Спеленат
Географией твоей...
Мой отец и мама тонут,
Да щадит их Енисей.
Работяги, смолокуры.
Я артельный мужичок.
Мне не нужен гребешок,
Сплю, как Маугли на шкурах.
Книжек нет. Зато любой
Мне рассказывает сказки,
Мне показывают пляски
Смуглокожие хакаски,
Дарят пояс голубой.

III. СЕЛЕНГА
Селенгиночка-буряточка,
Няня первая моя...
Все звала меня касаточкой,
Первой песней наделя:
«Кирэн, мой Кирэн,
Горы, степи, чудо.
У твоих белых стен
Я красивой буду!»
Матери моей подруга,
Ты прошла потом до Буга
Медицинскою сестрой.
Есть могила под горой,
Намела тот холмик вьюга
Той военною порой.

IV. МОСКВА
Самолетик высоко
Вмиг прожекторы поймали.
Крылья черные его
Белым пламенем пылали.
Вот оно... Числом каким
Мне война за детство мстила?
Эшелонов красный дым
И талончики на мыло.

V. ОКА
Кто из нас необходим?
Кто отведал ветра в поле?
Я глотаю первый дым
С копотью на вольной воле.
Задохнулся? Ничего,
Это все-таки бывает.
В небе детства моего
Голубь перышко роняет.

VI. ХЛЕБ
Продавали выходной,
Черный, папин, из бостона...
Мама, я спешу домой —
С желтым горлышком батона.
Спелый, верно, заварной,
Обещают, что пшеничный.
Чувствую себя отлично,
Как тогда перед войной.
Лишь одним я огорчен:
Папа не придет к обеду...
Если б знал я, что батон
Мама отнесет соседу.
Он из госпиталя вдруг
Объявился, дядя Грунин,
Летчик без обеих рук,
Голова белее луня.
Мы стояли у плетня —
Я, сестренка и щенок.
И слеза текла со щек
У голодного меня.
И прожектор ослепил —
Тот, что помнился киношным.
Кто-то камешком оплошным
С яблони комочек сбил.

VII. ЭВАКУАЦИЯ
Поезд, давка, и солдат
Умирает. С полки третьей
Дети на него глядят,
Смерти не боятся дети.
Он вздохнул и поперхнулся,
Сверток маме передал,
Да чуть-чуть не дотянулся,
Хлеб к ногам ее упал,—
На заплеванный, вагонный
И дрожащий в полутьме...
Так вернулся хлеб ко мне.
И жевал я, полусонный,
Как в затишье на войне.

VIII. УТЕШЕНИЕ
Что ты, мама, не тужи!
Папа скоро к нам вернется.
Мама плачет и смеется
Там, на тропочке, во ржи.
Что у них произошло?
Мальчик знает больше мамы.
Ведь глядит портрет из рамы
И надежно и светло.

IX. ЗАВОД
На заводе Ильича
Мой станок, ровесник деда.
Обязательно заеду
Поглядеть из-за плеча,
Как мальчишка ловко точит —
Видно, свежее литье.
Поколение мое
Ничего забыть не хочет!

ДОБРОЕ СЛОВО ЖИВЫМ

Ирина ПАНОВА

* * *

Рассекло горизонт
резким свистом свинца.
Ну, а мать будет ждать,
будет ждать до конца.
Каждый год поезд мчится
сквозь яви и сны —
едет мать на свидание с ним.
Едет мать. Для нее
он, как прежде, живой:
непослушный,
курносенький,
ласковый,
свой.
Память имя героя
посмертно хранит.
Материнской любви
не дано хоронить.
Пусть вчерашнего дня
забывается след,
сына юность и детство — нет.

1.

День за днями она
все припомнит сейчас:
первый крик,
первый шаг,
первый слог,
каждый час.
Будто не было боли,
проклятья свинца.
Будет мать
сына ждать до конца.

* * *

Звезды — вечный огонь
тем, кто жил на земле,
а в мечтах забывал о ней,
об обычных делах,
о покое, тепле,
видя ночью ковер огней.
Звездный свет.
Он куда-то манил всегда,
предкам нашим он правил путь.
И мечтал мореход,
хоть кругом вода,
выплыть к звездам
когда-нибудь.
Что такое звезда?
Это предка глаз?
Плыли сказки из века в век.
Иль светильник богов?
Иль большой алмаз?
Время шло, и взрослел
человек.

В мире ценность нередко
рождала зло.
Воевали историй дни.
Это страшно!
Ну, что ж, что пока везло —
были дальше звезды огни.
Век ракетный летит,
и яснеют в нем
звезд далеких законы и путь.
А они нам мигают:
— Игра с огнем!
Ты, Земля, осторожней будь!

* * *

Смерти, как взрывы,
путают память.
В сердце удар.
Сотрясение мозга.
И остается тяжестью с нами
то, что не скажешь.
Теперь уже поздно.
И попросить извинения поздно
и повиниться в ошибке старой.
Смерть переехала память
поездом:
там — то, что было, здесь —
что осталось.
Чувств проявленье
несовременно,
копим в себе и любовь
и жалость.
Кто замечает слов перемену?
Ныне и ругань не больно
жалит.
Век, что ль, такой нас несет
и кружит?
Только с постели — и ногу
в стремя.
Некогда высказать слово
дружбы
(выругать, впрочем, всегда
есть время).
Смерть остановит бег на
минуту
и взбаламутит старый осадок.
Перед глазами прошлого
смута
и на себя самого досада.
Сердце зачем охранять
Кащеем?
Ставить покой свой всего
превыше?
Доброе слово живым нужнее,
мертвые, право, уже
не слышат.

* * *

Неспетые песни
живут в поднебесье,
плывут облаками,
играют дождем.
За руку не схватишь.
Пройдет — не заметишь.
Бывает, напрасно
годами их ждем.
Неспетые песни
звенящего леса —
мы слышим их шепот,
а спеть не дано.
Я чувствую свет их,
но выразить... Где там...
Как будто немое
смотрела кино.

Джулиан МЕЙФИЛД

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

IV

В комнате на Сто двадцать четвертой улице Эсси Тэрнер разбудил пронзительный женский крик. Она приподнялась на локте, едва не задыхаясь от страха. Гортанный, низкий вопль повторился, и Эсси поняла, что это не женщина, а опять та кошка во дворе, черт бы ее побрал! Каждый раз она устраивает по ночам концерты. Бог свидетель, от этого крика может быть разрыв сердца!

Она откинулась на подушку, но расшалившиеся нервы прогнали сон. Где Джеймс Ли? Уж не стряслось ли чего? Она стала думать о нем, и ей чудилось, будто он лежит рядом, целует ее в шею, шепчет на ухо разные нежности: «Бэби, ты же знаешь, как я тебя люблю. Глаза какие — с ума сойти!» Она давно знала, что он кривит душой, но ей нравился этот «нью-йоркский треп». Что греха таить, Джеймс Ли ей по сердцу!.. Она успокоилась и заснула.

Ей снился их дом, просторный и уютный. Они сидят в гостиной. Все как наяву: светлая, модная мебель, не хуже, чем у миссис Орнстейн. Эсси бережет ее, каждый день полирует.

У них дети, мальчик и девочка. Их голосами, смехом, топотом ножек полнится весь дом. Джеймс Ли доволен, теперь и он видит, какая это радость — ребятишки. Эсси почти физически осязает счастье — огромное, мягкое, теплое.

Но тут жуткое воспоминание всплывает в памяти. Этого нельзя забыть, никогда! Белый эмалированный таз, алые кляксы на белой эмали. Это ее кровь, чья же еще! Острая, ни с чем не сравнимая боль. Боже праведный, что за боль! Проклятая старуха, жилистая, мужеподобная. Похожа на акушерку не больше, чем на царицу Савскую. «Терпи, милая, недолго осталось...» Внезапно старуха превращается в Джеймса Ли. Горячая боль карабкается по позвоночнику, закипает в затылке. «Не могу больше!» — слышит Эсси собственный крик. Она вцепилась Джеймсу в волосы, колотит его по плечам. Страшнее боли сознание совершаемой жестокости: грешно убивать еще не родившегося ребенка. Лучше самой умереть, чем пойти на это. Отчаяние сдавило горло, она погружается в густую, черную пучину. Это конец...

Эсси проснулась в холодном поту, села на кровати, шумно и часто дыша. Ее бил озноб, она точно ослепла, руки и ноги отказывались повиноваться.

С верхнего этажа донесся скрип половиц, грузные шаги. Значит, уже половина восьмого, и толстуха, чем-то напоминавшая Эсси ее мать, провожает мужа на работу.

Низкий голос женщины легко проникал через тонкие перекрытия.

— Лонзо, не забудь проведать Лео по дороге.

Эсси видела этого Лонзо — лет сорок пять, лысый, как коленка, брюхо торчит.

— Не учи меня,— огрызнулся он,— занимайся-ка лучше своим делом!

— На лестнице хоть не ругайся, соседей постыдись!

Слышно было, как Лонзо спустился по ступеням и прошел мимо двери Эсси, бормоча себе под нос: «Беда с этой бабой, не одно, так другое...»

Голоса соседей вырвали ее из кошмарного сна. Медленно, но верно в ней созревала решимость: «Надо уходить отсюда». Мысль росла, принимая четкие очертания. Надо уходить.

Но она не шевельнулась. Только глаза метались от почерневших, потрескавшихся стен к закопченной газовой плите — она драила ее стальной проволокой, но так и не смогла отчистить,— потом к единственному окну, выходящему в каменный мешок двора, где нет ни травинки, а окна соседей затянуты рваными, выцветшими занавесками; потом перескочили на отсыревший потолок. Она говорила Джеймсу Ли, что когда-нибудь штукатурка обрушится им на голову.

Надо уходить отсюда.

Ей эта конура сразу не понравилась, с той самой секунды, когда Джеймс Ли с ужасно гордым видом впервые распахнул перед ней дверь. Конечно, им нужен был свой угол. Эсси стеснялась ходить с ним в гостиничные номера: ведь всем ясно было, что они не женаты. Джеймс Ли твердил, что в Нью-Йорке все так поступают, но ей от этого не становилось легче. Вот почему скрепя сердце она согласилась на эту конуру, где и тараканам тесно. В доме Орнстейнов комната для прислуги раза в два просторнее. Правда, мало радости жить в подвале чужого дома. Но эта загаженная комнатушка на четвертом этаже вызывала у нее отвращение.

Эсси никак не могла унять дрожь, хотя за окном уже начинало припекать. Надо отсюда уходить. Но она не вставала с кровати...

Дрянная комнатушка, но как все славно было в первую ночь!

Ей надо уходить. Наконец она откинула покрывало, нащупала ночные туфли, встала, потянула со стула халат и плотно в него закуталась.

Этот Джеймс Ли много на себя берет. Если думает, что Эсси будет сидеть, как дура, и ждать, то ошибается. А она-то умоляла старуху Орнстейн ее отпустить, все ради этого никудышного негра. У, гад ползучий!

На комоде лежала ее зубная щетка в стеклянном футляре и тюбик пасты. Из ящика комода она вынула мыло, губку и полотенце, поправила на себе халат, приоткрыв дверь, посмотрела, нет ли кого на площадке, и на цыпочках пошла в ванную. Но тут сверху показался мужчина, молодой человек в круглой шляпе с загнутыми полями. Он оскалился и пожелал ей доброго утра. Едва кивнув в ответ, Эсси юркнула в ванную и заперлась. «Доброе утро! — думала она.— Знаю, что у тебя на уме, голубчик! Эти ньюйоркцы женщин ни в грош не ставят, не уважают ни капельки. Даже женатые пристают к девушкам!» Эсси плеснула на лицо холодной воды и зябко передернула плечами. С одним из ньюйоркцев, по имени Джеймс Ли Кули, изрядно хлебнула она горя, но на нем она поставит точку. Хватит! Убейте ее, если она станет когда крутить любовь с ньюйоркцем.

Надо поторапливаться. Хорошо бы успеть одеться и улизнуть до его прихода. Если же Джеймс Ли ее все-таки застанет, что ж, ему все равно не удастся ее снова одурачить.

В спешке она уронила на пол футляр от зубной щетки, он вдребезги разбился. Собирая осколки, она порезала палец и в сердцах хлопнула крышкой мусорного бачка.

Вернувшись в комнату, она влезла в юбку, глядя в зеркало на свои стройные коричневые ноги. Бедра у нее гладкие, но, пожалуй, чересчур худые. Пара лишних фунтов ей бы не повредила. Правда, в Нью-Йорке мода на костлявых. Нью-Йорк... Джеймс Ли... Может, здешним девицам это подходит, но она не разрешит над собой измываться. Привет дедушке! Если парню дать понять, что он нравится, жизни не будет. Как это в песне поется?

...Коли сразу он поймет,
В душу милой наплюет!..

Эсси села и стала расчесывать волосы сердитыми рывками. Пора делать завивку. Сначала она перевезет вещи к сестре, а потом созвонится со своей парикмахершей, мадам Джонсон. Приведет себя в порядок — и настроение исправится.

Внезапно рука с гребенкой застыла в воздухе. Только теперь Эсси до конца осознала, что сюда больше не вернется. Это не обычная ссора, когда все кончалось его звонком, улыбкой, поцелуем. И нечего торопиться. Теперь уже безразлично, застанет ее Джеймс или нет. Она знает, что ему не удастся ее удержать. Может ползать на коленях, ругаться, угрожать, драться, все равно она уйдет.

И при этой мысли ее охватило какое-то новое, неведомое ощущение счастья. «Эсси Тэрнер, дура ты набитая»,— глядя в зеркало, сказала она вслух. Кончив туалет, она побросала вещи в чемодан, только самое необходимое, за остальным заедет в другой раз.

Эсси с силой захлопнула дверь, в комнате что-то упало на пол с глухим треском, должно быть, стакан. Эсси даже обрадовалась. Хорошо бы вернуться и переколошматить все, что под руку подвернется!

Спускаясь вниз, она рассчитывала на первом этаже увидеть привратницу, миссис Грэхем. Эта старуха с острова Барбадос вечно глазела на Эсси с укором. Ну ничего, сейчас Эсси ей скажет, что о ней думает. Но старуха точно учуяла опасность и не высунулась из своей конурки. Эсси распахнула входную дверь и очутилась наконец на улице.

Над входом в музыкальный магазин висел динамик.

Поеду я в Чикаго,
Тебя оставлю здесь.
Такие негодяи свои там, верно, есть! —

пела белая женщина, стараясь подражать негритянской певице. На первые же деньги Эсси

Продолжение. См. «Огонек» № 36.

купит эту пластинку в память о дне, когда она разделалась с Джеймсом Ли.

На углу Ленокс-авеню она остановилась, чтобы переложить чемодан из одной руки в другую, и тут на нее налетел какой-то прохожий. Он поклонился, содрал с головы шляпу и сказал:

— Ах, мисс, простите! Позвольте вам помочь!

Тонкая щеточка усов топорщилась на губе, зубы оскалились в улыбке. Эсси не сомневалась, что он нарочно ее толкнул.

— Слушай, клоун,— зарычала Эсси, сама удивившись своей свирепости,— сегодня мне не до мужчин, так что проваливай, пока цел!

— Простите, мисс! — Улыбку его как ветром сдуло, он нахлобучил шляпу и засеменил в сторону Сто двадцать пятой улицы.

Что это с ней? Ругается на улице, точно нью-йоркская девка. Нехорошо как!

Эсси помахала такси, едущему по другой стороне улицы, и водитель перестроился на разворот. Но тут как из-под земли выросло другое такси и привернуло к тротуару, где стояла Эсси. Первый водитель не мог допустить, чтобы у него из-под носа увели пассажира. Он дал полный газ, и такси едва не столкнулись. Эсси наказала нахала и села в первую машину.

Чуть аварии не было. Все из-за нее, из-за Эсси. А вообще жаль, что они не столкнулись. Что на нее нашло? Ругается вслух, мысли кровожадные! Эсси откинулась на сиденье, скрестила ноги и улыбнулась. Говорите об Эсси Тэрнер что угодно: она не самая большая умница, не все схватывает на лету. Но одного не скажешь о дочери миссис Тэрнер: что она не извлекает уроков из своих ошибок!..

V

В это утро Гертруда Кули сказала себе, что не будет нервничать из-за Губерта: забот и без того хватает. По понедельникам приезжают за мусором, бачки должны быть на тротуаре к десяти часам. Жильцы соседнего дома жаловались, что нет горячей воды, и ей придется протопить котел. А это нелегко, особенно если огонь совсем погас. В доме № 67 выбили стекло в парадной двери, надо вставить. В квартире Сары Андерсон засорился унитаз, но с этим можно подождать до прихода Губерта — у Гертруды только две руки.

Себе на завтрак она сделала яичницу с ветчиной, сварила овсянку и кофе. Гертруда всегда плотно завтракала перед началом трудового дня. Поев, она сложила грязную посуду в раковину и залила водой. «Отличная еда для тараканов»,— подумала она. Вот уже пятнадцать лет она воюет с ними, да без толку. Ничто их не берет: ни порошки, ни жидкости. Гертруда вздохнула. В конце концов они ее одолеют. «Вы меня еще похороните»,— бормотала она, в сердцах хлопая ладонью по черным спинкам насекомых, не успевших юркнуть в щель под раковиной.

Гертруда надела рабочую одежду: старый зеленый китель и армейские брюки Джеймса Ли, которые она перешила на себя. Она была высокой, грузной женщиной с огромным бюстом, могучими руками и плечами. Каждое ее движение было рассчитано, и оттого она казалась медлительной. На самом же деле любая работа у нее спорилась. В свои без малого пятьдесят лет Гертруда сохранила завидное здоровье, хотя в последнее время стала довольно быстро уставать.

Она спустилась в подвал и вынесла два бачка с мусором. Бачки были большие и тяжелые, ей пришлось перетаскивать их со ступеньки на ступеньку. Самая что ни на есть мужская работа, говорила она себе, опять будет ломить в пояснице. Но что поделаешь, раз Губерта нет! Джеймс Ли мог бы помочь, но он редко бывает дома, даже ночевать не приходит. Она не жалуется — он вправе жить в свое удовольствие, родители не должны быть для него обузой. Но ведь у нее тоже есть какие-то права, только никто их не признает. Губерт и Джеймс Ли не хотят понять, что ей одной со всем не справиться.

Дотащив наверх последний бачок, она остановилась передохнуть. Хорошо бы сразу умереть, не мучаясь, и чтобы этих мужчин не было дома. Гертруда представила, какой у них будет вид, когда они вернутся. Может, всплакнут даже, усовестятся, что так дурно с нею обходились, а теперь некому их кормить и обстирывать. Так им и надо!

Она горько вздохнула и поволокла первый бачок на улицу. Гертруда, к счастью, не привыкла подолгу тужить и предаваться мыслям о болезнях и смерти. Случись что с ней, мужу и сыну все равно. Джеймс Ли, наверно, думает, что любит свою бедную старушку, но ни он, ни Губерт понятия не имеют об истинной любви. Если любишь кого, надо заботиться об этом человеке, облегчать ему жизнь. Ясное дело: Гертруда никому не нужна.

— Доброе утро, миссис Кули.

— Доброе утро, миссис Уильямс.

Миссис Уильямс, дряхлая вдова, жила в доме напротив. Пожелтевшая, неживая кожа отвисла, трясущееся лицо, глаза слезятся. Миссис Уильямс жила одна в тесной комнатке на третьем этаже. Ей вечно мнилось, что таинственная шайка злодеев замышляет убить ее. Эта же шайка, по ее убеждению, была повинна и в смерти мистера Уильямса, скончавшегося пятнадцать лет назад. Подобно многим жительницам квартала, миссис Уильямс искала и находила сочувствие у сердобольной Гертруды, и каждый день она делилась с ней своими подозрениями.

— Теперь уже скоро, миссис Кули.

— Вот как?

— Увы, да.— Миссис Уильямс перешла на шепот. От нее разило дешевым вином. Запах был густым, приторным, каким-то щемящим.— Это может случиться в любой день, миссис Кули, и даже в любую минуту.

— Что же вы собираетесь делать? — спросила Гертруда. Примерно год назад миссис Уильямс тоже пророчествовала себе скорый конец. Порою же ей чудилось, что она заставила врагов отступить. Гертруда не знала, отчего зависит смена настроений у старухи, но одно было ясно: миссис Уильямс верит во все эти фантазии. В это утро Гертруде было не до нее. У самой полно неприятностей. Но не затыкать же старухе рот.

— Я их не боюсь, миссис Кули. Вы же знаете, не так ли?

Гертруда кивнула. Лицо миссис Уильямс, прорезанное глубокими складками, грустнело на глазах.

— Но в этот раз они добьются своего, как и тогда с мистером Уильямсом.— Она положила ладонь Гертруде на плечо.— Храни вас бог, дорогая миссис Кули. Вы одна меня понимаете.— И старуха, дыша перегаром, с выбившейся нижней юбкой, заковыляла через улицу к своей убогой комнатенке, где ее поджидали неотвязные кошмары.

Гертруда снова занялась делом. Интересно, как это миссис Уильямс верит в такую блажь! Гертруда считала, что ей повезло: нормальная женщина, без заскоков. Каждый, кто ее знает, это подтвердит. Может, она не бог весть как умна и образованна, да ей это и ни к чему. Зато у нее сильный характер. «Гертруда, молодчина, тебя ничто не может вывести из себя»,— говорили ей приятельницы, и она этим гордилась.

И действительно, все ей было нипочем. Вот уже два года она знает, что Губерт спит и видит, как бы ее бросить. Однажды она прибиралась в стенном шкафу и наткнулась на новенький чемодан. До сих пор она помнила запах кожи. Под прозрачной пластиковой покрышкой были уложены сорочки, галстуки, носки, белье, все ненадеванное. Конечно, сам по себе чемодан с одеждой еще ни о чем не говорит, но она припомнила его намеки, обмолвки, неясные угрозы: «В одно прекрасное утро проснешься, а меня и след простыл»,— и Гертруда сообразила, зачем понадобился этот чемодан.

Спустившись в котельную соседнего дома, Гертруда стала собирать щепки и бумагу на растопку. Это вина Губерта, что огонь погас. Тяга в старой топке была скверной. Она подожгла бумагу и лучины, подвал наполнился едким дымом. Согнувшись в три погибели, кашляя и задыхаясь, она старалась раздуть огонь. Тоже мужская работа, решила Гертруда, впрочем, она и есть единственный мужчина в семье.

Верно, все ей нипочем. Ни словом не обмолвилась о чемодане, и Губерт помалкивал, хотя понял, что Гертруда его видела. Стена молчания встала между ними. «Гертруда, ты молодчина,— говорила она себе.— Проснешься в одно прекрасное утро соломенной вдовой, старик от тебя сбежит, а ты будешь притворяться, что ничего не случилось».

Ей давно ясно, что у них с мужем разлад. Доказательства налицо. Еще за год до того, как она наткнулась на чемодан, они однажды попробовали заняться любовью. Гертруда старалась его расшевелить, и он был не прочь, но ничего из этого не вышло, один срам, бегство на край кровати, тяжелый, насильственный сон.

Цвет пламени из бледно-желтого стал темно-голубым, и дым постепенно рассеивался. Она закрыла дверцу, включила термостат. Потом вернулась в свою квартиру, вымыла лицо. Работы еще непочатый край, а она уже устала. Взглянула в зеркало и расстроилась, представив, что должен испытывать Губерт, когда смотрит на нее. Да, она уродлива. Гертруда проглотила комок и отвернулась. «Сказать по правде,— громко произнесла она,— он тоже не писаный красавец».

Временами казалось, нет мочи больше терпеть. Одно и то же каждый день: пробуждение, еда, работа, церковь, сон. «Мне сорок девять лет! Боже, всего сорок девять, совсем не старая». В ней еще бурлила жизнь, хотелось наслаждаться ею без оглядки. До чего обидно, что она никому не нужна, ни Губерту, ни кому другому. Но она крепилась, подтрунивала над собой: «Гертруда, ты уже не девушка, перетерпишь, авось!» — и улыбалась через силу.

В чем ее ошибка? Три последних года она ломает над этим голову, перебирая всю их совместную жизнь, припоминая, где же она оступилась. Нет, Гертруда не чувствует за собой вины.

В чулане она отыскала подходящий кусок стекла и, прихватив инструмент и замазку, отправилась через улицу к дому № 67.

— Господи, помилуй нас! — бормотала она, имея в виду Губерта, и Джеймса Ли, и себя самое.

Ей не в чем себя упрекнуть. Все тяжелые годы она была рядом с ним. Губерт работал рассыльным в магазине готового платья. Ему нравилась работа, нравился и хозяин, мистер Розенблатт. Босс научил Губерта обращаться с тканью, научил измерять и резать штуки сукна. Губерт был смекалист и усерден. Он начал откладывать деньги, потому что решил открыть со временем свое дело. Но в 1932 году мистер Розенблатт вылетел в трубу, и Губерт остался без работы. Пока он искал новое место, от сбережений не осталось ни цента. В 1934 году Губерт арендовал бакалейную лавку и умудрился целый год сводить концы с концами. В 1936 году он попробовал еще раз, но снова прогорел. Потом был кегельбан, народ в него валом валил, а дохода он не давал, вскоре пришлось и с ним расстаться.

Шли «тощие» тридцатые, голодные тридцатые — годы отчаянной борьбы за кусок хлеба и крышу над головой. Серыми, тоскливыми утрами Гертруда шла на «невольничий рынок» — так называли цветные женщины маленький парк в Бронксе, где их нанимали для поденной работы белые домохозяйки, определяя по виду, кто из них почестней да поопрятней. Гертруде везло чаще других, и приходилось на весь день оставлять Джеймса Ли одного. Вечером она неслась домой, прибиралась, стряпала ужин. Мальчик рос молчаливый и мрачный, он ел, уставясь в тарелку, а Губерт тем временем плел околесицу о том, как они разбогатеют. Но из этого ничего не выходило.

В 1938 году им наконец улыбнулось счастье. Гертруда случайно узнала, что освободилось место смотрителя на Сто двадцать шестой улице. Эта должность сулила свой угол и небольшую, но зато постоянную зарплату. Джеймсу Ли шел уже одиннадцатый год, хватит им кочевать по Нью-Йорку. Губерт не сразу понял, как это важно. Они долго спорили, но в конце концов Гертруда уломала его. Он сходил к агенту фирмы недвижимости «Рэслинг энд Санс» на Мэдисон-авеню и получил это место. И вот пятнадцать лет они не платят за квартиру и хоть едят досыта.

Губерт вернулся домой в девятом часу.

— Это ты, Губерт?

— Я, Гертруда.

Она дала себе слово, что не станет устраивать сцен. Подумаешь, не было его два дня! Главное — собственный покой. Пусть видит, что ей все нипочем. Она вышла в переднюю, Губерт вешал пиджак в стенной шкаф.

— Опять будет жара,— сказал он.

— Похоже на то.

— Ну, как ты тут?

— Прекрасно.

Он прятал глаза.

— Джеймс Ли звонил?

— Звонил.

— Я ночевал в тюрьме, знаешь?

— Слыхала.

— Цветным уже нельзя сидеть в парке.

Она смотрела, как он расстегивает сорочку, пуговица за пуговицей, ищет вешалку, надевает на нее сорочку, методично застегивает все пуговицы и только потом вешает в шкаф. Неважно, что она грязная. Губерт никогда не комкает рубах и не швыряет их в корзинку.

— Проголодался? — спросила Гертруда.

— Слегка.

— Сейчас приготовлю завтрак.

— Спасибо.

Губерт принял ванну, побрился, потом прошел на кухню и сел за накрытый стол. В один миг все подчистил и попросил добавки.

— За мусором приезжали?

— Угу. Я вынесла.

— Жаль, что не поспел,— хрипло сказал Губерт, как бы прося у нее прощения.

— Ничего.— Присев к столу, она глядела, как он ест.

— Думаю сегодня сыграть четыре — семнадцать. Во сне это число видел.

— Вроде ничего,— сказала Гертруда. Раньше она тоже иногда играла, по мелочи, но в последнее время Губерт так пристрастился, что спускал на скачках все деньги, и она о тотализаторе и слышать не желала.

— У нас есть деньги, Гертруда? — помолчав, спросил вдруг Губерт.

— Всего и осталось семь долларов. Как раз чтобы уплатить за газ и электричество. А тебе зачем? — спросила она, хотя и так знала.

— А,— промямлил он,— на нет суда нет.

Он пожал плечами и продолжал уписывать завтрак.

Встав из-за стола, Губерт спросил, какая есть для него работа. Она принесла блокнот с заявками от жильцов. Они обсудили, с чего начать, и Губерт ушел.

В то утро не было усерднее смотрителя во всем Гарлеме. Он починил унитаз у Сары Андерсон, набил углем топки, вымыл полы во всех подъездах, замазал трещины в штукатурке. Потом ставил мышеловки, красил, вбивал гвозди, пилил.

Но как только в половине двенадцатого Гертруда ушла из дому, Губерт побросал все, юркнул в спальню, сломал замок в комоде, вынул из ящика семь долларов, предназначенные для уплаты за газ и электричество, бережно положил деньги в карман и выбежал на улицу.

VI

Понедельники у Ирет всегда расписаны до минуты, так было и сегодня. Принесла же нелегкая Эсси! Ирета любит младшую сестренку, но та имеет обыкновение являться в самое неподходящее время. В половине десятого Ирету ждет косметичка. В двенадцать она встречается с Лиллиан Соммервилль, сестрой д-ра Соммервилля, чтобы взять рекомендацию для вступления в общество «Уитли», устраивающее благотворительные базары в пользу вест-индских сироток. Затем Ирете надо выкроить время и написать заявление о выходе из пошлого клубика «Затейницы», в котором она состояла с тех давних пор, когда работала санитаркой в гарлемской больнице. Пусть говорят, что она зазналась,— Ирете все равно. Эти «затейницы» — злобные бабы, грызутся, как пауки в банке... Вечером они с мужем идут в театр. Трамми Карпентер позвал Ирету и Хью на премьеру музыкальной комедии. Трамми — видный юрист, без пяти минут окружной судья. Никто не сомневается в его победе на ближайших выборах. Не забыть бы вызвать приходящую няню. Словом, дел по горло, а тут еще Эсси!

Это она: три коротких, требовательных звонка. Опять поругалась со своим парнем, иначе бы не пришла. Теперь будет слоняться по квартире, реветь, действовать на нервы детям. Но стоит позвонить Джеймсу Ли, и Эсси, как послушная собачонка, убежит к нему. Зря надеется, что Ирета станет ее утешать: сама во всем виновата. Путается с кем попало, вот и результат.

А что, если не открывать? Эсси постоит за дверью и уйдет. Но тут же Ирете стало стыдно: сестра ведь, дурочка, правда, непрактичная, а все-таки родная кровь.

Внизу, в подъезде, будто читая ее мысли, Эсси снова надавила на кнопку: три коротких, нетерпеливых звонка.

«О черт!» — буркнула Ирета и, прикусив губу, нажала на привод электрического замка. Ирета все сестренке выскажет — могла хоть предупредить! Надо быть с ней построже. Пусть Эсси немного успокоится, и Ирета ее пропесочит.

У Ирeты совесть чиста. Она сделала для Эсси все, что могла. Девчонка прикатила из их родного Чироу, штат Северная Каролина, и Ирета и Хью взяли ее к себе, хотя тогда они еще не переехали в эту новую, просторную квартиру с видом на набережную и им самим едва хватало места. Они познакомили Эсси со своими друзьями, сводили ее на рождественский бал манхэттенской гильдии адвокатов. Специально по этому случаю Ирета купила Эсси белое шелковое платье, элегантное и строгое. Оно так шло к ней, что от молодых людей не было отбоя. Все хотели быть представленными Эсси. Ее юное личико сияло в полумраке чопорного банкетного зала гостиницы «Тереза». Ирета была так счастлива, будто она сама, а не Эсси королева бала. Она уже видела сестру замужем за молодым врачом или адвокатом — специальность роли не играет, лишь бы мог обеспечить семью, чтобы девочке не пришлось работать. Не дай бог Эсси отведать того, что выпало Ирете в первые годы в Нью-Йорке, до замужества... На балу был фотограф из «Амстердам Ньюс», и в пятницу на видном месте в газете появился снимок: Эсси танцует с Тедом Тхайером, сыном знаменитого домовладельца из Нью-Джерси. Началось все превосходно, но из-за Эссиного упрямства дальше дело не пошло.

Ирета села в новенький шезлонг и закурила. Ничего не скажешь — сестры Тэрнер: она, Эсси и две младшие, что пока на Юге,— все как на подбор, одна другой краше. Высокие, стройные, кожа каштанового цвета. Ирете тридцать пять, но выглядит она лет на десять моложе. Старшая сестра всегда предсказывала, что Эсси, родительская любимица, вырастет красавицей. Так оно и вышло.

Напоследок затянувшись, Ирета раздавила окурок в пепельнице. В том и беда. С такой внешностью, как у Эсси, в Нью-Йорке надо быть начеку. Умей за себя постоять, но и шанс свой не упусти. Ирете пришлось хлебнуть лиха, пока не добилась того, что теперь имеет. Ее Хью нет и сорока, а он уже старший почтмейстер. И это еще не все — им рано почивать на лаврах. Эсси, неблагодарная! Сестра ни в чем ей не отказывает, а она!.. Работает служанкой в чужом доме. Вот дуреха!

Хлопнула дверца лифта, Ирета встала с шезлонга и пошла в прихожую, заученно улыбаясь, как и всегда, встречая гостей. Лишь бы Эсси недолго ревела и ушла поскорее.

— Привет, малышка!

— Привет! — Широкая улыбка на лице у Эсси ошарашила Ирету. Сестры прижались на миг щека к щеке. Эсси казалась безмятежно счастливой.

— Милочка, у тебя все в порядке? — недоуменно спросила Ирета.

— Ну, взгляни на меня.— Эсси развела руками.— Я стою на своих двоих и не шатаюсь.

В глазах у Эсси сверкали странные искорки. Ирета нахмурилась. Она любила во всем ясность, а тут с утра пораньше сестра загадывает ей загадки.

— Умираю с голоду,— объявила Эсси, прошла на кухню и распахнула холодильник.— Чего бы съесть?

Она стала вынимать остатки воскресного ужина и вскоре уже сидела за столом, уписывая все подряд.

Что с малышкой? У нее такой воинственный вид, и в глазах уже не искорки, а целое пламя. Ирета снова закурила и так уставилась на сестру, будто видит ее впервые.

VII

Гараж Фрэнка — старое кирпичное здание с зелеными переплетами окон — помещался рядом с Ист Ривер, на углу Первой авеню и Сто шестнадцатой улицы. На шестьдесят таксомоторов здесь приходилось сто двадцать постоянных водителей, целая рота механиков, подсобных рабочих и несколько запасных шоферов. От них требовалось, чтобы машины курсировали по улицам двадцать три часа в сутки.

Фрэнк Давини, коренастый итальянец, страдавший от запущенной язвы, вечно курил либо жевал дешевые сигары. Он не докучал водителям планом. Но если выручка изо дня в день была ниже нормы, Фрэнк вызывал таксиста и спрашивал, в чем дело. Может, не нравится ему работать у Фрэнка? Не нравится водить новенький «десото»? Не нравится приходить на работу и знать, что машина проверена, заправлена и ждет его? Может, ему охота перейти в другое место, где водителей тасуют каждое утро и порой вообще оставляют без машины? Или хочется пересесть на старую колымагу? Или не нравится получать заработок на руки каждый день, а не раз в неделю? Может, ему не по душе, что у Фрэнка водителям полагается недельный оплачиваемый отпуск? Фрэнк не давал своей жертве рта раскрыть — ни возразить, ни покаяться. Потом вставал из-за стола, покрытого зеленым сукном, улыбался, хлопал таксиста по плечу и говорил: «Ну ладно, ступай и смотри мне, чтобы счетчик вертелся!» Никто на него не обижался. Как правило, таксист после такого внушения работал усерднее и привозил больше денег. В противном случае, придя однажды утром на работу, он узнавал, что его машину отдали другому.

— Боже мой! — простонал Фрэнк Давини, будто от боли.— Это что такое?

Стон перешел в высокий, резкий крик, почти визг. Он стоял посреди гаража, тыча пальцем в сторону машины 3-6-8, единственной на всей стоянке. Его негодующие вопли достигали самых дальних углов, отскакивали от стен.

— Дэнни! Дэнни, черт тебя дери! А ну иди сюда.

Механики, работавшие на втором этаже, перегнулись через перила, любопытствуя, что взбесило босса. Дэнни О'Хэллорэн, молодой светловолосый красавец с атлетической фигурой, бегом бежал из своей кабинки. Дэнни догадывался, что он не лучший диспетчер в Нью-Йорке, зато как мужчине ему равных нет — в этом он был уверен. Водители и механики прозвали его «Петушок».

— Дэ-э-нни!

— В чем дело, Фрэнк?

Фрэнк не заметил, как Дэнни подошел, и содрогнулся от звука его нарочито мягкого, но самоуверенного голоса, внезапно раздавшегося над ухом. При виде Дэнни Фрэнку всегда делалось не по себе. Нового диспетчера прислал синдикат, которому принадлежало больше половины акций гаража, и Фрэнк ничего не мог поделать. Сам Фрэнк ни за что его не взял бы. И дело не только в том, что парень слишком смазлив. Главное, он никогда не был таксистом, не крутил баранку. Ну кому нужен такой диспетчер? Фрэнк полагал, что это несправедливо по отношению к водителям.

— Дэнни, эта машина исправна?

— Да, Фрэнк...

— Какого же дьявола она здесь? Ведь уже девять часов.

— Водитель опаздывает.

— Что, на нем свет клином сошелся? — надрывался Фрэнк.

— Лето, знаете, все запасные разбежались.

— Мне какое дело! Полно ребят, которые мечтают о новом «десото».

— Что же делать, Фрэнк? — развел руками Дэнни.— Был бы запасной, я бы отдал ему машину...

— А телефон зачем? Дозвонись комунибудь. Делай что хочешь, но чтоб она вышла из гаража. Слышишь, Дэнни!

Попыхивая сигарой, Фрэнк пошел к своему автомобилю. Он наорал на Дэнни, но в его голосе скулила и жалобная нотка, чтобы Дэнни понял: Фрэнк против него лично ничего не имеет.

— Эта машина приносит тебе, мне или кому-либо хоть цент, пока она в гараже? Нет! Так отбери ее у водителя, раз он ею не дорожит.

— Боже мой,— все причитал Фрэнк, усаживаясь за руль темно-голубого «крайслера»,— девять часов, а чертова машина в гараже. И никому нет дела!

Он вытер пот с толстого лица, захлопнул дверцу, включил зажигание, дал задний ход, выехал на улицу и свернул в сторону Второй авеню.

Дэнни пошел в диспетчерскую. Задаст он Кули перцу, пусть только явится. Возомнил о себе, черное отродье! Хоть бы предупредил по телефону, что опаздывает.

Эвелина, секретарша и кассир, миловидная, тоненькая брюнетка, печатала на машинке. Дэнни подошел сзади и положил ей руки на плечи, норовя заглянуть за низкий вырез кофточки.

— Если мне позвонят, я наверху.

— Можно было сообщить это и не прибегая к помощи рук! — сурово и холодно сказала она, не отрываясь от работы.

Дэнни убрал руки и вышел из диспетчерской. Вот сучка! Все равно от него не уйдет, он своего добьется. Ради того хотя бы, чтоб ее унизить. Уж она у него наплачется! А теперь он пойдет к механикам, расскажет этим чумазым обезьянам, как в субботу облапошил одну девственницу. Ему нравилось видеть зависть на рожах женатых парней, когда они слушали его истории. Дэнни провел расческой по волосам. Это от бога. Не всем дано нравиться бабам. Разве он виноват, что они сами к нему липнут?

Джеймс Ли ненавидел опаздывать. Где-то он слышал, что белые убеждены, будто негры вообще лишены чувства времени. И хотя плевать ему на то, что там думают белые, все же Джеймс Ли из кожи вон лез, лишь бы доказать, что и негр может быть пунктуальным.

Хорошо бы не нарваться на Фрэнка Давини, подумал Джеймс Ли у ворот гаража. Фрэнк развопится так, словно ты его кровно обидел. И не даст слова вставить. Джеймс Ли не из тех, кто позволяет белым на себя орать. Но у Фрэнка такой голос, что начинаешь думать: а может, он и прав.

Вот нового диспетчера, которого им прислали, Джеймс Ли не боялся встретить. Этому сосунку, О'Хэллорэну, он быстро заткнет рот. Взяв путевку, он пробил время на контрольных часах.

— Эй, Кули, погоди! — раздался в пустом гараже резкий окрик О'Хэллорэна.

— В чем дело? — спросил Джеймс Ли.

Дэнни спускался по лестнице со второго этажа с сигаретой во рту.

— Погоди минутку,— произнес он слегка раздраженным тоном,— минута-другая роли не играет.

Джеймс Ли остановился, смерил взглядом молодого ирландца. Они с ним примерно одного роста и вес одинаковый — первый полутяжелый. У Дэнни плечи пошире. Из рукавов рубахи торчат крепкие запястья. Подумаешь дважды, прежде чем связываться с О'Хэллорэном. Они стояли лицом к лицу как раз на том месте, где четверть часа назад драл горло Фрэнк Давини.

— Кули, тебе известно, который час?

— У меня было дело. Извини.

И тут же Джеймс Ли пожалел, что прибавил это последнее слово, потому что Дэнни за него ухватился.

— «Извини»! На часах девять, и все, что он может сказать,— это «извини»!

— А чего ты ждешь? — Джеймс Ли пожал плечами.— Чтобы я вполз на четвереньках? Сказано тебе: у меня было дело.

— Не забывай, Кули, это работа, а не игрушка!

— Сам знаю, и не учи меня!

Джеймс Ли подумал, что О'Хэллорэн похож на капитана Квинза из Луизианы. Тот тоже орал: «Это армия, Кули, не забывай!» В армии не огрызнешься, но теперь иное дело.

— Это бизнес, мы делаем деньги. Если твой автомобиль простаивает, мы все на этом теряем. Зря я тебя пожалел — надо было отдать машину запасному, тут трое с утра вертелись.

Джеймс Ли знал, что это ложь. О'Хэллорэн успел приобрести репутацию человека, не способного на добрые дела. Сверху за ними наблюдали механики. Джеймса Ли бросило в жар, воротник сорочки стал тесен, но он промолчал.

— Некоторые из вас совсем от рук отбились, приходят, когда заблагорассудится.

— О ком это ты? — спросил Джеймс Ли. Кого имел в виду ирландец? Негров или вообще таксистов?

— О ком, о ком, о водителях, черт их возьми! — сказал Дэнни, хотя думал иначе. Повернувшись на каблуках, он стал подниматься по лестнице.— Хочешь здесь работать, докажи это! — И, подражая Фрэнку, прибавил:— Смотри, чтоб счетчик вертелся!

Джеймс Ли сел за руль и выехал из гаража. Он припомнил весь разговор, проверяя, хорошо ли держался. Вечно он был недоволен собой. Многим неграм кажется, что они плохо отстаивают свое достоинство и честь. Сегодня он все сказал как надо. Жалко только, что последнее слово осталось за Дэнни. Джеймс Ли — таксист с большим стажем, его везде возьмут на работу.

На втором этаже Дэнни О'Хэллорэн уселся на свой любимый табурет подле смотровой ямы.

— Чувствую, придется мне на днях поучить этого черномазого.

Трое механиков поддакнули: давно, мол, пора. Они были плюгавыми и неказистыми, и Дэнни, возвышавшийся над ними, как златокудрый голливудский герой, ничего, кроме злобы, у них не вызывал. Они были бы рады стравить его с кем-нибудь, кто не уступал Дэнни в силе, хотя в данном случае вряд ли бы желали победы негру.

— Ну, парень, валяй дальше,— сказал один из них Дэнни, подмигивая приятелям,— значит, ухватился ты за лифчик, а она говорит: «Дэнни, дорогой, не надо!..»

Молодой диспетчер не уловил насмешки.

— Ах, да...— И, закатив глаза, он принялся выкладывать сальные подробности.

В телефонной будке шелестел вентилятор, но все равно Джеймс Ли взмок. Он только что вышел из пустой комнаты, где рассчитывал застать Эсси.

— Хелло, Ирета! Это Джеймс Ли.

— Хелло, Джеймс Ли.— У Ireты был такой тон, словно они старые друзья.

Джеймс Ли видел ее всего один раз, и она ему не понравилась. Было это за обедом на шесть персон, торжественном, чопорном и скучном. Он знал, о чем думает Ирета, разглядывая его: что он Эсси не пара, что он дурачит ее бедную сестренку.

— Эсси у вас?

— У-гу, она здесь.

— Можно ее?

— Минутку,— сказала Ирета нараспев.

Джеймс Ли ненавидел это воркование, сладкое и липкое, как сироп. В этом дурацком обществе, где Ирета вращается, принято так говорить. Стоит им поругаться, и Эсси сразу бежит туда. А еще утверждает, будто ей претит образ жизни Ireты. Но чуть что — так сестер водой не разольешь.

— Хелло, Джеймс Ли.— Снова медоточивый голос Ireты.

— Да, Ирета?

— Простите, но Эсси не хочет подходить.

— Но...

— Простите, Джеймс Ли.

И она повесила трубку. У него потемнело в глазах, судорожно сжались кулаки. Чертыхнувшись в умолкшую трубку, бросил ее на рычажок. Он мчался к Эсси, из-за этого не взял трех пассажиров, и на счетчике пока ни пенса. Джеймс Ли снова выругался, выскочил из будки и побежал к машине.

Продолжение следует.

Перевел с английского В. РАМЗЕС.

БОЛГАРСКИЙ АТОМ

Юрий КРИВОНОСОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька».
Фото автора.

9 СЕНТЯБРЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК БОЛГАРСКОГО НАРОДА — 28-я ГОДОВЩИНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ

Всего несколько лет назад село Козлодуй связывали с памятью о великом сыне Болгарии — Христо Ботеве. Здесь, возле этого тихого дунайского села, высадился он со своей дружиной, чтобы помочь восставшему народу свергнуть пятивековое оттоманское иго. Минуло с той поры почти столетие. Благодарный народ увенчал путь ботевой четы своеобразным памятником: зеленым пунктиром повторила его аллея молодых деревьев — от места высадки героев до той вершины, где сражались они и погибли во имя свободы отечества...

Помню, как взволновал меня до глубины души этот живой памятник, когда довелось мне проехать по дунайской равнине.

И вот я снова в Болгарии, но теперь имя придунайского села обрело и другое звучание. Слово «Козлодуй» связывают сегодня со всенародной стройкой — здесь возводится первая в Болгарии атомная электростанция.

В тот день, когда я снова приехал в Козлодуй, термометр показывал в тени 41,5 градуса. Неподвижный воздух обжигал, словно пламя костра.

— Не обращай внимания,— посоветовал Станчо Делиганев, молодой инженер, который сопровождал меня по стройке.— Недавно я получил письмо от своих советских друзей, с которыми вместе оканчивал институт. Они работают в Советском Союзе на строительстве электростанции в Заполярье и пишут мне, что у них там очень холодно. Будем считать, что средняя температура на планете вполне умеренная, и потому вперед!

И мы отправились на строительную площадку, если только можно так назвать гигантскую площадь, занятую огромными корпусами, пересеченную вдоль и поперек дорогами и руслами пробиваемых каналов. Несмотря на жару, люди повсюду работали как ни в чем не бывало, разве что большинство сбросило рубашки, подставив под палящие лучи солнца свои крепкие, мускулистые тела.

Да, Козлодуй перестал быть тихим местом. И не село это теперь, а город, и не только по названию, а по сути — быстро растущие кварталы жилых домов и общественных зданий изменили его силуэт.

А вместе с новым городом появилась в Болгарии и новая отрасль промышленности — атомная энергетика. И символичным показалось мне то, что спутник мой Станчо Делиганев, вчерашний студент Московского энергетического института, имеет инженерную специальность, которая носит непривычное еще здесь название — атомный энергетик.

Обратимся к статистике. На 9 сентября 1944 года все энергомощности страны составляли 130,5 мегаватта, а на душу населения приходилось 45 киловатт-часов. В минувшем году на каждого жителя Болгарии — 2 300 киловатт-часов электроэнергии. Мощность же только Козлодуйской атомной электростанции составит 880 мегаватт!

Но больше всего поражает та быстрота, с которой включилась в атомный век в общем-то молодая еще республика. Одним из первых, с кем мне довелось познакомиться на стройке в Козлодуе, был тридцатилетний инженер Иван Семенов, получивший свое атомное образование уже в самой Болгарии. Выпускник Софийского машинно - электрического института, он прослушал специальный курс при Болгарской Академии наук, а в Советском Союзе проходил только стажировку — на Нововоронежской атомной электростанции. Теперь он заведует лабораторией по системе управления и защиты ядерной установки, и АЭС стала для него делом семейным — здесь же работает и его жена Веска, специалист по контрольно-измерительным приборам и автоматике.

— Это моя первая атомная станция,— говорит молодой инженер,— но думаю, что мне придется работать и на следующих. Наша страна располагает ограниченными энергетическими ресурсами, и они будут необходимы для развития других отраслей промышленности, поэтому прирост электроэнергии после 1980 года мы должны увеличивать в основном за счет атомной энергетики.

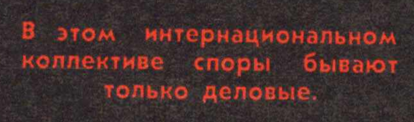
Нововоронежская атомная станция стала той школой, где специализировались многие болгарские строители-атомники. Теперь они передают свой опыт здесь, на берегу Дуная, а там, на Нововоронежской, учеба продолжается — готовятся новые кадры для Козлодуйской АЭС.

— Первый камень в фундамент станции был заложен в октябре 1969 года,— рассказывает Альфред Андреевич Левич, главный ин-

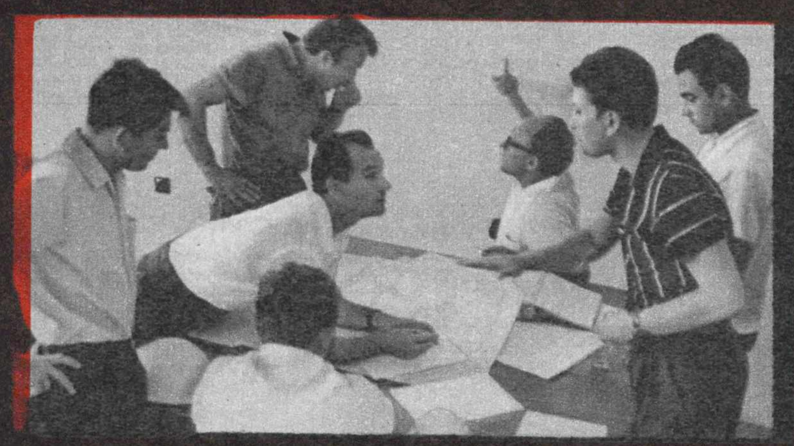
Козлодуйские кружева.

Для инженера-геодезиста Василки Крыстевой это первая стройка.

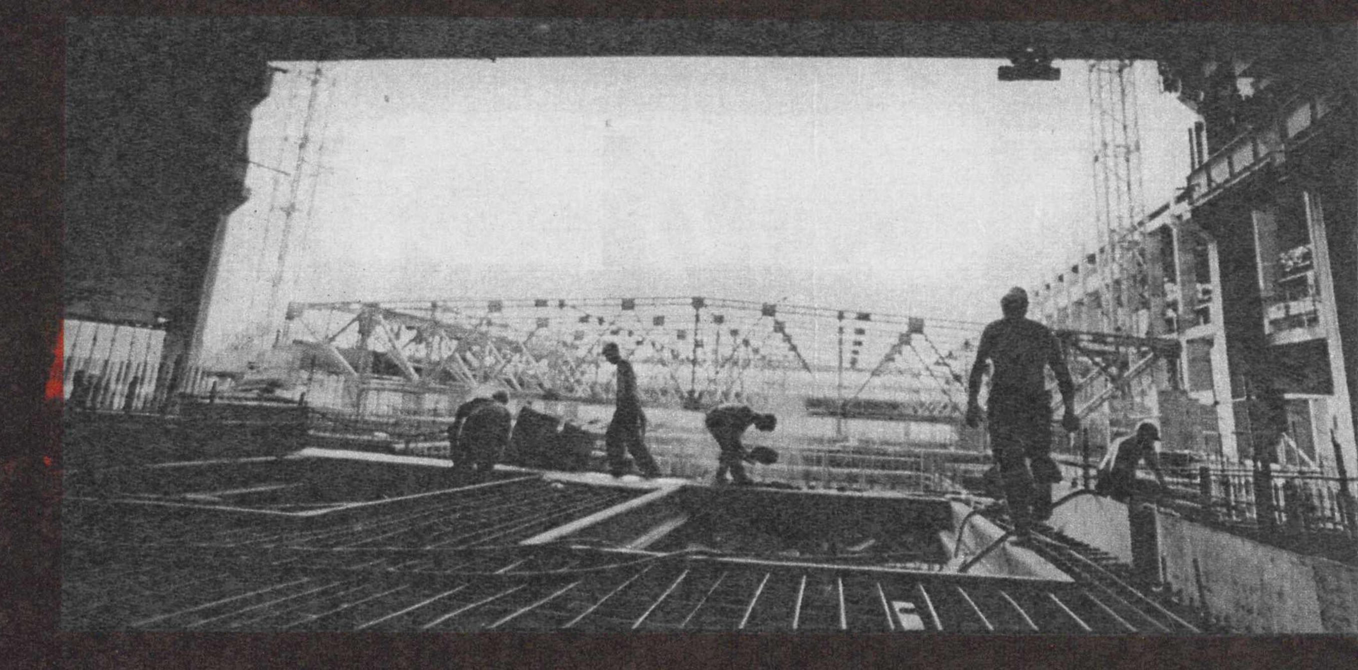

В этом интернациональном коллективе споры бывают только деловые.

Опалубщик Васил Литков — бывалый строитель.

Растет главный корпус.

женер по координации работ, секретарь партийной организации и заместитель руководителя группы советских специалистов.— Все, что вы здесь видите, сделано за два с половиной года. А еще через два года станция вступит в строй. Над ее оснащением трудятся многие предприятия Советского Союза: генераторы делает ленинградская «Электросила», турбины — Харьковский турбинный завод... Я бы отметил три особенности этой стройки. Первая та, что часть оборудования сделают в самой Болгарии. Болгарские специалисты спроектировали такой ответственный объект, как машинный зал. Вторая особенность — здесь нет ни одного советского строителя, а только инженеры, осуществляющие авторский надзор. Все это говорит о том, что Болгария стала высокоразвитой индустриальной страной, имеющей свои квалифицированные кадры.

И третья особенность, я бы даже скорей назвал ее первой,— тут имеет место не простое экономическое сотрудничество, а качественно новое взаимоотношение между народами, когда людей связывают не одни лишь производственные отношения, а в первую очередь сердечная дружба, общая идеология, общее стремление создать новый мир, новое человеческое общество...

Я слушал Левича и думал о том, что особенность эта характерна для всех народов стран социализма.

И вспомнилась мне недавняя встреча на Кубе, где я познакомился с парнем из Врацы — Стефаном Иордановым. Он руководил там группой болгарской молодежи, входящей в состав интернациональной бригады.

— Я строил Нововоронежскую АЭС и там специализировался на сооружении атомных объектов,— сказал мне Стефан.— Потом работал в Козлодуе. А когда мы закончим здесь школьный городок, то я снова вернусь на свою стройку. Тут, на Кубе, мы работаем плечом к плечу не только с советскими ребятами, с которыми нас связывает крепкая и давняя дружба, но и с молодежью многих других стран. И мне думается, что наша интербригада — это прообраз того нового мира, в котором все люди будут братьями и сотрудничество всегда будет помножено на дружбу...

Пройдет немного времени, и зашагают от Козлодуя рядом с деревьями Ботевской аллеи мачты линии электропередач, и это тоже будет символический памятник. Памятник труду тех, кто высадился здесь, на дунайском берегу, и пошел в славный бой за создание первенца болгарской атомной энергетики.

ИЗ ЛАБОРАТОРИИ — В ЦЕХ.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

ЛИТАЯ ПАУТИНКА

Есть в нашей редакции своеобразный музей. Бережно хранится застывшая капля металла, первая капля, полученная в новой домне, кусок породы, положивший начало крупному руднику, синтезированный в лаборатории материал, блок будущей, еще не созданной электронно-вычислительной машины, над разработкой которой бьются сейчас ученые... Овеществленные труд и мысль тех, о ком писались очерки и репортажи...

Из этой командировки я тоже привезла для нашего музея экспонат. Будучи как бы символом последних достижений науки и производства, он в то же время содержит в себе ростки новых свершений в электротехнике и металлургии, электронике и биологии, метрологии и ядерной физике.

Внешне этот экспонат выглядит довольно скромно: почти невесомая, маленькая бобина (она легко умещается на ладони) с намотанным на нее сереньким проводком. Но если учесть, что этот проводок в несколько раз тоньше паутинки (человеческий волос — слишком грубая величина для сравнения с ним!), и что он к тому же заключен в стеклянную трубочку такого же диаметра, и что этот материал и точнейшие приборы из него выпускают только на единственном заводе на всем земном шаре, то подарок оценится по заслугам.

Место его рождения — СССР, город Кишинев, завод «Микропровод».

* * *

Группа физиков, студентов Кишиневского университета, проходивших практику в Москве, увидела прибор для литья микропровода случайно. В одно из воскресений они зашли на Выставку достижений народного хозяйства. Гида не было, и ребята сами рассматривали новинки техники.

Их внимание привлек несколько необычный прибор, около которого лежали стеклянная трубка и какой-то проводок. Надпись сообщала, что это лабораторная установка для литья микропровода, созданная в Институте металлургии имени Байкова. Литой провод? И при чем здесь стеклянная трубка? Из сотрудников института в павильоне никого не оказалось. Так студенты и вернулись в Кишинев, не узнав ничего путного о приборе.

Может быть, этот случай и забылся, если бы несколько человек после окончания университета не были направлены на только что организованный в Кишиневе завод «Микропровод» — первенец молдавского приборостроения. Шел 1958 год.

Завода, собственно, как такового еще не было. Его надо было строить. Вот тут необходимость и заставила вспомнить о приборе, увиденном на ВДНХ. От свойств провода, и прежде всего от его диаметра, зависит все точное приборостроение: электро- и радиоизмерительная техника, метрология, электроника. Без него не построить ни высоковольтной линии электропередачи, ни вычислительной машины, ни электронного микроскопа. Уменьшение веса, надежность, тонкость провода определяют качество и габариты будущих приборов, созданных на его основе. Причем не обычных, а миниатюрных, с высокой степенью надежности. Это стало задачей № 1 для отечественного и всего мирового приборостроения.

Испокон веков провод получали методом протяжки через отверстия — фильеры. Однако их нельзя уменьшать до бесконечности: провод не выдерживает, рвется. Как часто бывает в технике, наступил период, когда старый метод заводит в тупик, и, чтобы найти решение задачи, необходимо пойти совершенно новым путем. Им мог стать литой микропровод из манганинового сплава. Увлекала и огромная экономия материала. Например, если для партии резисторов из обычного провода, выпускаемого везде, необходимо 60 килограммов сплава, то на их же изготовление из микропровода понадобится лишь 150 миллиграммов этого дорогого металла. Иными словами, чемодан исходных материалов обеспечивал год работы завода.

Вот тогда-то и вспомнили о приборе для литья микропровода, который видели на выставке в Москве. Но тут выяснилось, что он не смог помочь заводу: и состав металла был не тот (медь), и свойства провода не те, и толщина его тоже не устраивала инженеров.

Желанный манганиновый микропровод, как нить Ариадны, привел кишиневских энтузиастов в Ленинград, во Всесоюзный научно-исследовательский институт электроизмерительных приборов.

Еще в 1948 году в этом институте профессор А. В. Улитовский разработал лабораторный метод литья манганинового микропровода. Это было, по существу, революцией в технике, созданием новой науки — микрометаллургии. Сам Алексей Васильевич не дожил до торжества своей идеи: Ленинской премии он был удостоен посмертно. В институт, где теперь работают его ученики, и пришли кишиневские энтузиасты.

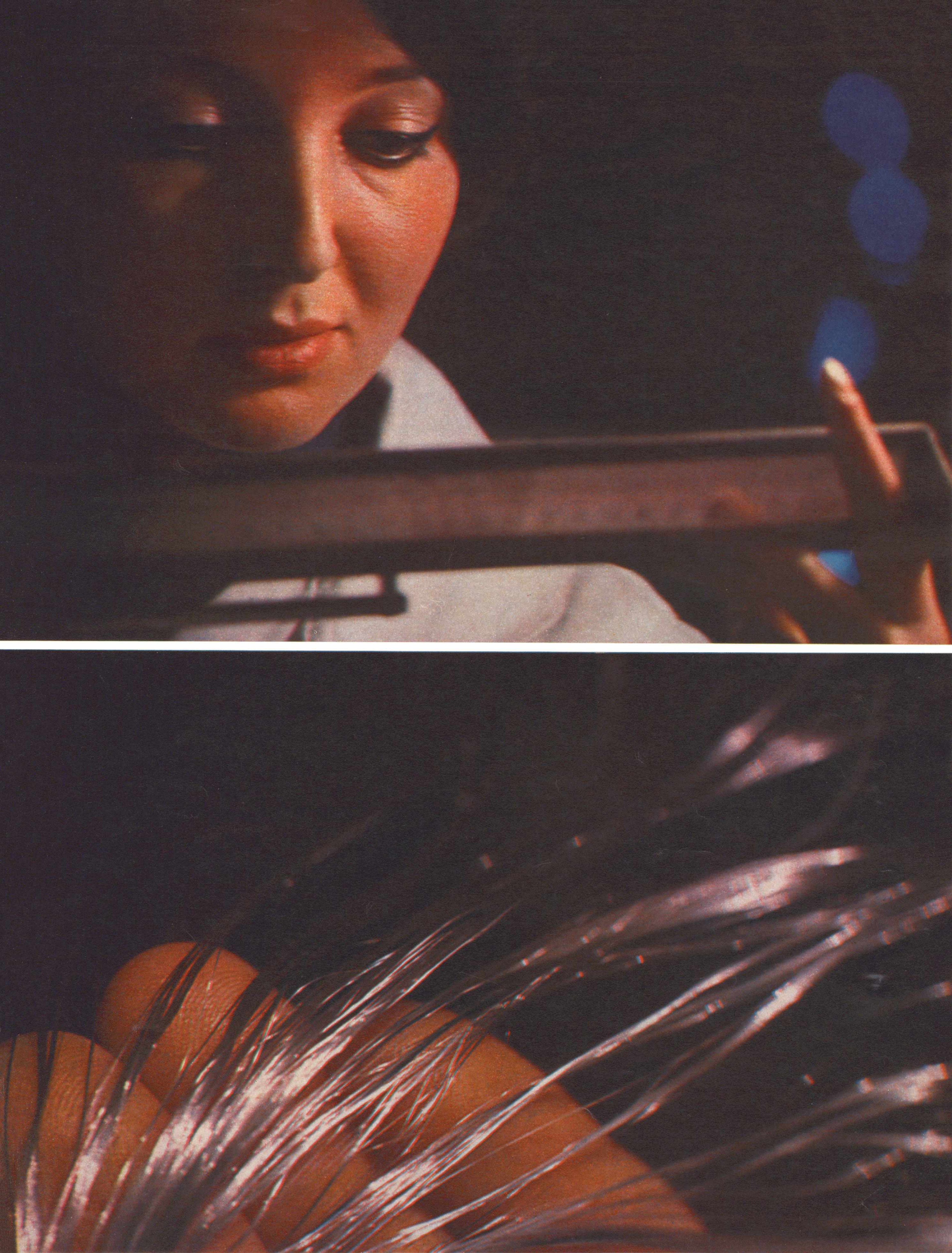
Теперь многие из тех, кто робко вошли в кабинет директора ВНИИЭПа Вячеслава Васильевича Орешникова, заняли на заводе руководящие посты: Владимир Кибенко стал главным конструктором, Леонид Спивак — начальником производства, Анатолий Савенков — главным инженером, Павел Высокий — главным технологом, Михаил Фрухтман — заместителем главного конструктора. А тогда это были совсем молодые физики, технологи, инженеры, рабочий стаж которых был, как говорится, «без году неделя». Они, эти начинающие, еще не знали, какие трудности ждут их впереди, каким тернистым будет путь от лабораторной установки до промышленного производства. В институте получили первые метры провода, а надо было, чтобы манганиновая паутинка выходила из «печи» непрерывным потоком и была столь длинной, что при желании ею можно было бы опутать всю землю по параллелям и меридианам, чтобы провод не рвался, чтобы манганиновый сплав непрерывно вливался в тончайшую стеклянную трубочку, чтобы чуткие приборы постоянно контролировали качество микропровода, чтобы...

Этих «чтобы» было бесчисленное множество. И если работники завода по молодости лет в полной мере не осознавали «размера бедствия», то известные специалисты директор ВНИИЭПа В. В. Орешников и бывший в то время главным инженером Г. И. Кавалеров хорошо представляли, что ждет этих одержимых и их самих, если они ввяжутся в «эту историю».

Конечно, можно было вежливо отделаться от посетителей, сославшись на трудность задачи, и по-

Те, кто трудится в цехах кишиневского завода «Микропровод», должны обладать острым, внимательным взглядом, чуткими, умелыми руками. Молодая намотчица Зинаида Галбер.

Тонок человеческий волос, но литой проводок раз в двадцать тоньше его.
Фото Г. КОПОСОВА.

искать для исполнения своей научной идеи более опытные руки. Можно было выдать техническую документацию и сказать «до свидания», твердо зная: трудности столь велики, что без помощи ученых на заводе ничего не получится. Но В. В. Орешников и его коллеги по институту поступили иначе. Они поверили этим одержимым, собравшимся создать в Молдавской республике, где была тогда в основном только пищевая промышленность, уникальный завод высокоточных приборов. Они не просто передали им научную и техническую документацию, но и организовали при институте курсы, где кишиневцы прослушали цикл лекций о работах Улитовского. И потом, когда в Кишиневе завод начал вставать на ноги, ленинградцы по первому зову и без всякого зова приезжали в столицу Молдавии помочь, посоветовать, вместе решить ту или иную проблему. Сплав, из которого выйдет литой микропровод, замешивался на прочном союзе ученых и производственников, на дружбе специалистов из солнечной Молдавии и туманного, северного Ленинграда. Вскоре к работе присоединился совсем молодой Кишиневский научно-исследовательский институт электроприборостроения. И вполне закономерно, что в авторском составе, выдвинутом на соискание Государственной премии 1972 года, соседствуют фамилии молдавских и ленинградских ученых с работниками завода.

Но выдвижение на премию будет уже потом. А тогда далеко не все верили в успех дела. Каждая неудача, а их было немало (и генераторы отказывали в работе, и проводок постоянно рвался, и первые полученные резисторы оказывались непрочными и быстро выходили из строя), укрепляла позиции скептиков. Институт, которому было поручено проектировать завод, отказался это делать, авторитетно заявив, что из исходных данных просто невозможно создать такое производство. Кое-кто из административных работников совнархоза даже высказал предположение, что микропровод годится лишь для моторчиков детских игрушек и давно пора ликвидировать это нерентабельное предприятие. Спасло завод лишь то, что во главе Кишиневского совнархоза стоял тогда опытный инженер-металлург Николай Анисимович Щелоков, сумевший угадать вопреки всем очевидным неудачам те перспективы, которые открывала литая паутинка в точном приборостроении. Он поддержал молодой коллектив, и завод получил право на жизнь. Но это право надо было подкрепить практическими делами...

* * *

— Сначала пройдем в литейный цех,— говорит мне начальник центральной заводской лаборатории Борис Захарович Кириленко,— здесь рождается микропровод, отсюда берет начало технологическая цепочка всего нашего производства.

Внешне этот литейный цех выглядит довольно необычно. Ровными рядами стоят установки, за работой которых следят операторы. Оказывается, это и есть печи, где отливается микропровод. Плавят металл токи высокой частоты.

На бобину наматывается рожденный в недрах установок тончайший проводок — в стеклянном туннеле раз в 20 тоньше человеческого волоса непрерывно струится ручеек манганинового сплава. Из одной капли манганина вытягивается металлическая паутинка длиной в несколько километров. Удивительное производство, прообраз литейных цехов будущего...

Просто не верится, что всего несколько лет назад тут поставили первый генератор, единственный на заводе, полученный из Таганрога. Он был еще не приспособлен для производства, и его пришлось почти полностью переоборудовать. Первым наладчиком стал уроженец этих мест молдаванин Василий Банташ.

— Понавешали мы на генератор все что надо,— вспоминает он,— а включать боимся. Вышли все из помещения, включили его длинной стеклянной трубкой. И...

— Последовал взрыв?— испуганно спрашиваю я.

— Нет, взрыва не последовало, но все зашипело страшно, оказались пробои. Только через несколько дней исправили все недоделки.

Сейчас технология производства неузнаваемо изменилась. Изменился и сам первый генераторщик, успел за это время окончить Одесский политехнический институт, стал инженером.

Глядя, как ровно вертится бобина с литой паутинкой, трудно поверить, что генератор работал со сбоями, что металлическая жилка вдруг застревала где-то в горле стеклянной изоляции и вместо провода из установки выходила лишь хрупкая стеклянная трубочка. Сейчас прибор, созданный центральной заводской лабораторией, дает постоянную картину поведения металлического ручейка в микроскопическом стеклянном туннеле, без чего невозможна надежность будущих изделий. Для того, чтобы от лабораторных установок перейти к промышленному производству, потребовалось решение не только технических, но и научных задач, творческий поиск и труд инженеров, конструкторов, технологов, ученых. «Путь, пройденный от идеи и первых лабораторных установок А. В. Улитовского, огромен, попутно решены и другие проблемы, без которых применение микропровода было бы невозможно»,— отмечает академик П. Л. Капица.

Совершенствование производства продолжается. Например, уже создан новый сплав, делающий приборы из микропровода еще более надежными в работе, не боящимися сорокаградусных морозов. Ведутся опыты по привлечению самых последних новинок технического прогресса. Например, в заводской лаборатории ведутся опыты, как приспособить лазер для сварки контактных узлов резистора. Лазерный луч заменяет пайку вручную.

Какие же изделия создают на заводе «Микропровод» из литой паутинки?

Прежде всего миниатюрные резисторы — глаза, мозг и уши нашего стремительного века, основа электротехники, радиоэлектроники, точного приборостроения. Резисторы — продукция завода и в то же время детали для изготовляемых высокоомных приборов электрического сопротивления наивысшей точности: катушек, магазинов, мостов.

Большие золотые медали, полученные 13 приборами в Лейпциге, говорят о качестве и международном авторитете продукции кишиневского завода «Микропровод».

Сейчас трудно найти область производства, техники, науки, где бы не работали приборы из литой паутинки. Они в несколько раз расширили диапазон измеряемых напряжений в высоковольтных линиях электропередач Волжская ГЭС — Донбасс и Конаково — Москва. Они в десять раз повысили зоркость электронных микроскопов, выпускаемых в городе Сумы. Они позволили электронно-вычислительным машинам работать еще более точно, создали новые возможности для прецизионных станков с программным управлением.

Экономисты подсчитали, что использование новых приборов в народном хозяйстве ежегодно экономит государству свыше 100 миллионов рублей.

Но, пожалуй, самая главная черта изделий из литого микропровода — их потрясающая точность, делающая кишиневские приборы эталонами измерений. «Точность созданных эталонных мер, изготовленных на заводе «Микропровод»,— пишет директор Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии имени Д. И. Менделеева профессор В. О. Арутюнов,— более чем на порядок превышает предусмотренную планом точность, а также точность лучших мер сопротивления других стран». Поэтому значение новых приборов, эффект их использования не только в промышленности, но и в науке огромны. Достаточно сказать, что расширение только на порядок предела измерений, как правило, означает появление новых научных открытий. Это объясняется тем, что с созданием более точных, более чувствительных приборов ученые получат возможность наблюдать неизвестные ранее явления и процессы, фиксировать их, узнавать новые сокровенные тайны природы. Например, один из кишиневских резисторов, примененный в электронных микроскопах, повысил зоркость приборов настолько, что ученые смогли наблюдать еще вчера неясные детали вещества, изучать их. Использование подобных же приборов в ядерной физике позволило измерить сверхмалые токи частиц, раскрыть закономерности, которые раньше ускользали от глаз исследователей. Так рожденные в лаборатории ученого приборы возвращаются туда вновь, ускоряя темп научных исследований, выводя их на новые рубежи.

А для завода «Микропровод» таким рубежом станет переезд в новые корпуса, оборудованные по последним требованиям точного производства, где повышение влажности лишь на один процент и температуры на один градус грозит браком целой партии продукции, где чистота помещения оценивается одной пылинкой на литр воздуха.

В самом зеленом в Кишиневе районе Ботаника уже полным ходом идет строительство. Директор завода Евгений Яковлевич Леонтович и его заместитель Коломбина Прокофьевна Анисимова водят меня по строительной площадке, и им почти не приходится говорить обычную в таких случаях фразу: «А здесь будет...»

Уже готов один из производственных корпусов, начато строительство административного здания, вырыт котлован под фундамент столовой. А рабочие, которым предстоит работать в этих просторных, светлых цехах, уже придумали для нового завода поэтичное название «Белый лебедь».

— Посмотрите, действительно легкие линии корпусов, облицованных белой с голубоватым отливом плиткой, по изяществу линий напоминают лебедя, раскинувшего крылья,— говорит мне Анисимова.

Восхищение новым строительством понятно, все просто не дождутся, когда наконец великолепная, точная техника будет рождаться в достойных ее цехах.

Соблюдены все требования к точному производству: в цехе всегда поддерживается постоянная температура и влажность.

Из одной капли манганинового сплава вытягивается провод длиною в несколько километров.

В ТУ ДАВНЮЮ ПОРУ

НИКОЛАЙ КЛЕСТОВ-АНГАРСКИЙ

Николай Семенович Клестов-Ангарский — один из старейших большевиков. В партию вступил в 1902 году (в Парижскую группу содействия «Искре»). Организовывал и возглавлял рабочие демонстрации в Ростове, в Екатеринославе, Кременчуге, Харькове. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам.

Три года отбывает он срок на берегах Ангары в глухом селе, примерно там, где сейчас строится Усть-Илимская ГЭС. Кстати, недавно усть-илимской библиотеке присвоено имя Клестова-Ангарского.

С первых же дней Февральской революции принимает активное участие в работе Московской организации большевиков. Избирается делегатом на Апрельскую конференцию и VI съезд партии.

Будучи одним из организаторов Октябрьского восстания в Москве, являлся членом ревкома Хамовнического района — партийным организатором района от Московского комитета большевиков.

После Октябрьской революции Клестов-Ангарский в течение многих лет был членом исполкома Московского Совета, занимал ряд ответственнейших постов.

Перу Клестова-Ангарского принадлежат многие работы, как партийно-исследовательские, публицистические, так и литературно-критические, в которых он неизменно утверждал марксистские принципы художественного анализа.

Мы печатаем отрывок из воспоминаний Николая Семеновича Клестова-Ангарского.

Сразу после революции 1905 года, в которой мне довелось активно участвовать, я, как член Харьковского большевистского комитета, был арестован и выслан на пять лет в Туруханский край. Но весной 1906 года удалось бежать из Омской тюрьмы и прибыть нелегально в Москву.

Здесь, проживая по паспорту Александра Масленникова, я активно включился в партийную работу. Поступив на службу в книжный магазин «Весна», принадлежащий Путиловой, я организовал в этом магазине явку для пропагандистов московской организации большевиков.

Политических брошюр в то время выходило очень много. Однако нужного подбора для большевистской пропаганды не было.

Познакомившись на одной из явок с Н. Н. Батуриным, я предложил восполнить этот пробел и создать библиотечку для пропагандистских кружков. Батурин очень охотно принял мое предложение, и мы сообща наметили темы и авторов. Название этой серии брошюр дали мы очень длинное — «Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социал-демократии».

Серия состояла из оригинальных произведений, написанных большевиками и членами литературно-лекторской группы МК РСДРП.

Средства для издания этих брошюр я достал у своего старого знакомого, представителя петербургской фабрики «Свет» И. Д. Смирницкого, он же стал официальным издателем «Лекций и рефератов».

Эти книжки пользовались большим успехом и расходились так быстро, что пришлось почти все тут же выпустить вторым изданием. Бумагу для этих книжек я покупал на Варварке, в складе французских писчебумажных фабрик Пализен. Представителем этих фабрик в Москве был старый купец Г. А. Блюменберг.

В одно из моих посещений бумажного склада Блюменберг спросил:

— Господин Масленников, а какие вы книжки печатаете на нашей бумаге?

Я показал ему список брошюр.

— И что же, на них есть спрос?

— Да, как видите, большой.

— А не могли бы вы нам что-либо еще предложить для издания? Бумаги у нас много, и мы заинтересованы в ее сбыте,— сказал купец.

Предложение было не совсем обычным, я обещал подумать и через несколько дней дать ответ.

В ту пору обозначился большой интерес к вопросам политической экономии и философии. Потребность в сочинениях Маркса, особенно в «Капитале», была очень велика. Я знал, как трудно достать эту давно распроданную книгу, и потому решил предложить Блюменбергу ее издать.

Долго подсчитывали и совещались купцы и наконец согласились.

Теперь я должен был найти переводчиков и редактора.

В тот же день вечером я отправился к Ивану Ивановичу Скворцову-Степанову, которого знал по работе в Московской организации.

Долго мы беседовали в тот вечер с Иваном Ивановичем, обсуждая план этой серьезнейшей работы. В свою очередь, Скворцов привлек к переводу Базарова. Когда переговоры подходили к концу и Скворцов-Степанов должен был уже подписать договор, Блюменберг заявил, что для успеха дела он хотел бы привлечь редактора с именем.

Несмотря на все мои уверения, что сбыт «Капитала» вполне обеспечен, Блюменберг продолжал сомневаться и настаивал на приглашении Ленина.

Пришлось обратиться к Владимиру Ильичу. Иван Иванович и я написали ему письмо в Финляндию и получили согласие на общую редакцию.

В газетах появилось объявление об открытии подписки на все три тома «Капитала» Маркса в переводе Базарова и Степанова под общей редакцией Ленина.

Работа началась с перевода 2-го тома «Капитала». Но В. И. Ленин отредактировал лишь первую главу, а от дальнейшей редакции ему пришлось отказаться за недостатком времени.

2-й том «Капитала» вышел в мае 1907 года и разошелся быстро. Но издание всех трех томов затянулось на два года. 1-й том «Капитала» был выпущен лишь в 1909 году.

Помню, выход в свет нового большевистского издания «Капитала» явился крупным событием для всех нас, большевиков. Эта книга помогла нам усилить пропаганду марксистской теории...

С лета 1907 года я стал работать в Петербурге в издательстве «Зерно», которым ведал М. С. Кедров. Имея уже опыт по изданию политических брошюр в Москве, я предложил товарищу Кедрову издавать серию книг, в которых отражались бы важнейшие положения социал-демократической программы.

Предложение было принято. Редактором этих книг стал товарищ Ерманский. Мы выработали с ним подробный план, придумали общее название серии — «Книжки для всех».

Дело наше пошло живо, энергично, выпускаемые книги были интересны, разнообразны по тематике и очень актуальны. Пользовались они большим спросом. Но полиция, разобравшись в их политической сущности, стала за ними усиленно охотиться.

Чтобы замести следы и сбить полицию с толку, мы применяли различные методы. Печатали книги не только в разных типографиях, но и в разных городах: то в Петербурге, то в Москве. Объединяли несколько книжек в один сборник под другим названием. Однако полиция быстро распознала все наши хитрости, и стала конфисковывать книжки прямо в брошюровочной, и даже налагала арест на самый набор.

Несмотря на очень трудное положение и тот риск, которому мы подвергались, никто из нас духом не падал. Одержимые одним желанием — довести идеи партии до широких масс, мобилизовать их на новую борьбу, мы шли на все и решили во что бы то ни стало продолжать издавать задуманную серию.

Конечно, наше упорство ожесточало полицию. Так, однажды, наложив арест, она вывезла из типографии две подводы книг и поместила их в здание Петербургского окружного суда. Числились они за следователем по особо важным делам Александровым.

Товарищи по издательству, основываясь на том, что мне неоднократно удавалось спасать конфискованные книги, попросили и на этот раз взять хлопоты на себя. Помню, Ерманский подшучивал: «Нелегкая задача — обвести вокруг пальца самого следователя, да еще по особо важным делам. Придется действовать приемами Шерлока Холмса».

Я и сам понимал, что дело предстоит нелегкое, и решил вести его если не приемами Шерлока Холмса, то, уж во всяком случае, методами дипломатии.

Начал я с того, что, придя в окружной суд, подал прошение на имя следователя. В этом прошении, как и в личной беседе с ним, делал упор на коммерческую сторону дела, представил сумму понесенных убытков, убеждал, что в книгах нет ничего «криминального», и даже соглашался отдельные страницы перепечатать.

После двух или трех бесед в суде мне удалось встретиться с Александровым в ресторане, при магазине Елисеева. Тут я решил угостить следователя не только вкусным обедом с бутылкой хорошего вина, но и светской беседой. Увлеченно рассказывал о новинках художественной литературы, о театральных премьерах, о городских сплетнях, словом, заговаривал зубы, как мог. Таким образом, расположив к себе следователя, я вошел к нему в доверие. И незаметно переведя разговор на волнующую тему, сумел в конце концов уговорить Александрова выдать мне конфискованные книги без указания условий выкупа.

На следующий день я благополучно вывез книги из Петербургского окружного суда и поместил их на Рождественке, на складе фабрики «Свет», а вскоре эти книги победоносно отправились в большой свет, пропагандируя большевистское дело!

Удалось нам в издательстве «Зерно» издать «Календарь для всех на 1908 год». Составлял его я вместе с Н. Н. Батуриным. Мы стремились отобрать интересный, боевой, политически направленный материал. Ведь, по существу, это был совсем не «Календарь для всех», а своеобразная энциклопедия по рабочему вопросу, облеченная в наиболее популярную форму — форму календаря. В нем были помещены очерки по истории социал-демократии в России, статьи по вопросам рабочего и профессионального движения, рассказы о положении крестьянства, была приведена библиография марксистских книг, вышедших за 1906—1907 годы, сообщалась хроника революционных событий. В «Календаре» читатель мог найти портреты К. Маркса, русских рабочих-революционеров, участников группы «Освобождение труда».

Обложка «Календаря» соответствовала его содержанию: на ней был изображен огромный завод, освещенный лучами восходящего солнца, и на переднем плане стоял молодой рабочий с молотом в руке.

Тираж «Календаря» был установлен 60 тысяч экземпляров, по тому времени очень значительный.

Проспект «Календаря» мы послали Ленину с просьбой дать нам свою статью. Владимир Ильич горячо откликнулся на нашу просьбу и незамедлительно прислал специально написанную для «Календаря» статью «Международный социалистический конгресс в Штутгарте».

К концу августа «Календарь для всех» был подготовлен к печати и сдан в типографию. В типографских документах издательство «Зерно» нигде не упоминалось, формальным заказчиком и издателем согласился быть коллежский асессор Александр Васильевич Траубе, но, повторяю, формально, фактически же доверенность на получение тиража была оформлена на мое имя, я продолжал проживать нелегально по паспорту Александра Васильевича Масленникова.

Мы все, конечно, знали, что, как только о «Календаре» узнает жандармское управление, он будет немедленно запрещен. Поэтому сразу из типографии разослали почти весь тираж по заводам и фабрикам не только Петрограда, но и других городов России. В книжные же магазины он поступил в очень малом количестве и распродавался довольно быстро.

Буквально через два-три дня, как и следовало ожидать, на «Календарь» был наложен арест. Охранники, нагрянув в типографию, произвели тщательный обыск, но ни одного экземпляра не обнаружили.

Поскольку тираж из типографии был выдан мне, то, естественно, я был подвергнут подробному допросу. Чтобы отвлечь внимание полиции от предприятий, я назвал книжные магазины, на полках которых лежали считанные экземпляры. Надо признать, что тут полиция потерпела фиаско. Объездив весь город и предместье, она выловила лишь несколько экземпляров. Почти весь тираж дошел до своего читателя: он переходил из рук в руки на фабриках и заводах, в казармах и на крейсерах.

Так как Траубе, официального издателя «Календаря», в Петрограде не было, то весь свой удар охранное отделение обрушило на меня. Не раз подвергавшийся арестам, я был стреляный воробей. Когда представители охранки явились за мной на Невский, 104, где я тогда проживал, то, конечно, меня не застали. По домовой книге они выяснили, что я срочно выехал в Кострому, на самом же деле ни в какую Кострому я не выезжал, а скрывался на квартире знакомого рабочего.

Первый легальный сборник статей В. И. Ленина был выпущен издательством «Зерно». История этого дела такова.

Издательство «Общественная польза» при содействии меньшевика Салтыкова выпустило сборник статей Плеханова «За 20 лет». Необходимо было противопоставить этой книге работы Ленина. Я снесся с Владимиром Ильичем, находившимся тогда в Финляндии, и попросил его дать для издания сборник его статей.

Владимир Ильич охотно согласился и дал ряд статей под общим названием «За 12 лет». К этому сборнику Ленин написал предисловие, в котором наряду с характеристикой включенных в сборник произведений был дан краткий, но чрезвычайно глубокий очерк истории развития социал-демократии в России.

Помню, как все мы, сотрудники издательства «Зерно», во главе с его руководителем М. С. Кедровым, радовались тому, что нам выпала честь впервые в России издавать сборник Ильича. Ведь многие статьи, входящие в него, видели свет только на страницах зарубежных изданий. Сборник решено было печатать тиражом 3 тысячи экземпляров в петербургской типографии В. Безобразова, находившейся на Васильевском острове.

11 августа 1907 года Лениным и издательством «Зерно» был подписан соответствующий договор. А уже в ноябре вышел из печати сборник «За 12 лет» под фамилией Вл. Ильина.

Типографским маклером издательства был некто Шнеерсон, оказавшийся провокатором. Этот Шнеерсон не раз получал в издательстве деньги за продвижение в цензуре различной нашей литературы. Взял он какую-то сумму и за издание Ленина, а когда весь тираж перевозился из типографии в издательство, транспорт был задержан и книга конфискована. Сохранилось лишь несколько сот экземпляров.

После конфискации произведений Ленина у меня на квартире был произведен обыск. Некоторые бумаги и корректуру забрали. Поскольку я проживал нелегально, мне пришлось в тот же день оставить работу в издательстве и выехать в Москву. Но это меня не спасло, вскоре я был арестован и выслан в этапном порядке в Сибирь. Три года отбыл я на берегах Ангары. В честь этой могучей реки я взял себе партийный псевдоним Ангарский.

Публикация М. АНГАРСКОЙ.

КНИГА О ПРАВОФЛАНГОВЫХ

«Шла подготовка к съемкам телевизионного фильма о депутате Верховного Совета СССР московском рабочем Юрии Николаевиче Дьякове. Уже была закончена режиссерская разработка сценария и даже назначен первый съемочный день, как автор сценария попросил съемки отложить.

— В чем дело? — заволновались в группе.

— Сценарий...

— Что сценарий? — не поняли его.

— Сценарий, говорю, плохой. Не такой Дьяков, как он у меня представлен. Не такой...— сбивчиво говорил автор.— Мне Антонина Ивановна так сказала.

— А кто такая Антонина Ивановна?

— Антонина Ивановна? Антонина Ивановна — это его мать...

На студии не знали, что двумя днями раньше автор встречался с матерью Юрия Николаевича. Хотелось еще раз уточнить события и, может быть, узнать что-то новое. Он рассказывал Антонине Ивановне о замысле фильма, об эпизодах, которые будут сниматься, и о том, каким предстанет ее сын в картине...

— Вы уж на меня не обижайтесь, но только все это не так. Обыкновенный он у меня... Как все... Вот только разве что уж хлопотливый» — вот что услышал автор сценария.

Обыкновенный, хлопотливый... Точные слова нашла мать. Видимо, их можно отнести не только к Дьякову, но и ко многим другим советским людям, ибо всем им свойственна влюбленность в свои профессии, стремление к поиску, беспокойство за дело.

В издательстве «Знание» вышла книга Леонида Николаева «С правом решающего голоса»*. Это очерки о делегатах XXIV съезда партии. Эпизод, рассказанный выше, взят из этой книги. В ней десять очерков, десять судеб, десять разных людей—коммунистов, идущих в первых рядах строителей нового общества.

Это рабочий Юрий Николаевич Дьяков и капитан-директор рыболовецкого траулера «Аугуст Алле» Фридрих Михайлович Тамм, московский ученый Лидия Ивановна Чернеева и ленинградская балерина Ирина Александровна Колпакова, экскаваторщик Харис Гибазов и минер-фронтовик Степан Михайлович Акимов, который до сих пор обезвреживает найденные в земле мины, бомбы, снаряды.

Леонид Николаев рассказывает об этих замечательных людях в тоне непринужденной, спокойной беседы, он умеет уловить и передать настроение своего героя, точными, уверенными штрихами создать его портрет, выхватить характерные факты из жизни, увидеть удивительное в будничном, показать красоту дел человеческих.

Это книга о правофланговых, о тех, кто подает пример другим, и между строк ее читаешь: учитесь у этих людей, заряжайтесь их энергией, их любовью к труду, их преданностью нашему общему великому делу — делу строительства коммунизма.

И. ЕГОРОВА

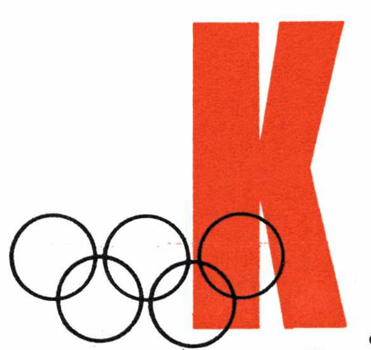
---

* Леонид Николаев. С правом решающего голоса. Издательство «Знание», 1972.

КОГДА ПИШУТСЯ

Анатолий СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

ВТОРОЙ РЕПОРТАЖ С XX ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

МЮНХЕНСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Когда пишутся эти строки, Олимпийские игры в полном разгаре. Идут напряженные соревнования на полях и стадионах, в гимнастическом зале и бассейне, на ринге и фехтовальных помостах. Радио и телевидение получают счастливое преимущество первыми рассказать и показать все это зрителям. Следует отметить телевидение ФРГ, которое по многим каналам ведет активную передачу. В олимпийском пресс-центре установлено около двух десятков телевизоров. Если ты плохо переносишь тяготы передвижений от площадки к площадке, то ты вообще можешь поселиться в пресс-центре на удобном диванчике и лицезреть соревнования на экранах с преимуществом значительно более красочного, словно бы нарисованного анилиновыми красками изображения. Только отлучайся для того, чтобы перекусить в столовой пресс-центра, где все так же рационально устроено, чтобы не тратить дорогое для журналистов олимпийское время.

Говорят, что несколько западных деятелей, относящихся к весу пера, заключили между собой пари на то, кто из них дольше просидит в пресс-центре у телевизоров или у стойки бара и больше напишет для своих изданий.

Вообще пресс-центр не обходят вниманием. На днях его посетил канцлер ФРГ Вилли Брандт. Он остановился у небольшого экрана компьютера, где обычно даются моментальные справки о том или ином из нас, и расспрашивал о том, как идут олимпийские дела, у журналистов. Пока смуглая девушка в сари, развозящая по пресс-центру тележку с горячим чаем, подавала Вилли Брандту картонный стаканчик с этим напитком, напоминающим всем о Цейлоне, журналисты высказали свое неудовольствие некоторыми прорехами в получении информации о ходе Олимпийских игр. Глава пресс-центра, не раз посещавший нашу страну, Ганс Кляйн был несколько смущен такой откровенностью, но тем не менее после этой короткой беседы информация начала поступать более регулярно.

В эти дни пресс-центр посетил и президент ФРГ Густав Хейнеман. Во время обеда президент сказал, что Олимпийские игры являются вершиной спортивных усилий мирных народов во всем мире, и пожелал всем участникам — спортсменам и журналистам — успехов каждому в своей области. Ганс Кляйн представил советских журналистов президенту.

— Я был в Москве в 1964 году,— сказал Хейнеман,— и был на одном футбольном матче на вашем большом стадионе. Я не помню, с кем играла тогда команда «Динамо», но помню, она выиграла. Как она играет сейчас?

— Не наилучшим образом,— ответил я.— Сейчас на первый план вышли молодые команды.

— Вы обратили внимание, как зрители на стадионе встретили во время открытия Игр вашу команду? — спросил меня президент.

— По-моему, очень тепло.

— Да, очень тепло,— подтвердил Хейнеман.

— Нам очень нравится конструкция вашего нового стадиона и примыкающих к нему спортивных сооружений. И особенно его могучая, а на вид совсем легкая, ажурная крыша.

Хейнеман улыбнулся:

— Действительно, интересное архитектурное решение. Я и сам удивляюсь, как все это держится.

В одном из гимнастических залов канцлер Вилли Брандт встретился с руководителями советских спортсменов. Он дал высокую оценку участникам Олимпийских игр, представляющим Советский Союз, и с удовлетворением отозвался о крепнущих спортивных связях как об одной из сторон бо́льшего взаимопонимания между народами СССР и ФРГ.

Первая программа телевидения провела опрос среди зрителей об оценке советской команды. Девяносто шесть процентов ответов — что вообще не бывало при разноголосице общественного мнения ФРГ — высоко оценили наших спортсменов за их достижения, благородство даже во время самых острых соревнований.

...Впрочем, здесь все сейчас, иногда хотя и в шутливой форме, но оценивается олимпийскими баллами. Автор небольшой информации об успехе спектакля «Дядя Ваня» в мюнхенском театре «Камершпиле» наряду с сообщением о том, что занавес в конце спектакля поднимался 17 раз, считает, что золотую медаль за исполнение роли Елены следовало бы вручить Эрике Плюгер, серебряную — за роль дяди Вани — Норберту Плюгеру и бронзовую — Корнелии Фрабе за роль Сони.

Даже появление в столице Баварии жуликов-гастролеров, только в одном из отелей похитивших различных вещей и драгоценностей на 12 тысяч марок, связывают с Олимпийскими играми.

«Деньги не делают людей счастливыми»,— сообщает одна из местных газет, приглашая на работу коммивояжеров. Видимо, гостиничные воры не очень согласны с этим утверждением. 20 марок получает каждый, обнаруживший легковую машину, владелец которой забыл по рассеянности место стоянки. Эта же сумма полагается тому, кто обнаружит угнанную машину, что в эти дни происходит довольно часто.

«Если вы молоды и любите работать,— гласит объявление,— то, хорошенько поискав автомобиль, можете заработать свои 20 марок. А если разыщете два, то и все сорок». Заработок тем более необходим, что, как жалуются любители мюнхенского пива, оно очень взметнулось в цене, дойдя до трех марок за литр. А, как известно, в Баварии ни одно дело не решается без пива. И вообще, сетует уже другая газета, сейчас небольшая порция колбасы стоит столько, сколько совсем недавно стоил добрый кусок филейного мяса.

К счастью, все это относится не к спортсменам, а к бесчисленным сотням тысяч туристов, нахлынувших в Мюнхен.

Спортсмены, как свидетельствует здешняя статистика, пива не употребляют, а выпивают в Олимпийской деревне в среднем пять тысяч литров молока. К этому следует, пожалуй, добавить, что вздорожание продуктов ложится, конечно, на плечи тех, кто и сейчас продолжает бороться за повышение заработной платы и с кем безжалостно расправляются предприниматели.

Газеты, даже шпрингеровского толка, вынуждены сообщать о том, что забастовки продолжаются. Они проводятся различными способами. Так, сталелитейный завод фирмы «Кленкер» из-за необъявленной забастовки, во время которой рабочие приходили на завод, но не работали, уволил 220 крановщиков и других квалифицированных рабочих, требовавших увеличения зарплаты на 16 пфеннигов в час.

Конечно, каждый раз радуешься успехам своей страны. И, конечно же, каждому из нас приятно сообщать об этом. Но и в этом деле необходима мера. В первые дни шпрингеровская печать публиковала буквально аршинные заголовки примерно такого содержания: «Много наших побед в первый день», «Наши футболисты победили Малайзию», «Наши игроки в хоккей победили Бельгию», «Наши гребцы были первыми», «Три наши лодки выдвинулись вперед»... Но о том, что первые золотые медали получили спортсмены Польши и Швеции, сообщалось уже словно бы шепотом...

«Весь мир восхищается нашими Играми», «Мы забыли Токио и Мехико»...— и все в таком же духе... Да, право же, нет. Мы не забыли ни Токио, ни Мехико, ни Хельсинки, ни Мельбурна. Каждый город, каждая страна, в которой побывали спортсмены во время Олимпийских игр, не забыты. Да и к чему их забывать?

Каждый народ принимает гостей как может, от чистого сердца. Так же, кстати, как и народ ФРГ. Можно только пожалеть, что сообщение о том, что Председатель Германской компартии Курт Бахман и член президиума Германской компартии Готье возложили венки на камни Дахау и почтили память жертв немецкого фашизма, мы увидели в небольшой листовке, а не на страницах многотиражных газет, от полос которых порой еще тянет смердящим запахом реваншизма. Думается, все же не эта печать является отражением реалистического понимания дальнейшей судьбы народа Федеративной Республики Германии, не раз кончавшейся трагедией для миллионов немцев, желавших во что бы то ни стало «продвинуться вперед».

ОДА ШЕСТИ ГРАЦИЯМ

Признаюсь, что еще двадцать лет назад, в момент первого успеха наших гимнасток на Олимпийских играх в Хельсинки, я старался не пропустить их выступлений. Уже, можно сказать, сменилось несколько поколений гимнасток, многие из них стали мамами и покинули арену соревнований, но продолжают и в настоящее время заниматься с молодежью задорно, с полным чувством высокого понимания этого вида спорта, который, вероятно, ближе других примыкает к подлинному ис-

ЭТИ СТРОКИ...

кусству, ибо восхищать миллионы людей (телевидение предоставило эту возможность) и есть высокое подлинное искусство.

На Олимпийских встречах мы не раз были свидетелями драматических событий. Как же забыть нам зал в Мельбурне, когда подлинными судьями советских гимнасток стали не некоторые члены судейской коллегии, несправедливо снижавшие оценки нашим спортсменкам, а тысячи зрителей этой далекой страны, так мало тогда еще знавшей не только советский спорт, но и советских людей. Это они, австралийские зрители, фактически заставили тогда необъективных судей женского пола выносить более справедливые оценки нашим гимнасткам, соответствующие их мастерству.

А разве можно забыть выступления гимнасток в Риме? Соревнования и взаимопомощь наших спортсменок, когда так нелегко сложилось выступление на бревне у прекрасной Полины Астаховой? Кто же тогда, как не самая яркая звезда советской гимнастической школы Лариса Латынина, возглавил почетный ряд советских спортсменок!

Думается, что напрасно еще не созданы книги и кинофильмы, в которых был бы высокохудожественно показан путь советских гимнасток. Вот и сейчас, в Мюнхене, мы встретились с новой, удивительно способной группой наших гимнасток, старшим тренером которых является Лариса Латынина, а выводящим тренером — Полина Астахова. Вечером нам предстояло посещение гимнастических соревнований, а днем мы отправились на выставку современной живописи.

Мюнхен гостеприимно открыл выставочные залы, музеи для гостей Олимпиады. Вот и эта выставка привлекает внимание. Просторные, светлые помещения, свободное размещение картин. Гоген, Сезанн, Сислей, Монэ, Ренуар... Около многих произведений публика задерживается. Эти картины доставляют удовольствие. Наполненные мыслью, чувством, радостью, многоцветьем жизни... Работы Пикассо начала двадцатого века и конца 60-х годов. Первые картины привлекают к себе больше. Польский художник Оскар Кокошка, Фердинанд Ходлер, Камиль Писсаро, Василий Кандинский.... Известно, что разные ценители публики по-разному относятся к этим художникам, но это прежде всего всегда искусство...

В двух соседних залах было другое «искусство». Старая автомашина, побитая в каких-то уличных происшествиях, и впереди нее около двух десятков саней с наваленными на них грубошерстными одеялами. И вся эта «композиция» называется «Стая». Еще одно «произведение»: тщательно укрытый коробкой из плексигласа железный ящик со стоящими внутри грязными бутылками... Две обыкновенные лопатки, сходящиеся в одно целое,— название «Коллективная лопата». На стене — прямоугольный кусок материи, на котором жирное пятно. Так и называется «Жирный фетр». Здесь же оказался еще один фетр — этот фетр висел под самым потолком и не то на водопроводной трубе, не то на специальной перекладине, фетр, в общем-то обычный,— «Пиджак и брюки». Композицию можно было разглядывать, только высоко задрав голову. Обратил на нее наше внимание ходивший по залу служитель выставки, подмигнув нам и улыбнувшись: до чего, дескать, доползли некоторые современные художники.

В соседнем зале десять крупных одинаковых портретов, только написанных различными красками: желтой, зеленой, оранжевой. Десять штук, десять полотен. Это портреты киноактрисы Мэрилин Монро. Одно лицо. Это искусство? Сопровождавшая нас переводчица Наташа Шпиц сказала:

— Немецкий кинорежиссер, который ставит сексуальные фильмы, Энди Ворхоль,— и пожала плечами.

Напротив, на другой стене, висела, точно выпиленная по дереву, композиция под названием «Большая американская голая». Лежащая женщина с кричащим алым ртом. Большой оранжевый апельсин на животе. Искусство? Зачем оно?

И вот после всего этого мы оказываемся среди настоящего искусства и спорта, объединенного вместе,— на гимнастике. Один и другой вечер. Без фетра. Без апельсинов, лежащих на животе. Конечно, можно возразить: не сочетается сравнение. Согласен, не сочетается. К счастью, не сочетается. Нет, человечество жило и будет жить по законам красоты. Красота и совершенство форм увлекали и всегда будут увлекать человека, ибо только в этом искусстве он может увидеть себя.

Два вечера, насыщенных эмоциями, волнениями, переживаниями за свою команду. За своих... Да, конечно, за своих, отдавая должное любому спортсмену из любой страны, если он этого заслуживает. Но когда под звуки выходного марша появляется грациозная шеренга советских спортсменок, ведомая Полиной Астаховой, у кого из нас не дрогнет сердце? На спине у каждой из гимнасток номера, но для нас это Людмила Турищева, Тамара Лазакович, Люба Бурда, Эльвира Саади, Антонина Кошель и самая молодая из них — Ольга Корбут. Одна группа, собранная из разных республик и городов Советского Союза.

До того, как появились наши, мы сидели целый вечер в журналистской ложе, время от времени включая телевизор, чтобы посмотреть, что происходит на ринге, в бассейне, на баскетбольной площадке... Звучит музыка Рахманинова. Выступает американка Кеси Регби. Это красивая девушка и очень пластичная. И судьи выносят ей хорошую оценку. Не самую высокую, но хорошую. А затем еще смена команд. Выступают гимнастки Чехословакии, Румынии, Венгрии, Норвегии. Звучит музыка Чайковского. Прекрасно выполняют вольные упражнения венгерки. Вызывают аплодисменты румынские гимнастки. Но вот и последняя четверка — команды СССР, ГДР, Чехословакии и Канады. Начинается увлекательное путешествие от снаряда к снаряду. И это как острое сюжетное представление. Накануне в обязательной программе наши спортсменки оторвались от наиболее сильных соперниц на этих играх — от гимнасток ГДР во главе с прекрасной, волевой Карин Янц. Теперь эти соревнования должны раскрыть новые силы, что-то такое, что еще было неизвестным для нас. Конь, бревно, брусья, ковер. Не очень-то это звучит в сочетании с грацией. Но именно там, на этих снарядах, и раскрываются мастерство и искусство спортсмена.

Если кто-то думает, что гимнастическая арена — это ковер, усыпанный розами, тот глубоко ошибается. Здесь свои трагедии, драмы и неприятности. Не все ладится у Антонины Кошель, она получает невысокую оценку. Но уже следом Эльвира Саади удивительно пластично, с восточной мягкостью, мгновенно меняет отношение зрителей. Хорошо выступает Люба Бурда, ей много аплодируют.

Прекрасно подобранная музыка помогает гимнастке. Впрочем, пристрастие к русской музыке вызывает у нас иногда и улыбку, когда под эту музыку работают спортсменки некоторых других стран. Канадская гимнастка выступала под мелодии «Ехал на ярмарку ухарь-купец» и «Горячи бублики». Но это так, между прочим. Невольно откликаешься на звук, а смотрим, смотрим неотрывно мы за нашими спортсменками. Сколько изящества у Тамары Лазакович! Она поражает всех легкостью исполнения движений. Но у нас еще две превосходные гимнастки. Не погрешу против истины, если скажу, что здесь, в этот второй вечер, семнадцатилетняя Ольга Корбут завоевала навсегда симпатии и восхищение всех тех, кто находился в эти часы под крышей гимнастического зала. Удивительная легкость, порыв, я бы сказал, настоящая поэзия сопровождали ее выступление. Я давно не слышал такого грома оваций, который вызвала эта девушка из Гродно. Трудно было отдать предпочтение кому-либо из своих — Людмиле Турищевой или Ольге Корбут, и когда казалось, что высшего мастерства достигла Оля, выходила Людмила Турищева, и словно бы все повторялось сызнова, но по-своему, отточенно, уверенно, может быть, менее зажигательно, но с удивительной точностью и уверенностью.

Так появилась первая олимпийская золотая медаль у советской команды.

На трибуне почета стояли три команды: Советский Союз, Германская Демократическая Республика и Венгерская Народная Республика.

Три флага поднимались вместе, и три команды, восемнадцать девушек, уходили вместе, сердечно поздравляя друг друга.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА ИЗ ЖИЗНИ ОЛЬГИ КОРБУТ

А на другой день все началось сначала. Только соревнования шли на определение звания абсолютной чемпионки. И снова наши гимнастки, чередой, друг за другом, с разным успехом, но очень хорошо проходят норовистого коня. Направляются к разновысоким брусьям, и здесь совершается то, что приводит в смятение уже успевший полюбить Ольгу Корбут зрительный зал. Ольга срывается с брусьев! Что-то ей помешало. Что-то было не в порядке. (Как мы узнали позже, болела спина.) Но кто об этом мог знать? Да и кто может принять это во внимание, когда идет такое соревнование, в котором на первом месте до этого момента стояла Ольга Корбут, на втором месте — Людмила Турищева, а на третьем — Карин Янц? Ольга отлетает сразу на несколько строчек таблицы вниз. Зал замирает, когда видит цепочку гимнасток, направляющихся к бревну. Что будет с Ольгой? Но Ольга собирается и коронное свое выступление на бревне с честью выигрывает. И тут сдали нервы. Ольга заплакала. И не одна... Со многими зрителями.

Девушки переходят на ковер, и там у Ольги тоже все хорошо. Когда она спускается с арены, к ней подходит немка с букетом цветов и гладит эту девочку из Гродно. Это все приятно. Но... но золотая медаль абсолютной чемпионки Олимпийских игр уже потеряна. Девушки уходят с арены, а у Ольги все еще платок в руках. Прекрасная гимнастка из ГДР Карин Янц утешает Ольгу: завтра ты получишь медаль, только соберись с силами.

Людмила Турищева достойно заняла место абсолютной чемпионки XX Олимпийских игр, а на другой день газеты, в общем, сердечно и даже с сожалением обсуждали это драматическое событие. И было ясно, что советские гимнастки завоевали не только две золотые медали, но и главное — горячую любовь зрителей. Как же быть в этом случае тем, у кого перекашиваются от злобы лица только при виде доброго отношения западных немцев к советским людям? Враги всего доброго и красивого на свете, враги дружбы и уважения народа к народу, конечно же, находят свои платные рупоры, одним из которых явилась газета «Ди вельт», опубликовавшая грязную, циничную статейку, представившую тех, кто стоит во главе этого так называемого «издания», в качестве отвратительных прощелыг и циников...

Последний вечер. Когда разыгрывались медали по отдельным снарядам, мы несколько опаздывали на соревнование из-за приема, устроенного Международным Олимпийским комитетом. Мы подошли к ложе прессы в тот момент, когда зрительный зал взрывался гулом протестов, а на экране промелькнуло, как всегда, спокойное лицо Людмилы Турищевой. Пока мы шли по ступеням к ложе, зал снова захлебнулся в гуле протеста по адресу судейской коллегии. На экране телевизора виделось окаменевшее лицо Ольги Корбут, с темными полукружьями под глазами. Но решение судей было уже вынесено. Звание чемпионки по брусьям заняла Карин Янц.

И вот снова внизу, под нами, бревно. Одна за другой подходят девушки к этому снаряду. Зрители каждую оценивают по достоинству, но с особым теплом принимают они Ольгу. За каждым движением смотрят буквально с душевным трепетом. И вот снова Ольга на бревне. Движение за движением. И, наконец, заданное сальто, соскок, и Ольга на помосте. И оценка — 9,9. И опять аплодисменты. И уже смеющееся на экране телевизора лицо Ольги. Первое место!..

И уже самое последнее исполнение — вольное упражнение. Легко и непринужденно исполняет Ольга все, что поет в ее душе. Здесь и изящество, и веселость, и пластичность, и, конечно же, главное — высокое-высокое мастерство. И снова — гром оваций. И снова — золотая медаль. Вторая медаль у Ольги Корбут. Вторая медаль и у Карин Янц.

Первый раз поднимаются два флага СССР и один — ГДР.

Второй раз — все три флага Советского Союза.

На трибуне стоят Ольга Корбут, Людмила Турищева, Тамара Лазакович.

Звучит гимн Советского Союза. Он очень весомо звучит здесь, в Мюнхене. Ведь в эти дни он звучит в Мюнхене на многих спортивных площадках. А по спортивной арене спокойно проходят три советские гимнастки — Ольга Корбут, Людмила Турищева и Тамара Лазакович.

НА ОЛИМПИЙСКИХ ВЫСОТАХ

Когда Валерия Борзова на пресс-конференции, устроенной после получения им золотой медали за первое место в финальном беге на 100 метров, один из американских корреспондентов спросил: «А что б вы делали, если бы не выиграли первое место?», — то Борзов ответил просто и лаконично: «Я бы проиграл». Это сказать было ему довольно легко, ибо он не проиграл. Очень обидно было журналистам из США увидеть на традиционном месте, от Олимпиады к Олимпиаде занимаемом американским бегуном, советского спортсмена.

— Что вы скажете об американских спринтерах? — спросил уже другой журналист из США.

— Я встречался с ними шесть-семь раз и ни разу не проиграл, — ответил Борзов.

— Вы совсем выложились в этом беге или нет?

— Процентов на девяносто, — так же коротко ответил Борзов.

Вопрос был задан не без умысла. Из трех американских бегунов на старт отборочных соревнований явился лишь один — американский негр Тэйлор, занимавший при всех трех встречах на олимпийском стадионе второе после Борзова место. Остальные двое не явились, как здесь пустили слух, потому что один якобы «проспал» (?), а другой перепутал время соревнований. Не будем уточнять эти детали, только напомним и о другой версии, которая тоже ходит здесь, в Мюнхене, — Тэйлор оказался более честным, чем те двое, которые, зная возможности Борзова, решили тихо уклониться от соревнования.

О стометровом беге нельзя сказать, что он прошел спокойно. Но то, что он п р о л е т е л спокойно, без особой борьбы между Борзовым и Тэйлором, сказать можно. После того, как бег закончился, мы тут же увидели на экране телевизора там же, на стадионе, замедленную съемку, в которой, пожалуй, даже увидишь больше, чем во время самого бега. Мощно, красиво, уверенно уходил Валерий Борзов вперед со старта. Овациями встретил его победу стадион. И такими же овациями проводил Валерия Борзова после вручения медали, когда в предвечернее небо Мюнхена поднялся алый флаг Советского Союза.

Валерий Борзов оказался на высшей точке олимпийских высот, завоевав впервые в истории мирового спорта этот пьедестал для спортсменов Советского Союза. А затем новая блистательная победа — золотая медаль на дистанции 200 метров.

Впрочем, не один он завоевал эти высоты. Мы были свидетелями трогательного прощания со спортом замечательно красивого и духовно и физически Александра Медведя, ныне уже трижды и навсегда победителя Олимпийских игр. Здесь, в Мюнхене, так же, как в Токио и Мехико, он стал обладателем золотой медали. Восемь лет напряженной бескомпромиссной активной жизни, если даже считать только промежутки между Играми, — это огромный срок, говорящий не только о его спортивном мастерстве и таланте, но и об огромной нравственной силе. Трижды поцеловал Александр Медведь олимпийский ковер, прежде чем проститься с ним и на следующих Играх оказаться уже почетным гостем так же, как находящиеся здесь Валерий Попенченко, Борис Лагутин и другие.

Наши велосипедисты, гребцы, борцы, представители других видов спорта за эту первую неделю Игр показали высокие спортивные результаты и высокое мастерство. Конечно, каждый день приносил нам не только радости, но и огорчения. И разве это только у нас одних?

Когда пишутся эти строки, еще идут напряженные олимпийские бои, но о них мы расскажем уже в последнем репортаже.

Мюнхен.
По телефону.

МАТЧ ЗАВЕРШЕН

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Поражением чемпиона мира в 21-й партии закончился матч Б. Спасский — Р. Фишер. Бурный финиш Спасского так и не состоялся. Судьба матча была фактически решена между третьей и десятой партиями, когда стало очевидным, что Спасский растренирован и не может избавиться от опасной шахматной болезни — цейтнота. Только этим можно объяснить элементарные «детские» ошибки, допущенные им. И все же следует отметить, что Спасский во второй половине матча играл значительно лучше, чем в первой. Игровое преимущество было на его стороне. Сколько раз он в период от 14-й до 20-й партии посылал Фишера «в партер», но добиться успеха так и не смог. Фишер, который предпочитает защите атаку, в этом матче показал и большое упорство в обороне. Семь ничьих подряд сами говорят за себя.

Начиная с 1948 года звание чемпиона мира было в руках советских гроссмейстеров. Поэтому неудача Спасского не может нас не огорчать. Но как бы ни было глубоко наше огорчение, надо признать, что Спасский потерпел поражение от достойного соперника.

Таль стал чемпионом мира в 24 года, Э. Ласкер — в 26 лет. Роберт Фишер стоит на «третьем месте»: он завоевал первенство мира в 29 лет. Нового чемпиона мира отличает исключительный природный талант, страстная, фанатичная любовь к шахматам. Надо отметить, что к победе Фишера привела, кроме великолепного мастерства, колоссальная работоспособность. Во время матча что-то не заметно было, чтобы у Фишера сдали нервы. Он выступал ровно, играя и белыми и черными. Если Спасский никак не мог выиграть партию черными, то претенденту удалось одержать черными четыре победы! Это один из секретов успеха Фишера и одна из основных причин неудачи Спасского. Но от чемпиона шахматный мир ждет не только отличных спортивных и творческих результатов, но и высокоэтичного поведения. Будем надеяться, что Фишер это понимает и на своем новом посту будет уважать правила, партнеров, публику.

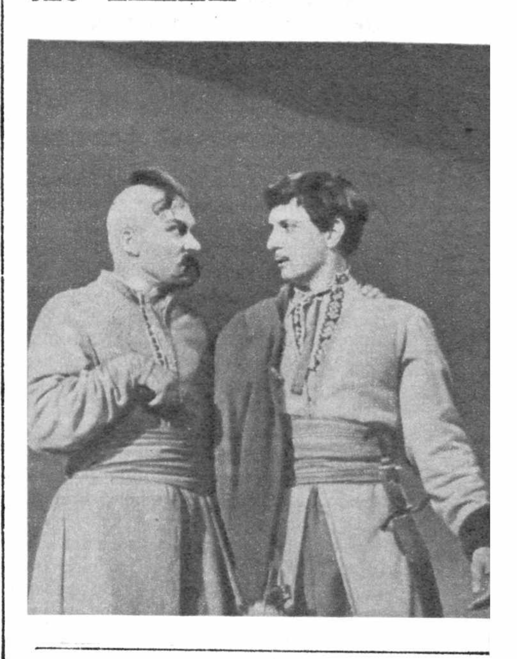
ВСТРЕЧАТЬСЯ ЧАЩЕ!

В. КАУПУЖ,
министр культуры
Латвийской ССР

Шестнадцать лет прошло со времени последних московских гастролей Государственного академического театра драмы Латвийской ССР имени Андрея Упита. Этот большой перерыв, однако, вовсе не означает перерыва в нашей дружбе.

История становления театра, утверждение всех его творческих позиций тесно переплетаются с нашими давними и прочными московскими связями. Так, например, еще в 1949 году — сразу же после первых гастролей в Москве — театр стал называться академическим. Коллектив правильно воспринял получение высокого звания, увидев в нем для себя не только почет, но и творческое обязательство быть готовым к выполнению новых задач, вдохновенному их решению...

БЕРЕЖНО СОХРАНЯТЬ ЛУЧШЕЕ

БОГАТСТВО РЕПЕРТУАРА

Восьмой раз встречается московский зритель с коллективом Башкирского академического театра драмы имени М. Гафури. Открылись гастроли новой пьесой М. Карима, трагедией «Салават».

— Пьеса написана по заказу Министерства культуры СССР, — рассказывает главный режиссер театра Л. Валиев. — Это произведение в высшей степени поэтическое, оригинальное по форме и содержанию. Замысел несет в себе и глубокий философский стержень: перед нами не столько документальная достоверность событий, сколько глубина размышлений нашего современника о далеком прошлом... Причем в перекличке поколений возникает своеобразный суд истории, голос истории...

Мы надеемся, москвичам особенно интересны будут сегодняшние работы. В большинстве своем все спектакли рижан обновлены молодыми актерскими силами.

Одним из бесспорных завоеваний театра является, на наш взгляд, новое прочтение знаменитой пьесы Яниса Райниса «Вей, ветерок». Нынешние гастроли в столице и открылись этим спектаклем. Главный режиссер театра народный артист ЛССР Алфред Яунушан как бы возвратил первозданное звучание пьесе, свойственное ей еще в ту пору, когда она носила название «Лодочник».

В центре сценического решения новой постановки находится сильный, острый социально-психологический конфликт. Лодочник Улдис предстает активным возмутителем спокойствия тихой доселе деревенской жизни, где безмятежно дремали страсти, где среди людей царила покорность... Да и сам Улдис меняется на наших глазах: в нем рождается будущий борец — романтический герой. Исполненный высокого чувства собственного достоинства, он способен всколыхнуть душу своего народа, поднять его на борьбу...

Такая перестановка акцентов в пьесе «Вей, ветерок» не только предмет интересного поиска, но, как нам представляется, значительная творческая находка режиссера и театра.

В области психологии, формирования человеческой личности, ее дальнейшего совершенствования наше театральное искусство имеет свои серьезные задачи. Они завещаны латвийскому театру его создателем, замечательным режиссером, народным артистом СССР Алфредом Амтманом-Бриедитом, и главная из них — дальнейшее укрепление нашей дружбы с русским театром и русской драматургией.

50-летию Советской власти Государственный академический театр драмы ЛССР имени А. Упита посвящает свою новую постановку — спектакль «Дачники» М. Горького... Знакомство наше с великим русским писателем тесно связано с историей становления латвийского театра. Известно, что сценическое рождение «Дачники» получили в 1904 году в Петербурге и Риге почти одновременно. И еще тогда латышские зрители восторженно принимали горьковскую пьесу... Драматургия Горького всегда была и остается для нашего театра ведущим звеном в его идеологической программе. Стремясь приобщить зрителей к гуманистическим идеям революции, театр обращается к творчеству М. Горького и поныне.

Латышская сцена держит также постоянную и самую прочную связь с драматургами братских республик. Театр имени А. Упита показывает в Москве пьесу эстонского драматурга Юхана Смуула «Ыйнь с острова Кихну — дикий капитан». Спектакль этот пользуется и в Латвии и за ее пределами большим успехом. Привлекателен образ отважного мореплавателя. Благодаря своей народной мудрости, невозмутимому характеру и чистому сердцу он помогает запутавшимся в житейском море людям с честью преодолеть трудности... Образ этот, может быть, несколько излишне приподнят, тем не менее он впечатляет, заставляет верить в «магнетическую» силу человеческой доброты.

Собственно латышскую советскую драматургию театр представляет комедией Хария Гульбиса «Мой милый, мой дорогой», которая бичует мещанские, обывательские побуждения ее незадачливых «героев»...

Показывая свои работы, театр питает надежду, что следующее его свидание с Москвой не будет далеким.

ГАСТРОЛИ

Нынешнее гастрольное лето в Москве изобиловало произведениями братского национального искусства. И насколько же велик интерес зрителей к творчеству коллективов, играющих на языке своего народа!.. Об этом свидетельствовали переполненные залы театров. Переполненные, несмотря на то, что в зале постоянно звучала незнакомая речь и перевод шел через наушники, что, конечно, не могло не снижать восприятия спектаклей...

С интересом москвичи ждали приезда харьковчан. Ведь Харьковский академический украинский драматический театр имени Т. Г. Шевченко в прошлые годы не раз демонстрировал большую сценическую культуру, актерское и режиссерское мастерство, своеобразие трактовки и яркий национальный колорит в прочтении драматического материала. Сейчас коллектив харьковского театра как бы подводит свои творческие итоги за пятьдесят лет, и зрители вправе были ждать значительных, этапных работ, привезенных на суд московских зрителей.

Однако теперешние гастроли харьковчан если не принесли разочарования, то и не порадовали настолько, чтобы юбилейную его афишу назвать значительной... Хорошо, конечно, что театр широко привлекает к работе молодых авторов; Л. Галкин и В. Милюха в пьесе «Комендантский час» попытались создать «документальную драму» о героическом прошлом харьковского подполья, действовавшего во время Великой Отечественной войны. Но обилие документального материала, видимо, взяло в плен самих авторов. Они не сумели подняться до серьезных публицистических обобщений, переплавить материал в стройное драматическое полотно, где бы жизненные факты стали предметом искусства, глубокого образного исследования.

К удачам театра можно отнести «Патетическую сонату» Н. Кулиша, получившую сейчас новое, интересное сценическое воплощение. Прекрасное произведение советской драматургии позволило и режиссеру Б. Мешкису, и художнику В. Кравец, да и всему занятому в спектакле творческому составу во всем масштабе проявить себя с лучшей стороны.

«Назар Стодоля» Т. Шевченко и «Калиновая роща» А. Корнейчука — спектакли, постоянно присутствующие в репертуаре театра. Бережно сохраняются и в каждой новой постановке по-новому звучат перлы шевченковской неувядаемой поэзии. Удивительно емкое творчество А. Корнейчука с каждой новой постановкой обнаруживает для режиссера и актеров все новые грани драматургического построения, позволяющего поновому развернуть и сценическое действие. Вот прямое свидетельство тесной зависимости театра от драматургического материала, когда крепкая и талантливая литературная основа таит в себе необъятные сценические возможности.

Пьесе О. Иоселиани «Пока арба не перевернулась» многие театры сейчас отдали свое внимание и свой труд. И нельзя не признать известных достоинств за этой веселой, жизнерадостной, но и в достаточной мере психологически насыщенной пьесой. Закономерен и интерес к ней харьковчан как проявление давней и очень плодотворной дружбы между украинским и грузинским театральным искусством. Только, к сожалению, эту новую работу, хоть она и посвящена театром 50-летию образования СССР, нельзя отнести не только к выдающимся, но и просто значительным событиям в творческой биографии коллектива.

Пятьдесят лет для театра не старость. Но к этому времени обязательно должна определиться степень его зрелости, чтобы следующие этапы творческого «созревания» коллектива могли опираться на твердый фундамент уже завоеванных традиций.

Н. СИЛАНТЬЕВА

На снимке: сцена из спектакля «Назар Стодоля». Назар — артист В. Ивченко, Гнат — артист В. Маляр.

ГАСТРОЛИ

Тема Пугачевского восстания и связанного с ним национального движения вообще очень популярна в Башкирии. Не раз обращались к ней наши драматурги, поэты, режиссеры... А Салават Юлаев и вовсе для нас не просто символ народного духа, «человек из легенды», а живой герой, которого мы знаем и чтим... Пьеса начинается арестом Салавата, мучительными раздумьями 23-летнего юноши о судьбах народных... Пролито море крови, тысячи и тысячи людей погибли, казнены, замучены... Поймет ли их муки история, оценит ли народ?.. И когда Салават уходит в бессмертие, в вечность, слова заключительного монолога: «Жертвоприношение во имя народа бесследно не исчезает» — становятся точкой соприкосновения прошлого и настоящего.

И еще одна пьеса М. Карима идет на башкирской сцене — «Страна Айгуль»... Сейчас мы видим ее в новом прочтении, осуществленном старейшим режиссером театра В. Галимовым.

Героиня спектакля — шестнадцатилетняя Айгуль живет в далеком горном селе. Ее мир—это огромное багряное солнце, зеленый бархат долин, горные ручьи, разноголосица птичьих трелей... «Душа ребенка, как белая бумага»,— выражает чистоту и свет мира. Айгуль старинная башкирская мудрость. Но мир этот рушится, вырывая Айгуль из окружающих ее романтических фантазий и грез. Теперь ей надо выбрать путь жизни, такой, чтоб не быть пассивным свидетелем...

У башкирского театра богатый репертуар. Москвичи знакомятся с произведением татарской классики пьесой «Галиябану», с жизнерадостной комедией итальянского драматурга Пиранделло «Лиола»... А у себя дома, в Уфе, театр показывает в текущем репертуаре «Гамлета», «Ромео и Джульетту», «Манбета», комедии Мольера; к постановке готовится «Иосиф Прекрасный» Н. Хикмета.

Ел. ИВАНОВА

ГАСТРОЛИ

ОБ ОСОБЕННОСТИ ИНТОНАЦИИ

Решив спешно приурочить премьеру — выпуск чеховского «Иванова» — к началу летних гастролей в Москве, Воронежский театр имени Алексея Кольцова, несомненно, шел на риск... И как бы теперь ни хотелось сказать, что, вот, мол, риск—дело благородное и себя в данном случае оправдал,— никак это не получается... В постановке, откуда ушла чеховская глубина, нет ощущения второго плана. Герои вдруг предстали плоскими, однозначными: «плохой» Иванов — «хорошая» Анна Петровна, «плохой» доктор — «хорошая» Шурочка...

Нет, видно, отбирая классику для гастрольной поездки, театру надо было сразу включать в афишу превосходный свой спектакль «Светит, да не греет», где все наполнено мыслью Островского, светом верно найденного режиссерского решения, актерским вдохновением.

Островский радует на сцене без всяких «натяжек». Радует жизненной, социальной и художественной точностью, правдой каких-то удивительно искренних, негромких и некрикливых, но сердечных интонаций; на редкость слаженным ансамблем, где все актеры, начиная от великолепной Р. Мануковской в главной роли помещицы Реневой, играют с видимым удовольствием, на полной творческой самоотдаче, но без того «пережима», который никак не спас да и не мог спасти «Иванова»...

Впрочем, не будем больше вспоминать о той досадной неудаче. Кстати сказать, она оказалась у воронежцев единственной... Тем более что в советских-то пьесах почти все исполнители так блеснули, что, пожалуй, им могли позавидовать даже и в иных столичных театрах... Поистине незабываем, к примеру, Васков — В. Соколов в спектакле «А зори здесь тихие...». Но не только он один так хорош здесь, а все его сподвижницы, девушки-героини...

Да, они героини!.. Актрисы театра Р. Кириллова (Рита Осянина), Н. Гуцол (Лиза Бричкина), И. Мысовская (Женька Комелькова), Л. Митлинова (Гурвич), Т. Краснопольская (Четвертак) вроде бы и не прилагают никаких «усилий», создавая эти образы, а «выпевают» их, свободно, легко, как песню. И, может быть, поэтому каждую тут видишь особо, со своим собственным, неповторимым характером, внешностью, повадкой, настроением... Видишь их и всех вместе как складывающийся — усилиями Васкова — крохотный боевой коллектив, который гибнет, но не сдается...

Спектакль этот опять-таки западает в душу, исполненный светом и теплом творческой интонации, особенность которой начинаешь не сразу, а постепенно ощущать как нечто очень близкое и родственное именно тому поэту, чье имя носит театр.

Простодушие, искренность любви к людям, к родной земле — вот, наверное, как можно расшифровать главную, преобладающую тональность театра. И она кажется наиболее впечатляющей в спектаклях, отмеченных серьезностью, жизненной ясностью темы.

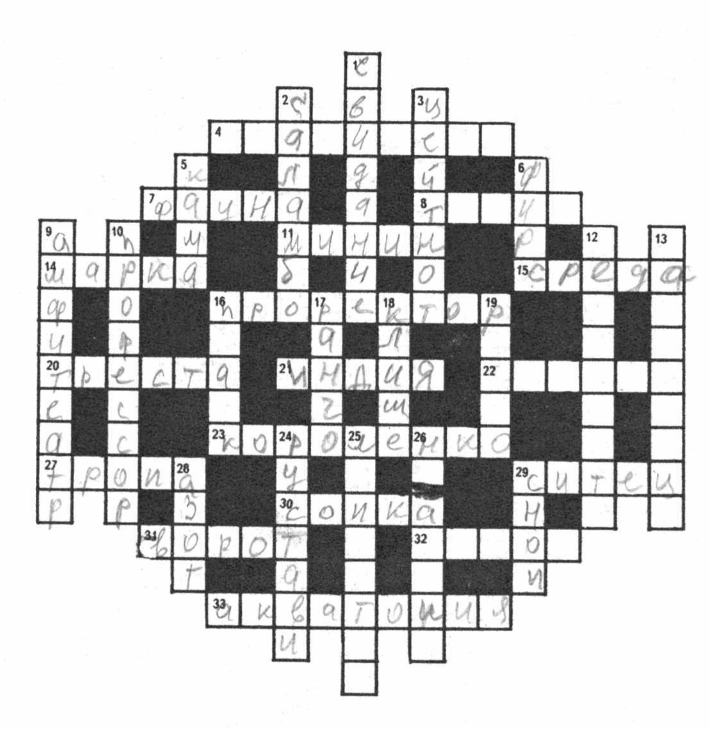
В этом смысле очень хороши у воронежцев Р. Кириллова — Валька и В. Соколов — Сергей в «Иркутской истории». Театр тут снова на редкость мягко, «ненатужно» раскрыл чистоту помыслов своих героев, советских людей, их душевное своеобразие... Интересно, что Валька, встретившись с Сергеем, вступает с ним в сложные психологические отношения, будучи девчонкой куда больше озорной, чем «грешной»; Вальку есть за что любить: это незаурядный человек, ровня Сергею...

Я думаю, что «Сослуживцы» были привезены воронежским театром в Москву скорее из опасения, что москвичи — по такой-то жаре! — не пойдут на известную уже им пьесу «Человек со стороны»... Но москвичи именно на этот спектакль, рассказывающий о жизни большого завода, шли с интересом...

К концу же гастролей, когда В. Соколов в последний раз вышел на сцену в «Зорях» в роли Васкова, как будто простоватый, но вовсе не «простой» трудовой человек, до мозга костей русский, советский солдат, добрый и сердечный, для каждой из своих девчонок-бойцов и командир, и помощник, и заступник, зал дрогнул на прощание долгими аплодисментами, искренними и сердечными...

Н. ТОЛЧЕНОВА

На снимке: Р. Мануковская в роли Реневой.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Прибор для определения площадей фигур на чертежах, картах. 7. Животный мир. 8. Незаконченная поэма А. С. Пушкина. 11. Организатор и руководитель народного ополчения в XVII веке в России. 14. Почтовый знак. 15. День недели. 16. Заместитель руководителя высшего учебного заведения. 20. Солома льна и конопли. 21. Государство в Азии. 22. Морская рыба. 23. Русский писатель. 27. Узкая дорожка. 29. Хлопчатобумажная ткань. 30. Название небольшой горы на Дальнем Востоке, в Сибири. 31. Древнейшая грузоподъемная машина. 32. Духовой инструмент. 33. Участок водной поверхности.

По вертикали: 1. Картина В. Е. Маковского. 2. Роман Флобера. 3. Недостаток времени для обдумывания ходов в шахматной игре. 5. Приток Волги. 6. Персонаж комедии А. П. Чехова «Вишневый сад». 9. Места в зрительном зале. 10. Ученое звание. 12. Стихотворный размер. 13. Порт в Колумбии. 16. Немецкий физик. 17. Скотоводческая ферма на западе США. 18. Печатная форма для воспроизведения иллюстраций. 19. Форма музыкального произведения. 24. Город в Грузии. 25. Травянистое растение. 26. Река в Северной Америке. 28. Химический элемент. 29. Связка сжатых стеблей хлебных злаков.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали: 6. Макаренко. 8. Эскадра. 9. Анапест. 12. «Таврия». 13. Вальс. 15. Огород. 18. Поплавок. 19. Садгород. 20. Универсиада. 23. Фонетика. 24. Валторна. 25. Витоша. 26. Брамс. 29. «Тройка». 32. Витебск. 33. Турбина. 34. Чиполлино.

По вертикали: 1. Гарда. 2. Шарада. 3. Кефаль. 4. Шквал. 5. Гастроль. 7. Кислород. 10. Лаборатория. 11. «Коробейники». 14. Лазоревка. 16. Коринка. 17. Сарафан. 21. Вероника. 22. Молочная. 27. Ректор. 28. Мотель. 30. Абрис. 31. Франк.

На первой странице обложки: Танковый десант. Фото А. Награльяна.

На последней странице обложки: Озеро Тургояк. Южный Урал. Фото Ю. Теуша и В. Швеммера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

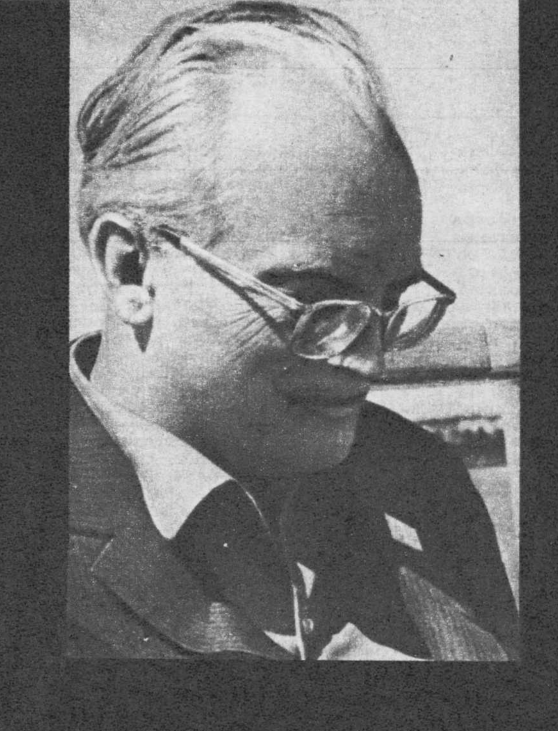
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 21/VIII-72 г. А 00738. Подп. к печ. 5/IX-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1885. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3399.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

БИДСТ

Рисунки Херлуфа Бидструпа известны во всем мире. Они выразительны, остры, смешны, точны. Его карикатуры бичуют. Его карандаш способен на то, чтобы волновать, радовать, восхищать.

Когда смотришь рисунки Бидструпа, то отчетливо ощущаешь улыбку автора — он очень доверителен со своими собеседниками, а их у него — миллионы. Херлуф Бидструп — веселый датчанин, как его называют,— борец за мир, за социализм, за коммунизм. Свой талант он поставил на службу делу свободы. Он с теми, кто борется за лучшие идеалы человечества.

Естественно, что в Советском Союзе любят и глубоко уважают этого художника. Он наш друг, товарищ по борьбе. Херлуф Бидструп пишет: «Моими друзьями стали многие люди в Советском Союзе и в странах народной демократии».

Эта любовь взаимна!

— Я рисую с тех пор, как помню себя,— говорит художник.

Херлуфу Бидструпу исполнилось 60 лет. Полвека он не выпускает карандаша из рук. И рука его крепка, глаз верен, мысль и талант неистощимы.

И люди радуются этому.

1

2

1. **САМАРКАНД** (акварель).

2. **БЕГСТВО С ПОЛЯ.** Из США сообщается, что вывод американских войск из Камбоджи и Вьетнама происходит быстрыми темпами.

3. **САДКО.** Эти зарисовки сделаны во время выступления русского музыкального ансамбля песни и пляски «Садко» в Народном доме Копенгагена.

4. **ЗА МИР.**

5. **ЛИСТОК КАЛЕНДАРЯ.** Рисунок из газеты «Правда» за 6 ноября 1970 года.

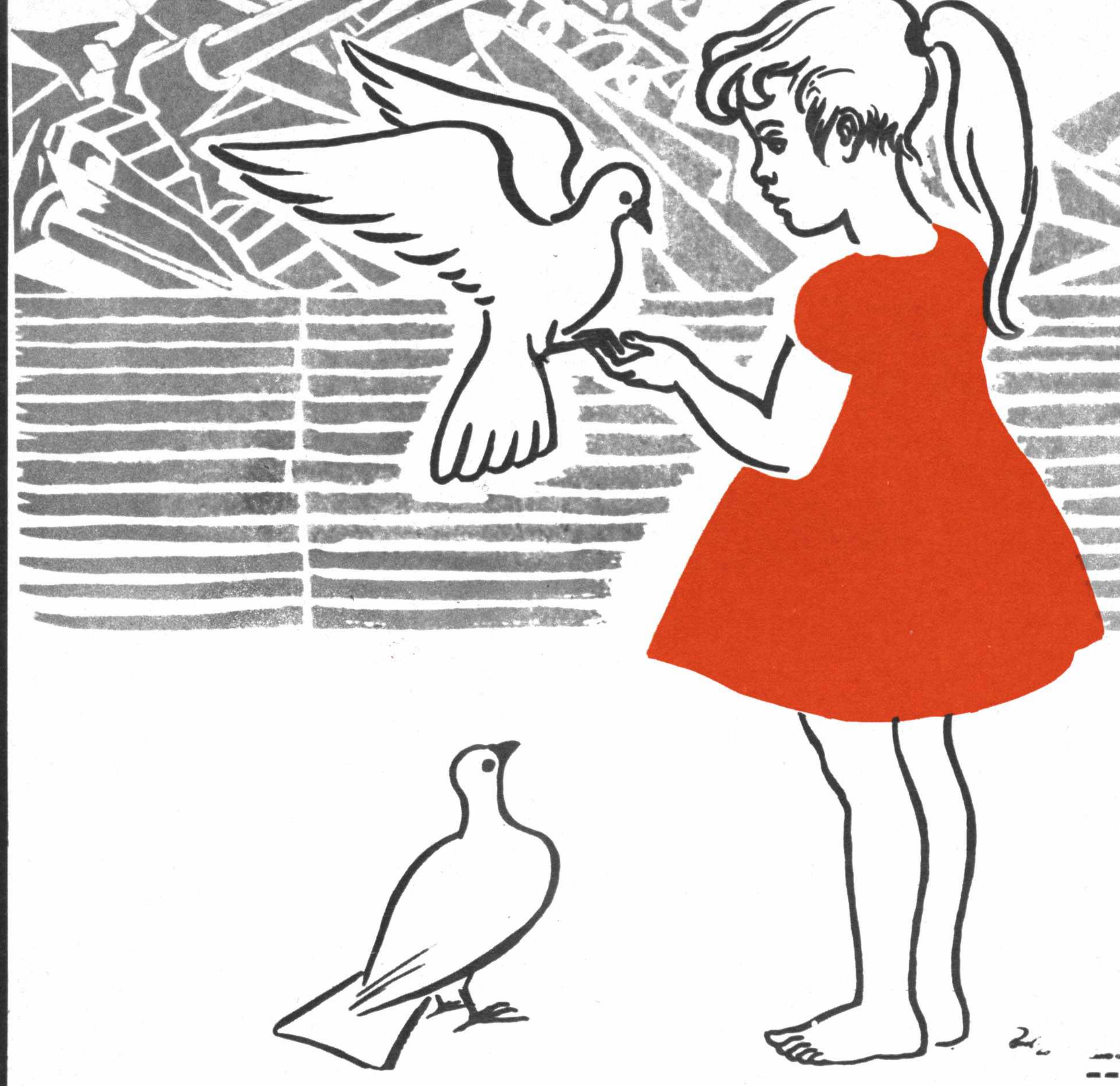
3

РУП

4

5

НОЯБРЬ
7
1000000
STRIKE
STOP
US
WAR
WHITE ONLY
UD AF
NATO
PAX
COMMUNISM
SOCIALISME
PEACE
FRIEDE
PAIX
МИР

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663